

Летопись Ханского дворца. Живые страницы

Летопись Ханского дворца Живые страницы

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
«БАХЧИСАРАЙСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

Летопись Ханского дворца Живые страницы

По материалам научной библиотеки
Бахчисарайского музея-заповедника

КОНСТАНТА

Белгород, 2019

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2Рос.Кры)
Л52

*Издается по решению научно-методического совета
ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический
музей-заповедник»*

Л52 **Летопись Ханского дворца. Живые страницы : по материалам научной библиотеки Бахчисарайского музея-заповедника** / Министерство культуры Республики Крым, ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» ; [подгот. текста, подбор ил.: У. Н. Хатыбова, У. Н. Рамазанова, И. Н. Баккал ; фот. Р. Д. Алиев]. – Белгород : КОНСТАНТА, 2019. – 268 с. : ил.

**УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2Рос.Кры)**

Подготовка текстов, подбор иллюстраций:
У. Н. Хатыбова, У. Н. Рамазанова, И. Н. Баккал

Фотограф: **Р. Д. Алиев**

Издание посвящено описанию Бахчисарайского дворца, столичной резиденции крымских ханов, жемчужине крымскотатарской средневековой архитектуры. Книга содержит фрагменты из сочинений послов, дипломатов, путешественников и этнографов, побывавших в Ханском дворце в XVI–XX вв. При подготовке издания использованы материалы из научной библиотеки ГБУ РК БИКАМЗ.

Книга иллюстрирована литографиями, гравюрами, фотографиями и произведениями живописи из фондовой коллекции ГБУ РК БИКАМЗ.

ISBN 978-5-907159-20-4

© ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», 2019
© Издательство «КОНСТАНТА», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

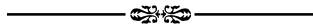
Предисловие	6
О книге	7
Броневский М. Описание Татарии	8
Челеби Э. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.)	12
Манштейн Х. Г. Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное, по приказу графа Миниха, капитаномъ Манштейномъ	20
Сегюр де Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его въ Россіи в царствованіе Екатерины II	28
Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг.	32
Сумароков П. И. Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г. ...	40
Муравьев-Апостол И. М. Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 годѣ	46
Кастельно де Г. Опыт древней и современной истории Новорос-сии. Путешествие в Крым	56
Монтандон Ш. Г. Путеводитель путешественника по Крыму	68
Монпере де Ф. Д. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым	76
Свиньин П. П. Картины России и быт разноплеменных её народов.	86
Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г.	94
Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Вен-грию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г.	104
Пассек В. В. Отрывки изъ путешествія по Крыму	112
Мармон де О. Ф. В. Путешествіе маршала Мармона, герцога Рагуз-ского, въ Венгрію, Трансильванію, Южную Россію, по Крыму и берегамъ Азовскаго моря, въ Константинополь, нѣкоторыя части Малой Азіи, Сирію, Палестину и Египетъ	120

Сементовский Н. М. Путешественникъ (Южный берегъ Крыма)	124
Шишкина О. П. Замѣтки и воспоминанія русской путешествен- ницы по Россіи въ 1845 г.	136
Берг Н. В. Бахчисарай (Отрывокъ изъ походныхъ заметокъ)	148
Мундт Т. Крымъ-Гирей союзникъ Фридриха Великаго. Прологъ столкновеній между Россіей и Турціей	156
Домбровский Ф. М. Дворецъ Крымскихъ хановъ въ Бахчисараѣ.....	168
Марков Е. Л. Очерки Крыма. Картины Крымской жизни, природы и исторіи	218
Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму	228
Горчакова Е. С. Воспоминанія о Крымѣ	236
Свищов Е. И. Путешествіе на Южный берег	248
Никольский П. В. Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии.....	256
Библиография	266

*Как зачарованный, стоит Бахчисарай.
Сияет месяц золотистым светом,
Белеют стены в дивном блеске этом.
Уснул весь город, как волшебный край.*

Леся Украинка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякий раз в устной беседе, а уж тем более в письме, хочется умело изложить главную идею обращения или предстоящего повествования, чтобы умножить интерес собеседника или читателя к предмету. Но применительно к настоящему сборнику все мои попытки настроить читателя на нужный лад окажутся тщетными, а посему передаю слово Теодору Моммзену, наилучшим образом изложившему то, о чем мы имели только отдаленно смутное представление.

«История не в состоянии без посторонней помощи наглядно описать народную жизнь во всем ее бесконечном разнообразии; она должна довольствоваться описанием общего хода событий. В ее состав не входят дела и поступки, мысли и вымыслы отдельного лица, как бы они ни были проникнуты народным духом. Однако попытка обрисовать их хотя бы только в общих чертах по отношению к этим древнейшим временам, почти совершенно исчезнувшим для истории, кажется нам потому необходимой, что глубокая пропасть, которая лежит между нашим собственным строем мыслей и чувств и строем мыслей и чувств древних культурных народов, сколько-нибудь доступна для нашего понимания только в этой области» (Моммзен Т. История Рима, глава XI, Право и суд, стр. 307).

Итак, в путь. Заверяю, что эта дорога, пройденная в дружеских беседах с современниками ушедших событий, окажется несказанно интересной. Несомненно, читатель возжелает пройти по этой дороге многожды.

С признательностью к читателю,

В. Мартынюк

генеральный директор
Бахчисарайского историко-культурного
и археологического музея-заповедника

О КНИГЕ

Яркая палитра этнической картины Крыма издавна привлекала внимание и неподдельный интерес. Богатое культурное наследие Крымского полуострова и разнообразие его природного ландшафта оценили путешественники, художники и поэты. Свои мысли и наблюдения они запечатлели на страницах путевых заметок, ставших сегодня ценным материалом для исследования.

В сердце Крымского полуострова, в живописном предгорном ущелье, у причудливых скал расположился Бахчисарай. Город, основанный более пяти веков назад как столица Крымского ханства, очаровал каждого, кто здесь побывал.

Столичная резиденция крымских ханов, Хансарай, построена на левом берегу реки Чурук-Су. Это единственный в мире памятник крымскотатарской дворцовой архитектуры, который сохранил неповторимый восточный колорит. Одни описывали дворец как «подобие райского сада», другие сравнивали с Мавританскими дворцами, назвав его «Таврической Альгамброй».

Живописная и разнообразная природа Бахчисарая вдохновила художников к написанию картин, а писателей – к созданию поэтических произведений.

Из описаний путешественников можно узнать о том, как выглядел Бахчисарай много лет назад. Перед глазами предстают узкие извилистые улочки, многочисленные фонтаны, уютные кофейни и утопающий в зелени садов Ханский дворец. Описывая в деталях суетную жизнь Бахчисарая, авторы погружают читателя в город мастеров-ремесленников с его веками сложившимися традициями.

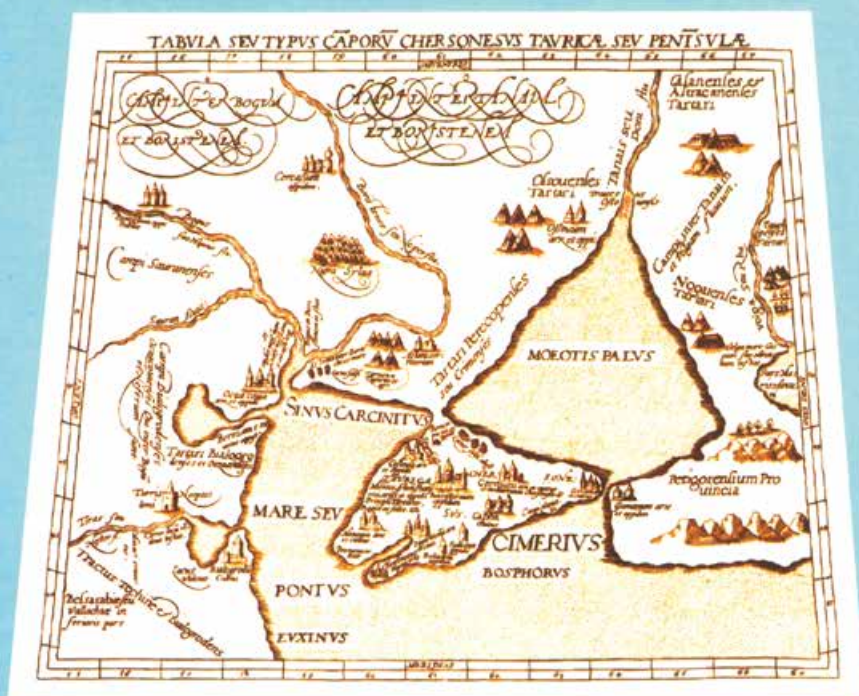
Книга содержит фрагменты сочинений 25 авторов, побывавших в Крыму в XVI–XX вв. Среди них Мартин Броневский, Эвлия Челеби, Петер Симон Паллас, Павел Сумароков и др.

Материалы, представленные в сборнике, дают возможность окунуться в прошлое и вообразить былую роскошь дворца. В каждом фрагменте описания Бахчисарая сохранен стиль оригинала, что позволяет читателю получить сведения из первоисточника.

63.3 (44p - 64p)

5-88

Marcin Broniewski

***Tartariae Descriptio
Opis Tatarii***

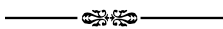
Мартин Броневский

I половина XVI века –
начало XVII века

Мартин Броневский – польский дипломат, государственный деятель, историк, посол короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммеду Гераю, автор сочинения на латинском языке «Описание Татарии», известного из первого издания в Кельне в 1595 г., впоследствии несколько раз перепечатанного и переведенного на разные языки. Это произведение довольно активно используется исследователями как источник по истории и археологии Крыма XVI века.

В 1578 и 1579 гг. Мартин Броневский занимал должность польского посла в Крыму. Составленные им карты северного побережья Чёрного моря были уникальными для того времени и до сих пор считаются ценным наследием польской картографии.

ОПИСАНИЕ ТАТАРИИ

Дворцы и местопребывание Ханов.

Дворцы, или дома ханские, находятся в середине Таврического полуострова. Там есть небольшой городок и первый каменный дом, в котором живет Хан, называется Бакчисарай, городок расположен между двумя горами; посредине его протекает маленький ручеек, от которого город получил название. Возле города построены каменная мечеть и гробницы ханов, из развалин христианских. Неподалеку также от города, из развалин греческих, выстроен монастырь магометанский, и многие татарские гробницы. В конце этого города есть другой город называемый Салачик, с хорошими домами, построенными турецкими жителями. Ханский дворец, или дом, древними татарскими государями великолепно украшен зданиями, мечетями, гробницами и банями. Хань, имея свободное время от занятий, нередко удаляются в этот дворец, с своими женами; потому что это место, или положение дворца, очень благоприятно для охоты. Там есть сады яблоней и других плодов, виноградники, прекрасные поля, орошаемые чистыми ручьями. Много гор и лесов, где видны развалившиеся здания, большие замки, города, в которых живут не многие или не живет никто. Алма-Сарай, при речке Алме, ханский дворец, в котором Хан редко живет; потому что там нет таких выгод для его двора, как в иных дворцах: там одна только небольшая деревня. Несколько незначительных городков и замков рассеяны в окрестности, где содержатся жены ханские. Есть также немногие дома в которых постоянно живут солтаны, то есть ханские братья, сыновья и жены их. Та часть полуострова, в которой живет Хан с своими татарами, от Перекопа к озеру до Крыма, обработана, ровная плодородная и изобилует травами; но к стороне моря ханского дворца, его замков и селений, почва очень гориста, лесиста, но чрезвычайно плодородна и обработана. В этой части возвышаются известковые громадные горы

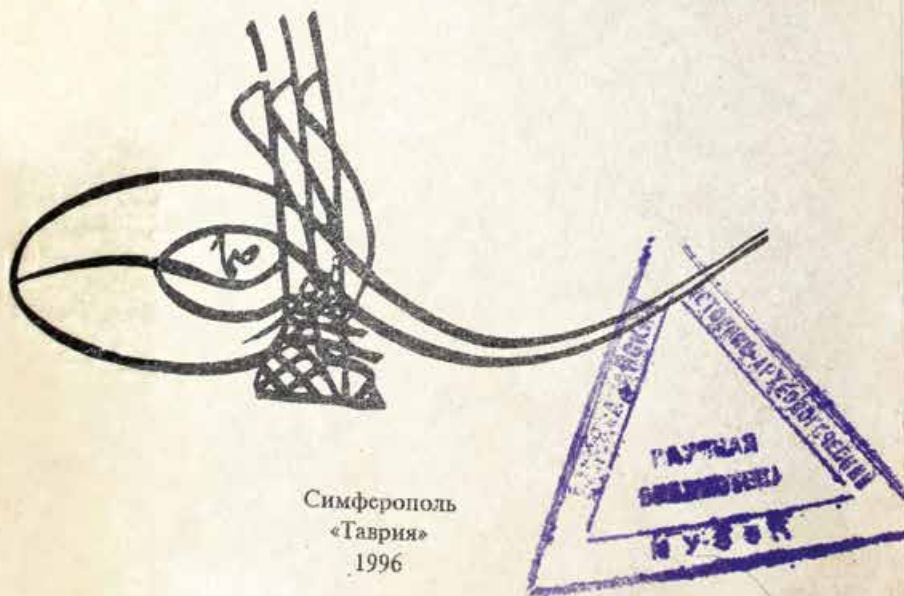
СОХРАНИМ УНИКАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА

КРЫМСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
(Основана в 1996 г.)

Эвлия Челеби

Книга путешествий

ПОХОДЫ С ТАТАРАМИ И ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО КРЫМУ
(1641-1667 гг.)

Симферополь
«Таврия»
1996

Эвлия Челеби

1611-1682

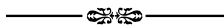
Эвлия Челеби – известный османский путешественник. Он родился в Стамбуле, в семье придворного ювелира. Эвлия получил хорошее образование: кроме обязательных предметов, которые преподавались в мектебе и медресе, юноша изучал мусульманскую философию и право.

Более 40 лет Эвлия Челеби провел в путешествиях по Османской империи и сопредельным государствам, результатом этих странствий стало написание известной «Книги путешествий».

Труд Эвлии имеет огромную ценность как источник по истории, географии, лингвистике, архитектуре и по множеству иных вопросов как османских земель, так и соседей Османской империи.

В 1666 г. османский путешественник посетил Крым по приглашению хана Мухаммед Герая IV.

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЙ. ПОХОДЫ С ТАТАРАМИ И ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КРЫМУ (1641–1667 ГГ.)

Между скалами теми течет ручей живительной воды. Источник вытекает из окрестных скал, протекает через водосборы и бассейны в садах, старательно содержащихся и находящихся поблизости от домов, обеспечивает их водой, приводит в движение несколько водяных мельниц в расположенных ниже кварталах Эскисаладжика, а затем течет через долину лежащего ниже старого города Багчесарая. Ручей сей называется Чюрюксу¹. [...]

Заложили основы благоденствия Багчесарая завоеватель полуострова Крымского Джочи-хан с Эртогмаз-ханом².

Город лежит по обеим сторонам долины, распростершейся за долиной Эскисаладжик. Багчесарай протянулся с востока на запад от ворот Эскисаладжика и до конца Эскиюрта на восемь тысяч шагов, причем широких, богатырских, а не обыкновенных. Этот прекрасный город, измеренный обычными шагами, имел бы длину целого парасанга, ибо один парасанг двенадцать тысяч шагов составляет. Итак, измеренный широкими шагами солдатскими, город Багчесарай имеет восемь тысяч шагов.

Этот прекрасный город лежит как будто в какой-то котловине, в долине обширной, с обеих сторон крутыми горами окруженной. В горах же, расположившихся по обеим сторонам города, выделяются скалы, по воле Аллаха Всевышнего имеющие формы скакуна, слона, верблюда или козы с преудивительными пещерами. Среди тех скал кое-где возвышаются взгорья, землей покрытые.

¹ Название р. Чюрюксу, на которой расположен Бахчисарай, означает «Гнилая Вода».

² Здесь речь идет об основателе Крымского ханства, Хаджи Герее I. Предка этого хана с именем Эртогмаз другие источники не упоминают.

На восток от этой долины ведет дорога к Эскисаладжику; дорога на запад от нее ведет к Эскиюрту; дорога на север – к Акмесджиду; а на юг – к замку Гёзлев³. Кроме этих четырех дорог нет иных путей к Багчесараю. В город ведет также много пешеходных троп, но, пользуясь ими, человек, уподобляясь козе, по горам взбираться вынужден, ибо всюду там крутизна огромная. Если ехать этими четырьмя дорогами, человек видит город Багчесарай лишь тогда, когда достигает скал, у подножия которых он лежит. Город называется Сарай по той причине, что Джочи-хан прибыл сюда из города Сарай, расположенного в Московии над рекой Волгой, и, построив этот город, назвал его Багчесараем. Воды реки Ашлама, которая течет со стороны Саладжика через самую середину города, для различных целей употребляемы бывают, поэтому реку сию называют еще Чюрюксу. Приводит она в движение многочисленные мельницы, а также несет множество нечистот и грязи. С нижней, или же западной, части города течет она через пороховые склады, многочисленные водяные мельницы, вдоль многих огороженных заборами садов к Эскиюрту, а позднее впадает в реку ...⁴

Из одной части города можно перейти в другую по сорока трем мостам каменным и деревянным, построенным на этой реке. По правую и левую сторону реки возвышаются дома этого города, имеющие один и два этажа, все каменные и покрытые прекрасной рубиново-красной черепицей, построенные один над другим от верхушки и до подножий скал, окруженные виноградниками и садами.

Описание усадеб сановников и ханов

Находится тут четыре тысячи пятьсот больших усадеб, покрытых черепицей, со стенами из камня, с прекрасно украшенными дверьми, с дымоходами, стройностью своей уподо-

³ Гёзлев – портовый город на западном побережье Крыма, у залива Каламита, с давних времен важный хозяйственный и торговый центр, возникший на месте Керкинитиды, греческого поселения, которым в III–II вв. до н.э. овладели скифы. После присоединения Крыма к России в 1783 г. городу было дано название Евпатория.

⁴ Эта река является правым притоком реки Кача.

бляющимися кипарисам. Наипрекраснейшим из всех является кёрюнюш⁵ – дворец наисветлейшего хана, расположенный на юг от протекающей через середину города реки Чюрюксу.

Похвала кёрюнюшу – дворцу наисветлейшего хана

Этот город Багчесарай лежит в просторной долине. Джочи-хан, который тут обитал, как воитель за дело Аллаха не заботился о его строительстве и был удовлетворен тем, что там уже находилось. Однако Сахиб Герей-хан, который стал ханом в году ... весьма достойный падишах, стыдясь перед всеми врагами того, что живет в убогой долине Эскисаладжик, возжелал изойти, подобно змию семиглавому, из своего грота в долине Эскисаладжик, осесть и поселиться в этом Багчесарае.

Свой дворец – кёрюнюш в Багчесарае – воздвигал он в течение семи лет. Если человек внимательно присмотрится к тому райскому дворцу, то в удивление, восторг и ослепление впадет. Смотря, невольно палец к устам прикладывает он и чувств лишается – настолько удивителен сей дворец!

Описать его ни один автор еще не сумел. Несмотря на это, я, человек недостойный, исполненный убожества, начну описание его в меру сил и способностей своих, а из-под моего тростникового пера столько драгоценностей посыплется, сколько в море капель, а у светила – лучей.

Итак, удивительный дворец этот со всех четырех сторон окружен садами, на иремские похожими, из-за чего называют его Багчесарай. Чертог сей пресветлый имеет форму четырехугольника, а при виде стен его каменных стены Шеддада в голову приходят. Зубцов, однако, или башен вокруг этого серая нет. Окружность его около пяти тысяч шестидесяти шагов. Со всех четырех сторон имеются крепкие, могучие ворота железные⁶.

⁵ Крымское выражение «кёрюнюш» первоначально означало «свидание», затем «место для свидания», т.е. зал для аудиенций, зал совета.

⁶ Среди разнообразных ворот ханского дворца всеобщее внимание привлекает большой портал в стиле итальянского Ренессанса, произведение мастера Алевиза.

Первые, с северной стороны, – это ворота двора монетного. С этой стороны размещается ханская кухня и кладовая, а также помещения для поваров и подचाших. Вторые – это ворота багчесарайские с юга. Третьи – это ворота старого кёрюнюша, в сторону Мекки открывающиеся.

Четвертые – это ворота нового кёрюнюша, которые в гарем ведут. За прекрасным садом находятся там большие двери гарема, у которых на страже черные ага стоят.

За этими воротами находятся триста шестьдесят двухэтажных усадеб прекрасных и высоких, с кладовыми и комнатами, а также наизысканейшие дома, окрашенные, как хамелеоны. Каждый из них – это творение какого-либо падишаха. В трех местах там находятся кёрюнюши, каждый из которых может вместить три тысячи людей. Это зал заседаний, ибо на языке татарском кёрюнюш означает «зала советов». Первый – это кёрюнюш Сахиб Герей-хана. Второй – это кёрюнюш Бахадыр Герей-хана. Третий же – это обращенный к дворцовому подворью новый кёрюнюш Ислам Герей-хана⁷.

В этих кёрюнюшах заседают ханы и, согласно правилам рода Чингизидов, заседания дивана ханского происходят, правление осуществляется и справедливость восстанавливается.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДИВАНЕ, ПРАВИЛАХ И ОБЫЧАЯХ ЭМИРОВ ИЗ РОДА ЧИНГИЗИДОВ

В назначенном им кёрюнюше прежде всего хан на троне восседает, а уж потом капыкулы и карачи все, руки на груди сложив, сидят – каждый на собственном месте, согласно церемониалу и занимаемой должности.

Одесную хана, как Джем великолепного, восседает калга-султан. Его столицей является город Акмесджид в Крыму.

⁷ Несомненно, здесь речь идет о строениях ханов: Сахиб Герей I (1532–1551), Бахадыр Герей I (1637–1641) и Ислам Герей III (1644–1654).

Отсюда управляет он тремя сотнями деревень – до замка Керчь на восточном рубеже Крыма и до деревень в нахие около Кёледжа⁸.

Ошую хана восседает нурэддин-султан. Нурэддин-султан в присутствии хана выслушивает споры, которые в двухстах пятидесяти деревнях происходят, начиная от реки Качи до замка Гёзлев, до замка Ор, до замков Ченишке и Арабат⁹, а также власть над ними осуществляет и повеления издает.

Наисветлейший же хан отдает повеления калга-султану и нурэддин-султану, ярлыки шахские, языком прекрасным написанные, и тугры пресветлые ханские показывает, а также над всеми власть осуществляет.

Одесную него стоит также шейхулислам ханифийский, а также муфти трех других обрядов¹⁰. Ошую него сидит кадиаскер Муртаза-Али-эфенди, а за ним мулла местный и двадцать четыре кади полуострова Крымского, которые со вниманием выслушивают жалобы в делах, в их казах происходящие, склоки прекращают и споры разрешают. Если же кто из них (да сохранит нас Аллах!) решение, с шариатом несовместимое или несправедливое примет, тотчас кади, несправделиво судящего, татарские улемы немедленно и безжалостно забрасывают камнями.

Визирь ханский же, Сефер Гази-ага¹¹, стоит и только временами сбоку от калга-султана садится. Кяхья капыджи с посохом серебряным в руках расхаживает и людей, жалобы приносящих, впускает. Капыджи, однако, на этом диване не присутствуют. Так же и от-ага службу свою стоя выполняют. Дефтердар

⁸ Кёледж – большая деревня, расположенная в 18 км к северо-западу от Каффы по дороге в Керчь.

⁹ Резиденцией нурэдинов была деревня Качисарай у реки Кача.

¹⁰ Эвлия Челеби упоминает здесь все четыре типа обрядов, или религиозно-правовых суннитских учений, которые несколькими отличными способами трактуют упомянутые в Коране мелкие каждодневные обязанности мусульманина.

¹¹ В 1665–1666 гг., когда Эвлия Челеби совершал описанное здесь путешествие по Крыму, Сефер Гази-ага уже умер. Абзац этот частично основан на записях о каком-то давнишнем пребывании автора в Крыму.

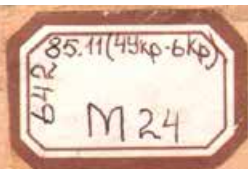
стоит сбоку от калга-султана, нотариус же дивана – сбоку от нурэддин-султана. Оставшиеся доверенные, казначеи, сборщики податей, а также писари дивана стоят отдельно при главном казначее.

Когда же заседание дивана к концу подходит, празднество магометанское устраивается. Среди разнообразных блюд подается всегда и обязательно мясо жеребенка. Ибо татары к шафийскому обряду принадлежат, и мясо конское у них разрешено. [...]

Во всем городе Сарае находится двадцать четыре святыни мусульманские, далее два прекрасных, покрытых оловом, мавзолея, построенные благотворителями, давними ханами, на подворье серая ханского. Внутри них погребены умершие ханы, а именно ханы... В одном из них – гробнице, умиротворения полной, – в гробах, повитых сукном зеленым, покоятся: Гази Ислам Герей-хан, сын Селямет Герей-хана, его дети и кровные, бийимы и бюкче. Гробница эта охраняется специальными дозорными и находится в прекрасном состоянии, она весьма красива и многочисленными пожертвованиями наделяема.

Неподалеку от этой, полной умиротворения гробницы, возвышается джамия Сахиб Герей-хана – прекрасный дом Аллаха, выстроенный в старом стиле, с мощными стенами из каменьев, покрытый сделанными из дерева гонтами. В джамии этой властвует набожное настроение, ибо возведена была она на деньги, добытые на святой войне.

Джамия эта, измеренная от ворот южных до михраба, имеет сто десять стоп длины, семьдесят стоп ширины. Имеет она семьдесят прислужников. Внутри ее находится двадцать амвонов на прекрасных дубовых колоннах, а суфит ее искусно сделан в старом стиле. По правую сторону в джамии этой находится прекрасная галерея, украшенная серебряными лампами и изящными фестолами, где наисветлейшие ханы молятся. Нет, однако, перед джамией дворика, ибо река Чюрюксу течет тут же перед ее дверями входными. Имеет она двери главные и двери ханские, низкий минарет в стародавнем стиле и окна по правую и по левую сторону, а также со стороны сада при мавзолее.

Капитан Манштейн

Описание Дворца

11. Дворянские усадьбы

1824. 4. 13. - № 31. - С. 31

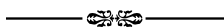
Христофор Герман фон Манштейн

1711-1757

Христофор Герман фон Манштейн – прусский и российский военный деятель, адъютант генерала-фельдмаршала графа Х. А. фон Миниха, дворянин. Автор «Записок о России». Окончил Берлинский кадетский корпус. В 1736 г. вернулся в Россию и в чине капитана поступил на российскую службу. В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в составе Днепровской армии Х. А. фон Миниха отличился при взятии Перекопа (1736), Очакова (1737) и в Ставучанском сражении 1739.

«Записки о России» посвящены российской политической и военной истории 1727–1744 гг. Опубликованы впервые на английском языке в 1770, затем на французском, немецком и английском языках в Амстердаме, Бремене, Лейпциге (1771), Лионе (1772) и Лондоне (1773). В России изданы в 1875 г.

**ОПИСАНІЕ ДВОРЦА
ХАНА КРЫМСКАГО И СТОЛИЧНАГО
ЕГО ГОРОДА БАХЧИСАРАЯ, УЧИНЕННОЕ,
ПО ПРИКАЗУ ГРАФА МИНИХА,
КАПИТАНОМЪ МАНШТЕЙНОМЪ**

Городъ Бахчисарай, столица Ханская, лежитъ въ весьма низкой и узкой долинь, между великими каменными горами. Верхняя часть его раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ въ одной жили Христіане разныхъ націй и законовъ, а наибольше Армяне и Греки, и тамо особливую церковь имѣли, которую Татары, предъ прибытіемъ нашимъ, въ конецъ разорили. Другую и наибольшую часть города населяютъ Татары, и Ханскій домъ въ оной обрѣтается.

Дороги въ городъ прорублены въ каменныхъ горахъ, и того ради очень трудны и худы, съ западной стороны имѣется въ большой долинь предмѣстіе, чрезъ которое мы къ Бахчисараю маршировали.

На Ханской большой дворъ ходъ сдѣланъ каменнымъ мостомъ чрезъ рѣчку немалой глубины, которая течетъ подлѣ дому. Сей дворъ довольной величины и имѣетъ разныя строенія, которыя, сколько я обсервовать могъ, слѣдующимъ образомъ построены и украшены: когда войдешь на дворъ въ большія ворота, то на правой сторонѣ палаты старыя, въ которыхъ Ханъ прежде сего живалъ, а вошедъ въ переднія сѣни оныхъ палатъ, имѣется великая зала и посрединѣ ея бассейнъ. Изъ сей залы ходъ въ верхніе апартаменты, въ которыхъ также великая зала и полы въ ней уложены тамошними чистыми плетеными рогожами, а потолокъ работы мозаической, голубой съ золотомъ; она же раздѣлена на двѣ части: съ правой стороны альковъ съ приступомъ, а съ лѣвой открытая галерея, шириною въ одну сажень; стѣны, вмѣсто обоевъ, украшены разноцвѣт-

нымъ фарфоромъ; окна имѣются верхнія и нижнія; въ верхнихъ стеклянныя окончины разныхъ цвѣтовъ, а въ нижнихъ, вмѣсто стеклянныхъ окончинъ, рѣшетки деревянныя пальмоваго дерева, сквозь которыя воздухъ всегда проходитъ и залу холодитъ; подлѣ оной имѣется большая палата, такимъ же образомъ убранная, окнами въ большую нижнюю залу. По другую сторону пошли многіе покои сряду, но безъ всякаго украшенія. Наружная стѣна палатъ выписана полосами красными, разстояніемъ одна полоса отъ другой на половину фута, и чинитъ видъ преизрядный.

На томъ же дворѣ стоятъ другія палаты, съ большею лѣстницею, на которой имѣются перилы и столбы для подпоры кровлѣ, которая футовъ на пять, или на шесть, выдалась по обыкновенію Китайскому, для защиты отъ жару солнечнаго, и все украшено, какъ съ наружи, такъ и внутри мозаическою работою. По сторону палатъ большія ворота на другой дворъ, на которомъ стѣна лѣвая изрядно украшена мраморомъ бѣлымъ; посрединѣ ея фонтанъ подѣ кровлею, изъ котораго истекаетъ вода въ бассейнъ бѣлаго мрамору.

По правую сторону садъ и новый домъ Ханской, въ которой ходятъ по большой лѣстницѣ; токмо лучшая вещь для виду сдѣланный тамо бассейнъ бѣлаго мрамора, подобіемъ палатъ съ четырьмя шатрами изъ такого же матеріалу, а посрединѣ нѣсколько гвоздей отвертнхъ, изъ которыхъ вода течетъ въ бассейнъ. Полы такими же чистыми рогожами устланы, а потолки выложены деревомъ и украшены мозаическою работою, золотою и красною.

Средина большой залы имѣетъ сводъ круглый, работы преизрядной; вокругъ залы имѣются лавки вышиною отъ полу на один футъ, а шириною четыре фута, и покрыты были коврами, которые прежде прибытія нашего увезены.

Съ правой стороны сего дома много хорошихъ покоевъ, въ которыхъ полы и потолки такимъ же образомъ и какъ зала украшены; окна рѣшетчатые, каковы въ первой большой залѣ старыхъ палатъ.

Съ лѣвой стороны токмо одна большая палата съ каминомъ, въ которой со стороны саду окончины стеклянныя.

Около всего дома покрытая галлерей, и кровля ея лежитъ на каменныхъ столбахъ; внизу сего дома множество фонтановъ по всей стѣнѣ, которые воды свои испускаютъ въ мраморовыя бассейны.

Между старыми и новыми палатами много еще строенія съ разными покаями, изъ которыхъ примѣчанія достойнѣйшіе: сераль, близъ новыхъ палатъ, и между прочими апартаментами женская баня и передняя палата немалая съ большимъ мраморовымъ бассейномъ по срединѣ, глубины полтретья фута, а въ діаметрѣ полторы сажени, и вода въ него течетъ изъ фонтановъ; округъ бани внутри сдѣланы фонтаны и бассейны мраморовые и нѣкоторые кабинетцы отдѣленные, и въ каждомъ особый фонтанъ и бассейнъ.

Оныя бани внизу топятся такимъ образомъ, что можно жару сдѣлать сколько кто похочетъ, и водою довольствоваться по желанію; онѣ же всѣ со сводами, и свѣтъ имѣютъ сверху въ окна, на тѣхъ сводахъ сдѣланныя.

Близъ первыхъ палатъ Ханскихъ имѣется другая баня, такимъ же образомъ мраморомъ бѣлымъ убранная, но токмо на другую персону.

Всѣ сіи разныя строенія имѣютъ сады и фонтаны чистой и свѣжей воды съ ближнихъ горъ.

По лѣвую сторону большаго двора имѣются покои для складовъ, или невольныхъ слугъ Ханскихъ, и по срединѣ небольшая площадь, на которой двѣ мечети со сводами круглыми и съ кровлею, свинцомъ покрытою, гдѣ Ханы погребаются.

По конецъ сего двора великія ворота въ рощу, которая стоитъ на косогорѣ къ зюйду, или полуднямъ; противъ сихъ воротъ, по конецъ горы, разные апартаменты, а позади ихъ покрытая алея съ нѣсколькими кабинетцами решетчатыми пальмоваго дерева, работы и искусства преизряднаго.

Пятьдесятъ шаговъ отъ сей алеи вправо домъ каменный и въ немъ каменный же бассейнъ четверугольный, въ четыре

или пять сажень, въ которой проведены воды съ горы. Сей бассейнъ покрытъ кровлею отъ жару солнечнаго и токмо одно окно имѣеть. На сторонѣ палатъ имѣется еще горница, въ которую проведены изъ помянутаго бассейна пять гвоздей отвертныхъ, въ діаметрѣ по одному дюйму, изъ которыхъ вода течетъ и разносится трубами подземными по всему дому.

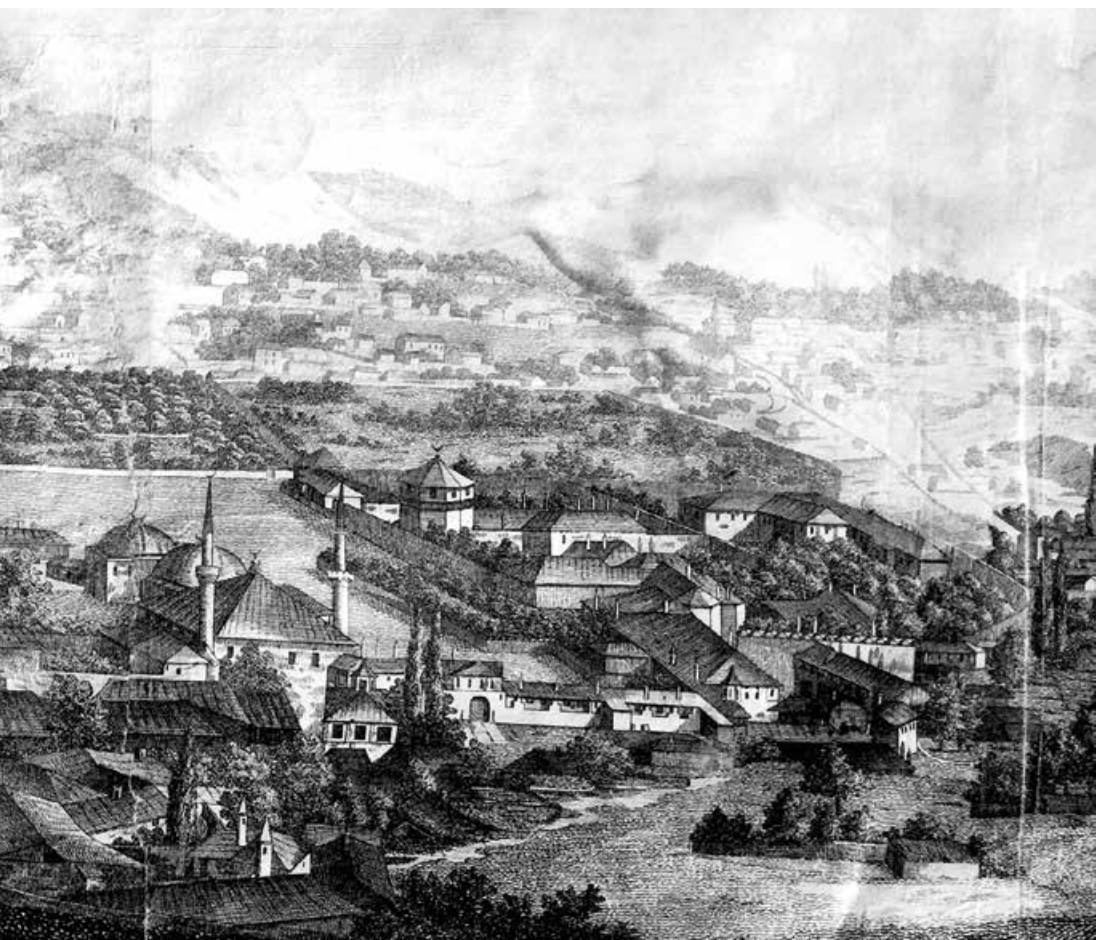
Ханская большая баня подлѣ стараго дому, и ходъ въ нее изъ верхнихъ апартаментовъ съ правой стороны; предъ оною большая зала и въ ней кругомъ лавки, бассейнъ четвероугольный въ одну сажень величины, а посреди фонтанъ мрамору бѣлаго. Вошедъ въ баню, которая украшена бѣлымъ же мраморомъ, имѣются разные кабинетцы со сводами, и вода пускается изъ верхнихъ гвоздей въ мраморовые бассейны, а затопляется она снизу такимъ же образомъ, какъ новыя бани, о которыхъ выше упомянуто.

Прошедъ другой старый домъ, на большомъ дворѣ противъ палатъ построены Ханскія конюшни каменные, шириною около четырехъ сажень, длиною въ пятнадцать. Сіи конюшни не вымощены, токмо всѣ стойла сдѣланы очень покатыя; ясли и столбы между всякимъ стойломъ каменныежъ, и сдѣланы тѣ стойла въ два ряда, окнами на дворъ, которыя довольной величины и за широкими решетками.

Домы въ городѣ, которыхъ около трехъ тысячъ, чисто состроены изъ кирпичу; но четвертая часть ихъ сожжена и разорена.

Паче всего въ Бахчисараѣ, по моему мнѣнію, сожалѣнія достойно, что бывшіе въ немъ Езуиты, убѣжавъ изъ города, оставили по себѣ хорошими книгами снабденную библіотеку, изъ которыхъ большая часть сторѣла, или въ винномъ погребѣ повредилась; понеже оныя Езуиты, при отдаленіи своемъ, книги для сохраненія поставили въ таковой погребъ.

Де Палдо А. Вид Бахчисарая. Гравюра. 1803 г.

ЗАПИСКИ
ГРАФА СЕГЮРА

О

ПРЕБЫВАНИИ ЕГО ВЪ РОССІИ

*Бахчисарайскому музею
въ царствование ЕКАТЕРИНЫ II
Татарско-татарский курьезу
(1785—1789). в дар от графа
Саркизова-Серазими.
Москва. 193*

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

съ прижизненіями переводчика.

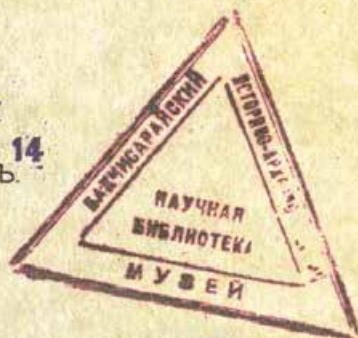
**ПРИВАТ-ДОКЕНТ
ДОКТОР**

Иван Михайлович

Саркизов-Серазими

**Москва, Новослободская 20 кв. 14
С. ПЕТЕРБУРГЪ.**

1865.

Луи-Филипп де Сегюр

1753-1830

Луи-Филипп де Сегюр – французский историк и дипломат, посол Франции при дворе российской императрицы Екатерины II. Старший сын маршала Луи де Сегюра. Учился в артиллерийской школе в Страсбурге, в 1769 г. получил должность лейтенанта в кавалерии. В 1771 г. произведен в капитаны, в 1776 г. – подполковник Орлеанского полка. Сопровождал Екатерину II в поездке по России в 1787 г., о чем оставил записки, являющиеся ценным историческим источником.

Луи-Филипп был членом Учредительного собрания Франции, а в 1792 г. занял пост посланника при прусском дворе. Автор пьесы «Theatre de Phermitage», а также нескольких трудов по европейской истории и политике «Историческая и политическая картина Европы, содержащая историю Фредерика-Гийома II»; («Tableau historique et politique de l'Europe de 1786–96 contenant l'histoire de Frederic-Guilliaume II»).

ЗАПИСКИ ГРАФА СЕГЮРА О ПРЕБЫВАНИИ ЕГО ВЪ РОССИИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II (1785–1789)

Государыня-побѣдительница имѣла пріятную возможность торжественно вступить въ Тавриду и занять престолъ татарскихъ хановъ, которыхъ предки не разъ заставляли русскихъ князей являться съ поклонами къ высококомѣрнымъ предводителямъ Золотой орды. [...]

20 іюня мы переѣхали черезъ Салгиръ и, оставивъ за собою степи, вступили въ гористую мѣстность. Здѣсь, къ удовольствію нашему, мы снова увидѣли тѣнистую зелень, живописные поля, красивые домики, поселянъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ; во всемъ, наконецъ, мы замѣчали присутствіе движенія и жизни, которыхъ и слѣда не было въ пустынной, безлюдной степи. Вечеромъ мы прибыли въ Бахчисарай, и весь дворъ помѣстился во дворцѣ прежнихъ хановъ. Бахчисарай расположенъ въ узкой долинѣ или, лучше сказать, въ ущельи рѣки Чуруксу... Дурно выстроенные дома размѣщены полукружіемъ на покатостяхъ окружающихъ горъ, которые висятъ надъ ними и ежеминутно, кажется, грозятъ завалить ихъ своими огромными скалами. Это странное мѣстоположеніе представляетъ крайне любопытное зрѣлище для путешественника. [...]

Намъ сказали, что ханскій дворецъ, въ которомъ мы помѣстились, былъ построенъ по образцу константинопольскаго серая, только въ меньшемъ размѣрѣ. Онъ на берегу рѣки, вдоль которой Татары устроили набережную. Къ дворцу подъѣзжаютъ черезъ небольшой каменный мостикъ и широкій дворъ. На лѣвой сторонѣ мечеть, подалѣе – конюшни, направо – самый дворецъ, одноэтажный и состоящій изъ нѣсколькихъ зданій различной величины; онъ окруженъ садомъ, раздѣленнымъ на четыре части.

Близъ мечети – кладбище, гдѣ хоронили хановъ, вельможъ и духовенство; оно весьма живописно, какъ и повсюду на востокѣ, разнообразіемъ гробницъ и красотою деревь, ихъ осѣняющихъ.

Ихъ императорскія величества заняли бывшіе ханскіе покои. Фитцъ-Гербертъ, Кобенцель, де-Линъ и я помѣстились въ комнатахъ сераля; къ нимъ примыкалъ красивый садъ, окруженный высокою стѣною. Единственною мебелью въ этихъ комнатахъ были широкіе диваны вдоль всей стѣны. Сердину комнаты занимало вмѣстилище для воды изъ бѣлаго мрамора съ фонтаномъ, непрерывно струившимъ потокъ чистой, свѣжей воды. Комната была полуосвѣщена, стекла въ окнахъ были расписаны; когда мы отворяли окно, то и тогда лучи солнца едва проникали чрезъ густыя вѣтви розовыхъ, лавровыхъ, жасминовыхъ, гранатовыхъ и померанцовыхъ деревь, закрывавшихъ окна своею зеленью и замѣнявшихъ намъ занавѣси.

[...]

Императрица провела въ Бахчисарай только пять дней. [...] Мы наслаждались почти наравнѣ съ нею новостью нашего положенія, которое позволяло намъ безпрепятственно и обстоятельно осмотрѣть внутренность знаменитыхъ гаремовъ, въ другихъ мѣстахъ недоступныхъ христіанскому глазу.

Кюгельхен К. Бахчисарай. Вид гарема и бани. 1804–1806 гг.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 27

**ПЕТР СИМОН
ПАЛЛАС**

**НАБЛЮДЕНИЯ,
СДЕЛАННЫЕ
ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО ЮЖНЫМ
НАМЕСТНИЧЕСТВАМ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
в 1793 – 1794 годах**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. В. ЛЕВИН

Составитель
Н. К. ТКАЧЕВА

МОСКВА «НАУКА»
1999

Петр Симон Паллас

1741-1811

Петр Симон Паллас – немецкий ученый-энциклопедист, был уроженцем Берлина. Однако большую часть своей творческой жизни – сорок три года – он прожил в России, получив здесь в 1767 г. звание академика Петербургской Академии наук. Им был организован и проведен ряд научных экспедиций по изучению Российской империи, от Подмосковья до китайской границы. Результатом этих широкомасштабных исследований стали многотомные публикации по географии, ботанике, зоологии, геологии и другим отраслям знаний.

В 1793–1794 гг. состоялось первое знакомство П. С. Палласа с Крымом. В дальнейшем он поселился в Симферополе и обзавелся несколькими имениями – в дер. Шули и в окрестностях Судака, где его стараниями начало возрождаться крымское виноградарство и виноделие. Из 170 научных работ, опубликованных им при жизни, восемь посвящены Крыму. Знакомясь с трудами П. С. Палласа, нетрудно заметить, что он был не только выдающимся естествоиспытателем, несомненный интерес представляют его наблюдения этнографического характера, особенно для характеристики крымских татар в первые десятилетия после принятия края в состав Российской империи.

НАБЛЮДЕНИЯ, СДЕЛАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЮЖНЫМ НАМЕСТНИЧЕСТВАМ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В 1793–1794 ГОДАХ

Наконец, подъезжаем и к городу Бахчисараю, не видя его самого, спрятанного налево в долине, куда спускаются по крутой дороге, спиной к городу. Узкая долина расширяется, сливаясь с другой, тянущейся SSO к NNW, она закрывается с обеих сторон, в особенности с северной, высокими стенами скал, состоящих из меловых и известковых слоев; в этих скалах находятся несколько пещер и округленных причудливой формы столбов, образовавшихся от выветривания. Маленький ручей Джурюк-су протекает по долине, изливаясь в Качу и разделяя город в длину на две части; он вполне заслуживает свое название, так как выносит с собой все городские нечистоты с улиц и многих выгребов, для чего через них пропущены особые трубы; это очень способствует плодородию огородов, разводимых в долине несколько ниже города, для поливки которых употребляется большая часть речной воды, отведенной канавами близ горы, что невежды принимают за родниковую воду, текущую с высот. Улицы города – по ширине почти версты и по длине двух с половиной – построены по обеим сторонам ручья, поднимаясь уступами одна над другой; они извилисты, узки, ничтожны, неправильны, чрезвычайно нечисты, с плодовыми садами, в которых вмешанные ломбардские тополя составляют украшение, придавая городу вместе с башнями мечетей и изящными дымовыми трубами большей части домов, впрочем очень жалких, красивый вид [...]. Главная улица, ведущая к ханскому дворцу по правой стороне Джурюк-су, обставлена с обеих сторон жалкими лавками, построенными под домами

отчасти из дерева; эта улица так узка, что две повозки разъезжаются только с великими затруднениями; к этому неудобству приходится прибавить ужасную мостовую. В нескольких других улицах едва может проехать одна повозка, а в иных могут двигаться только пешеходы и всадники; в большей их части уложены широкие камни, чтобы пешеходам избегать грязи.

Лучшее украшение города – мечети, училища, бани и ханский дворец с его усыпальницами. [...]

Ханский дворец расположен ближе к западному концу города, на самой речке, на южном склоне долины; он состоит, как ясно показывает рисунок, с северной стороны из различных зданий, беспорядочно построенных вокруг дворов, и заслуживает особенного описания. Первый двор, в который входят через каменный мост и ворота, построен на Джурюк-су, поддержанный каменной прибрежной стеной; он заключает только жилья; слева видна ханская мечеть с двумя башнями, далее – конюшни; справа – собственно ханский дворец, занимающий один верхний этаж; вверху этот двор прегражден садовыми стенами и террасами, идущими от долины. Во внутренний дворцовый двор входят справа, через ворота; над ними построены комнаты; здесь – и вход в самый дворец, в углу слева, пройдя большую прихожую, с несколькими фонтанами, и где, уничтожив маленькие комнаты, расчистили место для удобной лестницы, по которой входят в верхние жилые помещения. Внизу находятся еще несколько комнат и большой зал Дивана. Вверху комнаты и галереи убраны в турецком вкусе коврами и диванами; восточными пейзажами, безвкусно рисованными на стенах; букетами цветов, искусно исполненными; каминами и цветными стеклами в окнах; некоторые в них переделки были сделаны для придания им европейского вида к приему монархии в 1787 году. Посредине обыкновенных ханских комнат устроен продолговатый сад из роз с беседками; в его верхнем конце помещен фонтан, вода которого падает

струями в каменные водоемы, построенные несколько ступенями для эффекта падения воды. Рядом с помещениями ханов находятся маленькие комнаты гарема, плохо убранные и уже почти разоренные; подле них – постройки; над ними возвышается киоск, похожий на клетку, в нем ханы обычно держали соколов и из него по направлению через мечеть открывается несравнимый и самый романтический вид на скалы края города в его северной части. К строениям гарема прилегают несколько садов, и в них – маленькая каменная купальня; но большая, выложенная мрамором, бывшая подле дворца, совершенно разорена.

Большой плодовой сад состоит из четырех террас, поддерживаемых стенами тесаного камня, по ним переходят с одной на другую по каменным разоренным лестницам, устроенным сбоку. Нижняя терраса совершенно покрыта виноградными беседками, а на верхних – одни плодовые деревья разных сортов, их прививки лучшего качества, и между ними есть превосходные груши.

Большая мечеть, стоящая против дворца, – одна из наиболее значительных и самая красивая в Бахчисарае. Внутри ее устроено отделение или ложа с окнами, назначавшаяся для самих ханов; в нее поднимаются со двора по особой лестнице. Именно в эту ложу, чтобы не смущать татар, и вводят иностранцев, особенно женщин, когда они любопытствуют – видеть татарское богослужение по пятницам или большим праздникам, а в особенности посмотреть на крикливые танцы дервишей.

Сзади мечети начинается большое кладбище, поднимающееся вдоль садовых строений; в нем погребены лица ханского рода, наиболее значительные мурзы и духовенство. Оно заполнено могильными камнями, между ними мужские отличаются особой формой тюбана. В этом же месте, неподалеку от церкви, замечаются стоящие рядом два новых прекрасных могильных сводчатых здания и того же назначения – третье, более древнее; первые наполнены гробами ханов, поставлен-

ными на земле и покрытыми черной или зеленой тканями. Одно из этих зданий построено Хаджи-Гиреем. Несколько далее поднявшись, встречается одиночная могила Менгли-Гирея, очень поэтичная, лучшего стиля, окруженная каменными портиками; ее внутренность отенена виноградом и иной растительностью. Значительно выше, на краю самой верхней садовой террасы, построен изящный мавзолей для грузинки, супруги доблестного хана Крым-Гирея, покрытый купольным сводом с золоченым шаром над ним. Могилы самого хана и его брата в виде каменного саркофага с обычным столбом с тюрбаном, отененные деревьями слив и иными, находятся между мечетью и могилой Хаджи-Гирея. По высочайшему повелению все дворцовые здания содержатся в возможно хорошем состоянии как внешними починками, так и сохранением убранства; и то и другое – образцы причудливого стиля азиатов.

Имена старых ханов, погребенных у главной мечети ханского дворца в Бахчисарае, были мне указаны в следующем виде¹.

В первом мавзолее – Батыр-Гирей, умерший в 1051 г. эгир², или 165 тому назад; Ислам-Гирей, умерший в 1025 г., или 150 лет тому назад; Махмет-Гирей, умерший в 1075 г., или 139 лет тому назад. Во втором мавзолее – Адил-Гирей, умерший в 1093, или 120 лет тому назад; Сафа-Гирей, умерший в 1104, или 111 лет

¹ Нижеследующий список ханов, погребенных у главной мечети, напечатан [в издании 1801 г.] в самом конце под заглавием «Добавления» с таким примечанием: "Эти добавления я получил тогда, когда части текста, к которым они должны быть добавлены, были уже напечатаны. Издатель". (Естественно, что добавления не могли быть внесены в свое место в первом издании, но и в позднейшем, 1803 года, малого формата они также оставлены в конце с тем же примечанием; в позднейших французских переводах поступлено также: причину тому мы не можем угадать, но в английских переводах добавления внесены в свое место, чему последовали и здесь [т.е. русском переводе], внося в наиболее подходящие места. Примечание переводчиков.)

² Эгира (эджра, геджра) – начало мусульманского летосчисления. Первый год эгиры – 622-й – от рождения Христова.

тому назад; Хаджи-Селим-Гирей, умерший в 1117, или 99 лет тому назад; Девлет-Гирей, умерший в 1125 г., или 90 лет тому назад; Саадет-Гирей, умерший в 1137 г., или 71 лет тому назад; Каплан-Гирей, умерший в 1149 г., или 65 лет тому назад; Менгли-Гирей, умерший в 1154, или 60 лет тому назад; Селамет-Гирей, умерший в 1156, или 60 лет тому назад.

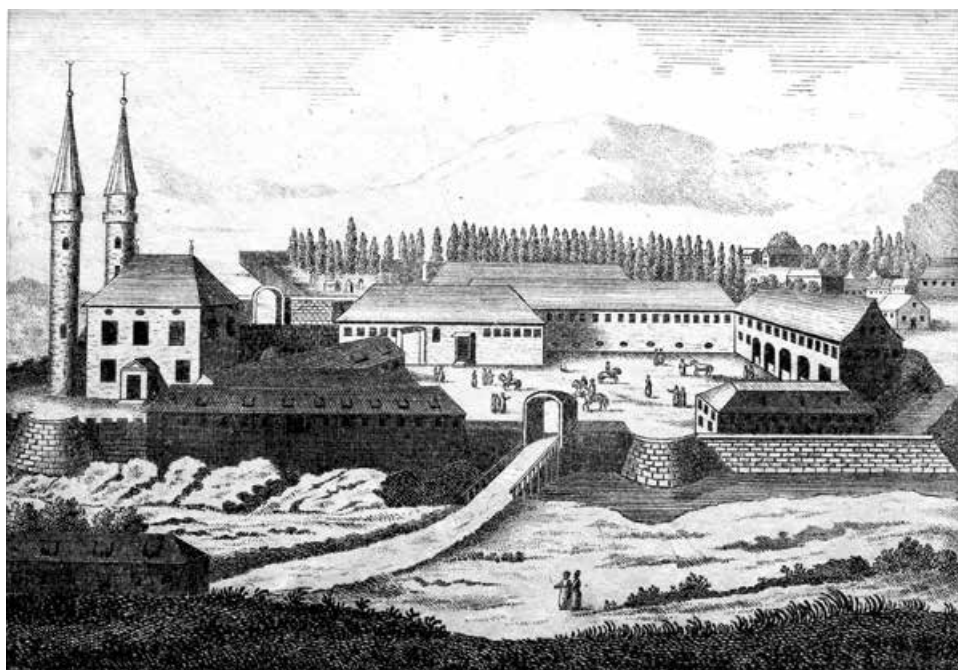
Вне сводчатых усыпальниц лежат: Селим-Гирей, умерший в 1161 г. эгиры, или 55 лет тому назад; Арслан-Гирей, умерший в 1180 г., или 36 лет тому назад; Крым- или Керим-Гирей, умерший в 1182 г., или 34 года тому назад.

В верхнем, прекрасном мавзолее, находящемся вне сада, погребена любимая жена Крым-Гирея Дилира-Бикез, бывшая христианкой; умерла она в 1176 г. эгиры, или 40 лет тому назад.

Нельзя в достаточной мере [не] похвалить в Бахчисарае так же, как и во многих татарских городах, старательного ухода за водопроводами, проведенными с далеких высот подземными глиняными трубами в общественные фонтаны, а также для непрерывного пропуска воды во дворы знатных или богатых лиц. Здесь так умело распоряжаются этими водами, что те, вытекая из каменных водоемов, поступают на поливку маленьких городских садов, а частью особыми каналами проведены в выгребы, устроенные для общественного удобства вблизи фонтанов; таким образом, эти водные струи уносят не только эти нечистоты, но и уличные в ручей Джурюк-су. Татарская полиция тщательно блюдет за исправным содержанием водопроводов на общественный счет, тогда как в других городах, как, например, в Ак-Мечети и Кафе оставили разрушаться по нерадивости и недостатку доброго желания.

Бахчисарай, несмотря на нечистоту его улиц, тесных и сырых, должен почитаться здоровым местом, что следует приписать постоянным тягам воздуха, образующимся в узкой долине, открытой в ее верхней части. Так как она совершенно закрыта от северных ветров, то положение ее чрезвычайно

теплое, и в ней персики, миндаль и иные плодовые деревья и весенние цветы распускаются гораздо ранее; большую часть зимы здесь погода теплая, и даже в ту пору, когда в других местах Крыма чувствуются общие холода. Все необходимое для жизни и ее потребностей получается из населенных мест по Алме и Каче, а также и с гор в большом количестве и по очень умеренным ценам. Его торговля довольно значительна, как потому, что ведется с деревнями, так и благодаря частым приездам верхом в город мурз; все это дает благосостояние и торговцам, и ремесленникам.

Бахчисарайский дворец. Гравюра. XVIII в.

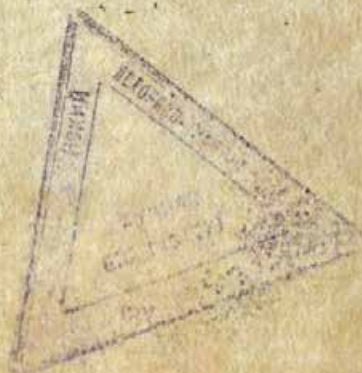
СУМАРКОВ

ПУТЕШЕСТВІЕ

по всему

КРЫМУ и БЕССАРАБІИ,

Въ 1799 году.

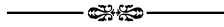
Павел Иванович Сумароков

1760–1846

Павел Иванович Сумароков – русский чиновник и литератор. Автор известного описания Новороссии, опубликованного в 1800 г. Павел Иванович Сумароков происходил из древнего дворянского рода. Его предок был выходцем из Швеции (по другим данным – Литвы), в XVI в. принявшим православие и поступившим на службу к царю. Павел Иванович слыл человеком весьма разносторонним: был сенатором, членом Российской Академии наук, писателем. Особую известность ему принесли исторические сочинения (среди них «Черты Екатерины Великой» (1819 г.)) и драматические произведения (комедии «Зеленый корсет» (1805 г.), «Модник» (1806 г.), драма «Марфа-посадница» (1807 г.).

Первые П. И. Сумароков посетил Крым в 1799 г. Как и многие его современники, путешествуя, Сумароков вел дневник, где подробно описывал не только свои впечатления, но и интересные особенности ведения хозяйства, быта, обычаи, праздники, свидетелем которых он являлся. Его наблюдения были опубликованы в 1800 г. Спустя два года, неожиданно для себя, П. Сумароков вновь попадает в Крым – он был назначен в Комиссию, учрежденную для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове. В свой второй приезд Павел Иванович получил возможность лучше познакомиться с достопримечательностями полуострова и культурой его обитателей. Поэтому его следующее, уже двухтомное сочинение «Досуги Крымского судьи» изобилует ценными этнографическими описаниями.

БАКЧИСАРАЙ

Всякой тотъ, кто бы предпринялъ дать точное изображение сему городу, не угодилъ бы ни самому себѣ, ни справедливости. Кто можетъ представить это ущелье между двухъ утесныхъ горъ, которыхъ разнообразныя виды являютъ, то обтесанныя въ подражаніе искусству стѣны, то кремнистыя изгибистыя скалы, то отторгнутыя отъ своихъ гнѣздъ и къ паденію готовые надъ строеніемъ колоссальной величины камня? Какая оттѣнка картины погрузить Бакчисарай на дно сего ущелья, и ярусами воздвигнетъ по длинѣ его одни надъ другими страннаго вкуса домики? Какая живопись изобразить, извивающіяся по утѣсамъ поверхъ строеній, ужащающія дорожки? Какое искусство разставить сіи минареты, перемѣшанные посреди величественныхъ тополей, которыя во стыдѣ скрываютъ вершины свои подъ хребтомъ господствующей надъ ними высоты? Поистиннѣ Бакчисарай есть образчикъ своеволія и чудесности природы! Дикость мѣста, расщепленная необыкновенными предмѣтами, составляетъ такое зрѣлище, котораго начертаніе пребудетъ навсегда незагладимымъ въ удивленной мысли.

Дворецъ

Дворецъ есть собраніе теремовъ различныхъ фасадовъ и подъ различными крышками, которые, не имѣя съ наружи ни правильностей, ни отличныхъ украшеній, являютъ собою веселое въ Азіятскомъ видѣ зданіе. Я вступилъ въ сіе жилище Крымскихъ властителей, и сличая прошедшее съ настоящимъ, имѣлъ передъ глазами свидѣтельство превратностей міра. – Но пойдемъ далѣе и посмотримъ. Вотъ комната, именуемая Диванъ, гдѣ нѣкогда величавый Ханъ, поджавши ноги на парчевой подушкѣ, или внималъ съ подобострастіемъ посреди своихъ

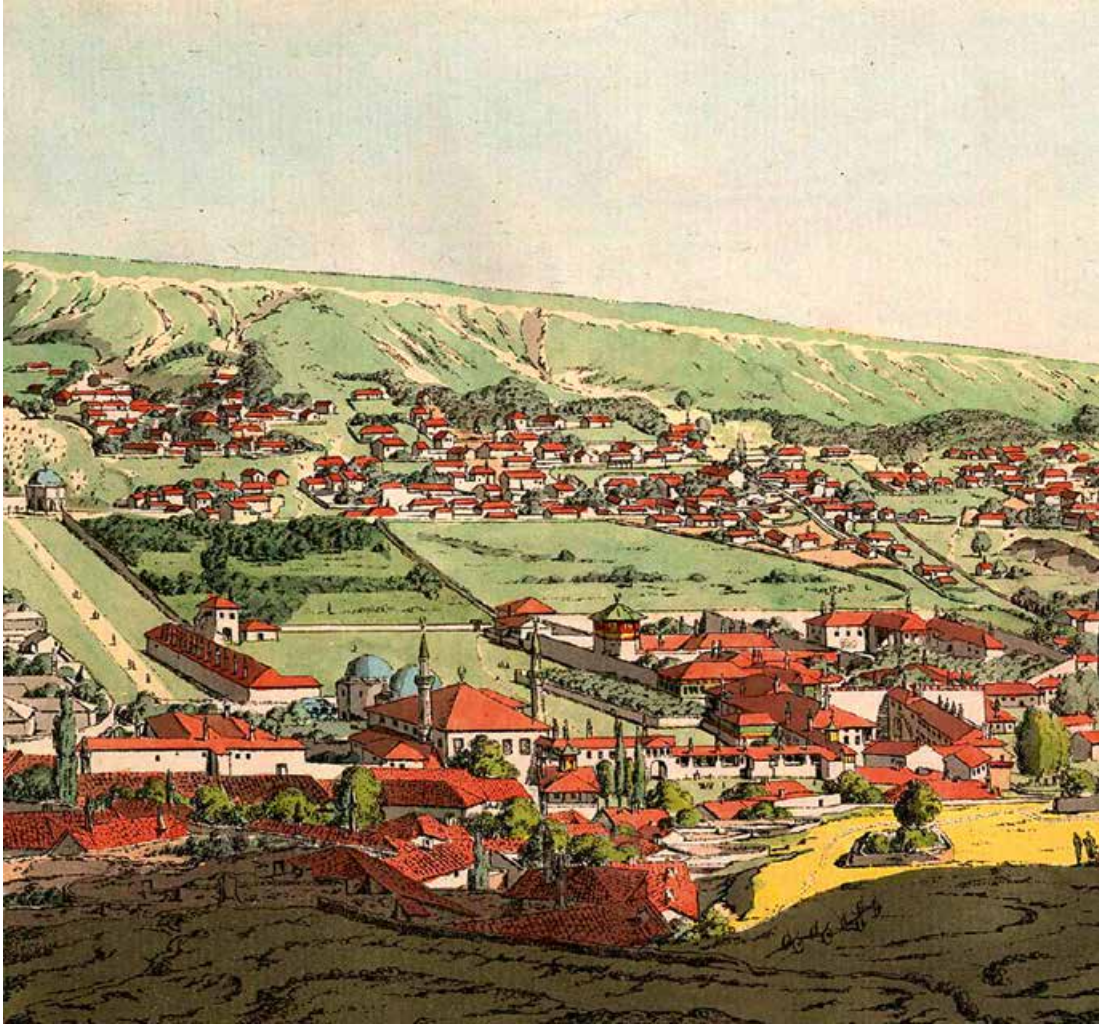
капыхалковъ¹ присланные къ нему ферманы Султанскіе, или предписываль уставы трепещущей Тавридѣ, либо злоумышленіямъ своимъ противъ Россіи полагаль основанія. Вотъ рядъ многочисленныхъ покоевъ съ позлащенными потолками, съ великолепными сѣдалищами, цвѣтными узорчатыми окнами, Египетскими рогожками, фонтанами и мраморными полами. Вотъ Харемъ, въ коемъ отборъ чернобровыхъ и бѣлокурыхъ красотъ заграждался отъ всего міра сквозящими рѣшетками. Тутъ зависть замѣняла страсть; тутъ самовластный повелитель, не бывъ любовникомъ, то чинилъ разборъ прелестямъ, то назначалъ невинность въ жертву своему сладострастію. Вотъ неотдѣленные отъ строеній розовые садики съ мраморными водометами и бассейнами, въ которыхъ, переплетающійся виноградъ густыми гроздами, застилаетъ оныхъ предѣлы². До сихъ мѣстъ все дышало униженіемъ Россовъ, все напоминало о ихъ порабощеніи, стыдѣ; но се чертоги славы нашей, се обиталище Великой *Екатерины*, и я с благоговѣніемъ шествовалъ по слѣдамъ, освященнымъ дражайшими ея стопами.

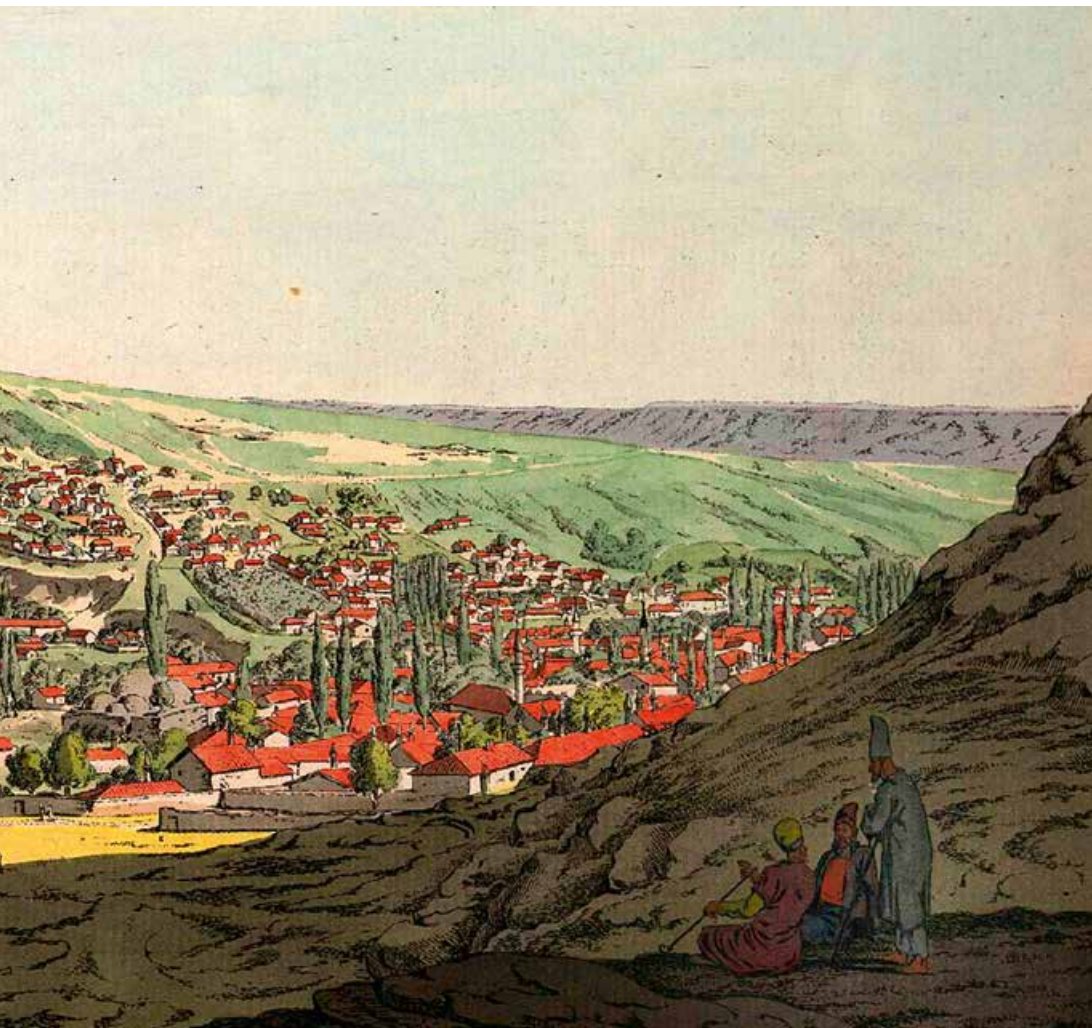
[...]

Въ Крымской Исторіи, писанной на Татарскомъ языкѣ, упоминается, что около 1500 года: по нашему счисленію, Ханъ Менгли-Герей выстроилъ въ Бакчисараѣ медресь (училище) и мечеть. Потомъ сказано, что около 1525 года, Казы-Герей, пріѣзжавшій въ Бакчисарай цѣловать Ханскую полу, тутъ убитъ. Слѣдовательно сіе означаетъ, что Бакчисарай былъ уже въ тѣ времена столицею Хановъ, почему древность онаго полагать надлежитъ до трехъ сотъ лѣтъ.

¹ Капыхалки были чиновные царедворцы.

² Одно виноградное тутъ дерево приводитъ въ удивленіе своею толщиною, которое по исправной моей мѣрѣ оказалось 12 вершковъ въ окружности. Находится другое виноградное дерево въ саду Капитана Стефани превосходящее еще оное толщиною; ибо имѣетъ 15 вершковъ окружности.

Гейслер Х.-Г. Г. Вид верхней части узкой долины Бахчисарая
с дворцом хана. Гравюра. 1805 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

ТАВРИДѢ

Въ 1820 годѣ

МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ

— approach this consecrated land
And pass in peace the magic waste:
But spare its relics! — let no busy hand
Deface the Scenes... already how defaced!

Byron.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи, состоящей при Особенной Канцелярии Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

1 8 2 3.

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол

1765-1851

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол известен как писатель и государственный деятель. Его карьера, как у многих дворян того времени, началась в Измайловском полку. Как образованнейший офицер своего времени, Иван Матвеевич находился при сыновьях будущего императора Павла. С 1797 г. началась его дипломатическая карьера: он был посланником в Гамбурге, Мадриде, а вернувшись на родину, стал сенатором.

В 1811 г. он был избран членом Российской Академии наук.

Иван Матвеевич проявил себя и на литературном поприще: являясь членом Общества любителей русско-го слова, он много переводил с древних языков труды Горация, Аристофана и др. Будучи уже в достаточно зрелом возрасте, в 1820 г. Муравьев-Апостол посетил Крым. Этой поездке, длившейся почти два месяца, предшествовала весьма продолжительная двухлетняя подготовка. Красоты полуострова и своеобразие крымскотатарской культуры не могли оставить его равнодушным. Восторженно-лирическое описание своего путешествия он опубликовал в 1823 г. Ниже приводится один из интересных фрагментов, посвященный Бахчисараю.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ТАВРИДѢ ВЪ 1820 ГОДѢ

– approach this consecrated land
And pass in peace the magic waste:
But spare its relics! – let no busy hand
Deface the Scenes... already how defaced!
Byron.

Письмо Х.

Бакчисарай

Область догадокъ граничитъ съ областью воображенія: такъ не удивляйся же узнавъ, что другъ твой изъ первой прямо переѣхалъ во вторую. Здѣсь, забывъ Стравона, и, вспоминая 1001 ночь, мнѣ мечтается что какой-нибудь волшебникъ занесъ меня на востокъ и оставилъ посреди горъ, въ пустомъ, обвороженномъ замкѣ, ни входа, ни выхода не имеющемъ. Я хожу по огромнымъ заламъ и одинъ гулъ от шаговъ моихъ раздается подъ высокими потолками. Схожу съ крыльца широкаго, прохожу чрезъ дворы мощеные – вездѣ царствуетъ молчаніе. Зелень древесная манитъ меня за ограду: вступаю – и при слабомъ мерцаніи луннаго свѣта, вижу надгробные мраморы, подъ деревьями, между густою травою бѣлѣющіе. Невольный трепетъ объемлетъ меня. Предо мною полуотворенная дверь; вхожу подъ круглый сводъ – и вижу гробы на помостѣ, чернымъ сукномъ покрытые... Ах! гдѣ геній мой хранитель? Кто выведетъ меня отъ сюда или дастъ мнѣ талисманъ, которому волшебникъ подчинилъ невидимыхъ слугъ сего страшнаго жилища? Все безмолвствуетъ въ обители смерти и оглашаетъ пустыню одинъ только шумъ источниковъ текущихъ въ каменные чаши... – Однако же не лучше ли, какъ говорятъ добрые люди, помолиться Богу да лечь спать; а завтра за перо: дѣло можетъ быть обойдется и безъ талисмана, а ты

избавишься отъ чтенія 1002 ночи, которая конечно бы не стояла настоящихъ Арабскихъ.

Вчера въ вечеру, подъѣхавъ къ Бахчисараю и спустившись въ ущелину, въ которой оно лежитъ, я засвѣтло успѣлъ только проѣхать длинную улицу, ведущую къ Хан-сараю (т. е. къ Ханскому Дворцу), на восточномъ концѣ города находящемся. Солнце давно уже не видно было за горами, и сумракъ началъ сгущаться, когда я вступилъ на первый дворъ *сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ *Таврической Аламбры*; и чѣмъ менѣе видимы становились предмѣты, тѣмъ живѣе дѣлалася игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами восточной поэзіи. Я не знаю, чтобы я далъ вчера за то, чтобы имѣть 1001 ночь; конечно на пролетъ всю вчерашнюю прослушалъ бы Шехерасаду; по щастію моему, здѣсь нѣтъ Рускихъ лавочниковъ; и я не проспалъ прекраснаго сегодняшняго утра.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но такъ какъ должно, отъ внѣшнихъ воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по мосту чрезъ узкую *Грязную рѣчку*, Сурукъ-су. Прошедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ: на пространномъ Паралелограмѣ, коего, противоположный входу, малый бокъ, граничитъ с садовыми терасами; оба же большіе, заняты на лѣвой сторонѣ мечетью и службами; а съ правой, дворцемъ состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота, подъ строеніемъ находящіяся, проходишь во внутренній дворъ, гдѣ тотъ часъ на лѣвой рукѣ представляются тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оттоманской луны. Это входъ на большое крыльцо, надъ коимъ слѣдующая надпись на Аравскомъ языкѣ; Владѣетъ сими вратами стяжавшій здѣшнюю область; высочайшая особа, Гаджи-Гирей Хана сынъ Менгли-Гирей Ханъ. Да Господь Богъ, Менгли-Гирей Хана, вкупѣ съ отцемъ его и матерью, въ сей и будущей жизни, удостоить блаженства своего.

Надъ сими же дверьми по ниже:

Основать сіи великолѣпныя врата повелѣтъ соизволилъ владѣтель двухъ морей и двухъ областей, Гаджи-Гирея сынъ Менгли-Гирей, Султанъ, сынъ Султана 959 года.

Переступивъ за порогъ, ты въ пространныхъ сѣняхъ, на мраморномъ помостѣ, и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо ведущее въ верхніе палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасныя фонтана, безпрестанно ліющіе воду изъ стѣны въ бѣлыя мраморныя чаши: одинъ насупротивъ дверей; другой тотъ часъ на лѣво. Надъ симъ послѣднимъ слѣдующая странная и любопытная надпись:

Слава всевышнему Богу! Возвеселилося вновь лице Бакчисарая, благотворнымъ о немъ попеченіемъ Свѣтлѣйшаго Керимъ-Гирея Хана. Онъ то утолилъ жажду страны своея щедрою рукою и тщится еще вѣдшее оказать благодѣяніе, когда будетъ на то помощь Божія. Попечительнымъ стараніемъ своимъ онъ открылъ славный токъ воды. Ежели есть другой подобной красоты фонтанъ, да предстанетъ онъ! – Видѣли мы города Шамъ? и Багдадъ, но такого прекраснаго фонтана ни гдѣ не видывали. – Сочинявшій надпись сію писецъ, по имени Шейхій. – Человѣкъ томимый жаждою, сквозь воду, изъ тоненькой какъ палецъ его трубки, истекающую, прочтетъ начертаніе сіе на фонтанѣ. Но что же оно гласитъ? Прійди, пей сію прозрачную воду, изъ самага чистаго источника текущую: *она здравіе даетъ* (сія послѣдняя рѣчь, въ переводѣ буквъ на числа, значитъ 1176 годъ: отъ Эгире).

Надъ фонтаномъ насупротивъ дверей:

Капланъ-Гирей Ханъ, Гаджи-Селимъ-Гирея Хана сынъ. Господь Богъ да проститъ обоимъ прѣгрѣшеніе ихъ, равномѣрно отцу и матери. 1776 годъ» (отъ эгире).

Дабы не оставить ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣтимъ широкій корридоръ отъ лѣваго угла, противуположной входу стѣны, ведущей прямо въ домовую Ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей Ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ-Гирея Хана.

Другая дверь того же коридора на лѣво, даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣнъ, до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются отъ жару окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ Ханскій Диванъ, т.е. въ комнату, гдѣ собирался Государственный Совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, съ наружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ а городками, то первое должно замѣтить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ; т. е. всѣ изъ фасады выступающія оныхъ стѣны, сплошь окончатыя. Другаго входа въ залу нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, не примѣтной между пиластрами Аравскаго вкусу, между коими и шкафы, такъ же не примѣтные, находятся по всей темной этой стѣнѣ. Надъ оными (въ лучшихъ залахъ) стекла съ нутри и сънаружи покоя, до потолка, между коими стоятъ украшенія лѣпной работы, какъ то чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревцы съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки, такъ же какъ и темная стѣна столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, густаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомыя мнѣ въ Испаніи *Эстеры* т. е. рогожки, весьма искусно сплетенныя изъ тростника, родъ *гениста* и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатѣ съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней, служатъ еще и цвѣтныя, узорчатые стекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе,

безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ восточныхъ народовъ, во время крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты представишь себѣ Диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ тканей, на полу лежащія вокругъ всѣхъ стѣнъ, исключая темной, ты будешь имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими Диванами, съ креслами и столами. Сія послѣдняя утварь особливо драгоцѣнна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ странахъ гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные, вмѣсто столовъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыя ставятъ подносы и ѣдятъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги, на полу.

Ты легко догадаться можешь, что въ сторонѣ отъ сего строенія находился гаремъ, неприступный для всѣхъ, кроме Хана, и для него одного имѣющій сообщеніе чрезъ Корридоръ съ Дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разные домики, въ коихъ нѣкогда жертвы любви, или лучше сказать любострастія, томилися въ неволѣ, представляютъ теперь печальную картину разрушенія: обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что въ томъ пользы, когда то же время рокомъ узникамъ опредѣленное, протекло для нихъ безотрадно, въ рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! – На краю сего Гарема стоитъ на большомъ дворѣ, высокая шестиугольная бесѣдка, съ рѣшетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываютъ, Ханскія жены, не видимыя, смотрѣли на игры, вѣзды Пословъ, и другія позорища. Иные говорятъ, что будто бы тутъ Ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимцамъ своимъ. Это послѣднее потому только вѣроятно, что пѣтухъ съ семействомъ своимъ, есть единственная картина, которую супругъ-Мусульманъ можетъ представлять невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. – Между сею полусогнившею бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, есть прекрасный цвѣтничекъ, гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Татарскому Анакреону.

Но пора оставить сіи грудь тѣснящіе памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ звоздухѣ. Вотъ насупротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ преыкающагося, терасы въ четыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники, съ уступа на другой ліющіеся въ каменные бассейны. Может быть нѣкогда Мурзы-Царедворцы, уподобляя Гиреевъ съ владыками Вавилона, сравнивали и терасы ихъ съ висящими садами Семирамисы; но теперь Крымское чудо сіе представляетъ видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоценнѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы уже засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За Мечетью, внѣ двора, кладбище Хановъ и Султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми, мраморными гробницами, осѣненными высокими тополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и отецъ его, основатель могущества Царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями: но онѣ, какъ говорится, не при мнѣ были писаны; а мнѣ оставалось только пожалѣть, что до сихъ поръ не нашелся любопытный, знающій Арабскій языкъ, который бы захотѣлъ потрудиться списать надгробныя и перевести ихъ. Мраморы сіи, хотя не Аронделевы, однако же были бы не безъ пользы для Исторіи Крыма, столь тѣсную связь имѣющей съ нашею, отъ XV вѣка до подданства полуострова Россіи. На всякій случай я совѣтовалъ бы поспѣшить, ибо многіе столпцы съ чалмами, лежатъ уже на землѣ обвитые павиликою.

Въ томъ же кладбищѣ, но на открытомъ мѣстѣ, за стѣною мечети, сооружены двѣ, подобныя другъ другу Ротонды, съ куполами. Въ нихъ безъ порядку разсѣяны по полу деревянные пустые гробы, означающіе мѣста гдѣ сокрытъ прахъ Гиреевъ, предпочтившихъ каменный сводъ небесному и ограду открытой нивѣ Божіей, гдѣ усопшіи *въ сладкихъ просонкахъ слышитъ надъ собою шумъ падающаго дождя*. Гробы эти нѣкогда были покрыты тканями; теперь однѣ голыя доски, на не многихъ толь-

ко остались лоскутка чернаго сукна; надъ нѣкоторыми ерлыки на Рускомъ языкѣ, съ именами лежащихъ подъ ними; и этимъ мы обязаны единственно старанію нынѣшняго Бакчисарайскаго Полицеймейстера Г. Ананьича. Я тщетно искалъ тутъ котораго нибудь изъ владѣльцевъ Хановъ; остались только не многіе имена Султановъ.

Прежде нежели оставить сію юдоль сна непробуднаго, я укажу тебѣ отсюда на холмъ, въ лѣво отъ верхней садовой террасы, на коемъ стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены Хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своихъ, она повѣлевала тому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: увяль райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей, и безотрадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ежедневно входить въ оный и утѣшаться слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хотятъ, что бы эта красавица была не Грузинка, а Полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ ни какого историческаго основанія и что во второй половине XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались бесполезными: они стоятъ въ одномъ: Красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Потоцкихъ.

Возвращаясь домой, я услышалъ голосъ Муллы, съ высокаго минарета зовущаго правовѣрныхъ¹ на молитву. Я хотѣлъ войти въ мечеть, но принужденъ былъ остановиться у дверей: сторожъ-Татаринъ напомнилъ мнѣ, что никто за порогъ не ступаетъ не разувшись. Показавъ ему что я въ сапогахъ а не въ папушахъ, онъ тотъ часъ отгадалъ затрудненіе мое и провелъ меня

¹ Такъ называютъ себя Магометане.

по наружной съ двора лѣстницѣ, въ комнату гдѣ Ханы слушали молитвы въ окна отворяющіеся въ мечеть. Поклонниковъ было весьма мало. Всѣ они сидѣли рядомъ, поджавъ подъ себя ноги; и какъ будто по мановенію флигельмана клали земные поклоны и подымались въ одно время. Богослуженіе Магометанъ не говоритъ ни сердцу, ни воображенію и храмы ихъ нѣмы. У древнихъ Грековъ они возвышали понятія о чувственной жизни. Не восходя мыслями на небо, Политеистъ низводилъ боговъ своихъ на землю и посреди торжествъ всегда веселыхъ, часто роскошныхъ, казалось спѣшилъ наслажденіями обманывать не дремлющую Парку. – Высокіе Христіанскіе обряды нигдѣ такъ сильно не дѣйствуютъ на душу мою, какъ въ древнихъ нашихъ соборахъ, гдѣ свѣтъ и мракъ на каждомъ шагу измѣняются; гдѣ слабое мерцаніе между столповъ; мгла по угламъ зданій и подъ низкими тяжелыми сводами его; яркій свѣтъ лампадъ и свѣтильниковъ во кругъ святилища – какъ будто живописуютъ трепетъ смерти, предчувствія лучшаго и надежду освѣщенія за предѣлами гроба. У Магометанъ ничего этого нѣтъ, ни въ храмахъ ихъ ни въ обрядахъ: все сурово какъ желѣзная необходимость и безотрадно какъ неумолимое ихъ предопредѣленіе. Съ такими мыслями, я вышелъ изъ мечети и возвращался въ покой; но мѣсяцъ блеснулъ надъ горою и я пошелъ на терасъ.

Д-р И. Серкизов-Серазич

ESSAI

SUR L'HISTOIRE

ANCIENNE ET MODERNE

DE LA NOUVELLE RUSSIE.

STATISTIQUE

DES PROVINCES QUI LA COMPOSENT.

FONDATION D'ODESSA;

SES PROGRÈS, SON ÉTAT ACTUEL; DÉTAILS SUR SON COMMERCE.

VOYAGE EN CRIMÉE,

DANS L'INTÉRÊT DE L'AGRICULTURE ET DU COMMERCE.

Avec Cartes, Vues, Plans, etc.

DÉDIÉ

A S. M. L'EMPEREUR ALEXANDRE Ier.

Бахчисарайскому
TOME PREMIER.

*Музею торкско-татар-
кыиыуры в дар от
Д-ра И. Серкизова-Серазич*

A PARIS, *Москва*

CHEZ REY ET GRAVIER, LIBRAIRES

QUAI DES AUGUSTINS, N° 55.

1820.

193/год

БАХИНСКАЯ КНИЖНИЦА
ОТДЕЛ
3403

Габриэль де Кастельно д'Орос

1757-1826

Габриэль де Кастельно д'Орос – французский адвокат, советник палаты дознания парламента, цензор французских спектаклей при дворе Павла I. Барон де Кастельно родился во Франции. Получил образование в знаменитом колледже Соррез. После учебы Габриэль стал адвокатом, а впоследствии – советником палаты дознания местного парламента.

В 1797 г. по приглашению Павла I прибыл в Россию, где служил цензором французских спектаклей при дворе. В 1803 г. де Кастельно покидает двор и переезжает в Одессу. Де Кастельно – автор одного из первых фундаментальных трудов по истории Новороссии. Три тома сочинения вышли в свет в 1820 г. в Париже. Длинный заголовок на титульном листе дает представление о предмете исследования: «Опыт древней и современной истории Новороссии. Статистика провинций, ее составляющих. Основание Одессы, ее успехи, ее настоящее положение; подробное описание ее торговли. Путешествие в Крым... С картами, видами, планами и т. д.». Труд с позволения Александра I был посвящен российскому императору, который наградил де Кастельно орденом Св. Анны II степени.

ОПЫТ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ НОВОРОССИИ. ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ

Широкий и красивый вход... С двух сторон оборудованы вестибюли, где просители рангом пониже, смешавшись со слугами, ожидали появления хана, чтобы поприветствовать его и попросить о какой-либо милости... Справа от входа ранее располагались комнаты писарей и слуг. Слева витражи освещают прихожую зала суда. Проходим во второй дворик. Он весь окружен подсобными помещениями.

Вдоль стен дворика тянутся решетчатые галереи. Слева расположена главная внутренняя дверь дворца. Сверху она украшена сводом со скульптурными узорами и позолотой в азиатском духе... Рядом находится каменная лестница, ведущая в вестибюль, украшенный высокими узкими колоннами и двумя фонтанами, один из которых выплескивает свою воду в маленькие чаши, образующие целый каскад. Другой фонтан расположен в углу и выделяется лишь только своей позолотой.

В глубине вестибюля мы замечаем две двери: одна ведет в зал суда, а другая – в миниатюрную мечеть, расписанную странной гаммой красок.

Судебный зал представляет собой комнату длиной около сорока пяти футов и шириной двадцать пять футов. Очень высокий потолок, украшенный росписью, узорами и позолотой, которые больше свидетельствуют о роскоши, чем о хорошем вкусе. Когда-то три прекрасные люстры в форме прямоугольного параллелограмма, богатство которых затмевало все, что было во дворце, освещали этот зал.

Эти люстры исчезли и сегодня их заменяет ресторанный светильник, придающий всей этой комнате несколько карикатурный образ. Только с одной стороны судебный зал освещает-

ся двумя рядами витражных окон. Когда-то напротив главного входа в зал находился очень дорогой балдахин. Сегодня его нет. Над входом сооружен балкон с решеткой. Именно отсюда хан тайно следил за тем, как вершится правосудие.

Постоянное ощущение того, что сам хан в данную минуту незримо присутствует на судебном заседании, заставляло судью тщательно взвешивать свое решение в соответствии со своей совестью. Здесь любая недобросовестность постоянно сдерживалась и, судя по рассказам очевидцев, не было другого такого места, где бы так скоро и неангажированно вершилось правосудие.

Очень красивый павильон сообщается с вестибюлем и несколькими небольшими садиками. Свет туда проникает через разноцветные витражи, потолок покрыт позолотой. В центре павильона на мраморном полу оборудован фонтан, вода которого бьет из пятнадцати трубочек. Этот очаровательный уголок, где, кажется, царит одно наслаждение, украшен бархатными подушками и окружен садами, о которых я сейчас скажу несколько слов: первая решетчатая садовая галерея, увитая виноградом, тянется вдоль павильона; грядка самых различных цветов расположена между этим местом и главной аллеей, далее на высоте шести ступенек следует новая галерея, свод которой образует виноградная лоза, а рядом с ней цветут прекрасные цветы.

На восьми грядках, где когда-то с особой тщательностью выращивали диковинные растения, что было редкостью для стран с жарким климатом, сегодня, в основном, растут розы, лютики, лилии и туберозы. Эти небольшие грядки заполняют узкие промежутки между галереями, частью которых является так называемый водяной театр, расположенный на одной высоте с боковыми галереями. Туда попадаешь, поднявшись по лестнице из десяти ступенек.

В глубине мы замечаем фонтан, в котором из тринадцати чаш, расположенных каскадом, вода выливается в довольно

крупный бассейн, затем по каналу в перистиле она поступает во второй водоем, а потом оказывается в главном бассейне, где плавают рыбки... На каждой стороне упомянутого выше перистилия имеются отсеки, где выращивают экзотические цветы. Квадратный бассейн с рыбками выдвинут слегка вперед. Он, как и все остальное, украшен галереями и тротуаром, позволяющим прогуливаться вокруг него...

Бормотание струящейся, ниспадающей воды, свежесть воздуха, благоухающего ароматами цветов, сочные фрукты, висят у вас над головой и как бы приглашающие сорвать их, – все это, без сомнения, сделало бы пребывание в этом месте незабываемым, если бы не мертвая тишина, царящая здесь.

Как бы изменились все эти предметы, если бы их оживило присутствие прекрасного пола, обещающего вам вечное счастье, или хотя бы надежду на него! Когда-то пленницы-черкешенки, настоящие красавицы, грустно прогуливались по этому замкнутому пространству, и ничто не могло облегчить тяжесть их оков: ни красота дворцового сада, ни присутствие мужчины, который один имел право на то, что только настоящее чувство могло подарить.

Мы покидаем эти сады, оставляя там в качестве заложников наши размышления и сожаления, вновь проходим вестибюль и оказываемся у простой деревянной лестницы, лишенной всяческой элегантности и солидности, свойственных княжескому дворцу. На второй лестничной площадке справа от нас находится дверь, которая с помощью небольшого перехода связывает гарем с покоями хана. Напротив этой двери расположена большая комната с шестнадцатью окнами в два ряда и очень высоким потолком. Здесь находятся ханские жилые помещения.

Мы входим в большую галерею, состоящую из трех частей. В центральной части расположена квадратная комната с витражами и открытым потолком. Именно она освещает все остальные комнаты и большой проход всей галереи. Каждая из частей закрыта только с трех сторон и отделена от прохода небольшой балюстрадой...

Первая комната и галерея являются как бы прихожей перед парадными покоем хана. Далее следует салон, освещенный двадцатью четырьмя окнами, самые нижние из которых имеют решетки. Росписи на стенах резко контрастируют с элегантностью помещения. На стенах мы видим следующие вереницей друг за другом различные виды Константинополя. На этих картинах полностью отсутствуют смещение красок и перспектива. Позолота и деревянные скульптурные украшения распределены в абсолютном беспорядке.

Комната, в которой сейчас мы находимся, украшена деревянными изделиями только до уровня второго ряда окон, далее вплоть до потолка идет штукатурка под мрамор. Такая манера декорирования помещения характерна и для других комнат дворца. Повсюду – ковры, но легко заметить, что обивка мебели изрядно поистерлась...

В углу салона находится дверь. Вторая дверь расположена напротив первой в полном соответствии с правилами симметрии. Она ведет в небольшую спальную комнату...

Именно при декорировании салона была предпринята неудачная попытка объемной имитации виноградной лозы, апельсиновых деревьев и цветущих кустарников. Нет слов, чтобы описать дикое искажение пропорций между изображениями дерева и его плодов, лозы и гроздьев винограда, а также цветов, распутившихся почему-то в нижней части куста...

Первый ряд зарешеченных окон салона придает этому помещению атмосферу тюрьмы, которая вполне могла соответствовать желаниям хана, но совсем не нравится сегодняшнему посетителю дворца: создается ощущение, что главной целью хозяина покоев было заглушить работу человеческой мысли и ограничить свободу личности.

Спускаемся по нескольким ступенькам невзрачной деревянной лестницы, чтобы посетить другие комнаты. Справа от лестницы расположена очень низкая дверь, больше похожая на простое отверстие. Именно через эту дверь хан проникал на балкон, нависающий над залом правосудия. Оттуда же жен-

щины, будучи скрытыми от постороннего взгляда, отстаивали свои дела в суде.

[...]

Мы проходим две прихожие, в которых в качестве мебели расположены только одни диваны, и попадаем в апартаменты императрицы Екатерины Второй. Во времена ханского правления эта часть дворца отличалась особым великолепием: большие, высокие залы, многочисленные комнаты, количество дверей в которых говорило о различных вариантах их расположения.

[...]

Одна из стен ее спальни сообщается с салоном. На четырех нижних окнах европейского стиля висят зеленые занавеси из тафты. Верхние же окна сохранили свой восточный колорит. Два хилых, маленьких, грубых столика, покрытых искусственным мрамором, красуются рядом с азиатским камином. Двери украшены наличниками в духе дворцовых украшений Санкт-Петербурга, а их своды позолочены в манере иранского Исфахана...

Мне бы хотелось предостеречь читателя от возникшего у него ощущения критичной предвзятости с моей стороны при описании интерьеров дворца. Это не так и далее вы в этом убедитесь.

Самая красивая комната главной резиденции крымских ханов имеет сообщение со спальней Екатерины Второй. Это – квадратный зал, одна из сторон которого украшена витражами. Четыре двери ведут в более маленькие помещения, а главный вход сообщается с комнатой, противоположной апартаментам императрицы.

Далее следуют еще две комнаты, в которых к потолку подвешены красивые люстры. А вот – что-то наподобие большого решетчатого кабинета, выступающего во двор. Он весь заставлен диванами. Отсюда хан наблюдал за боевыми учениями своей гвардии, а также удостаивал своим присутствием различные состязания специально обученных для этого игроков.

Я сказал достаивал своим присутствием, но не удовольствием лично лицезреть своего владыку, так как решетки не давали участникам состязаний никакой возможности самим видеть хана. Именно постоянное ощущение присутствия правителя заставляло игроков с особым рвением участвовать в соревнованиях...

Отсюда начинается жилое крыло, где обитали ханские придворные. Оно тянется вдоль ручья. В нижней части крыла расположен главный вход во дворец. Я опущу здесь описание помещений этой части дворца, так как оно займет очень много времени. В течение двух недель я сам проживал в этом корпусе.

Рядом с главным входом находится лестница, ведущая в арсенал. Там абсолютно нечего смотреть. Внутренние дворы окружены вспомогательными помещениями. В центре небольшой, плохо проветриваемой узкой площади расположился гарем. Это здание не делает чести галантности ханов: наложницы были как бы замурованы в своих маленьких комнатках-кельях. Забота об их здоровье мало кого волновала. Главное было – обеспечить надежность их заточения. За исключением тюрем, я еще нигде не видел таких неприятных условий пребывания человека.

В большой башне, соседствующей с гаремом, обитали пленники совсем другого сорта. Это были охотничьи соколы. На верхнем этаже этой башни была сооружена решетчатая беседка для наложниц, которые оттуда могли наблюдать за маневрами ханской гвардии и соревнованиями по бегу и кулачному бою. Если в те времена к этой беседке вела та же лестница, что и сегодня, то дамам приходилось прилагать немалые усилия, чтобы иметь удовольствие лицезреть все эти мероприятия.

Мечеть

Напротив жилого корпуса дворца находится мечеть, одна из самых красивых во всем Крыму. Со стороны двора она украшена перистилем, заканчивающимся ханской лестницей, которая

ведет в две зарешеченные комнаты, откуда открывается прекрасный вид на мечеть. Это – крупное, отлично выстроенное сооружение, в котором, как и раньше, соблюдается идеальная чистота. Повсюду – ковры. Здесь царит религиозный дух и уважительная, благопристойная атмосфера, свойственная исключительно татарскому народу...

Поле мертвых

Рядом с мечетью расположено кладбище ханской семьи и ее придворных. Два больших восьмиугольных мавзолея, увенчанные куполами из кованого железа, стали последним пристанищем для некоторых представителей ханского рода. В одном из мавзолеев захоронено семнадцать представителей семьи Гиреев. Только четверо из них имеют каменное надгробие, остальные удостоились всего лишь деревянных саркофагов увеличенного размера. Без всякого сомнения, каждое захоронение окружено заботливым уходом со стороны татарского населения.

Степень этой заботы зависит от положения царственной особы и от пышности ее захоронения. Саркофаги покрыты материей зеленого или черного цвета, на которой еще можно различить вышитые буквы. Мужские памятники увенчаны шерстяными тюбанами.

Две татарские княжны покоятся во втором мавзолее. Их могилы легко узнаваемы из-за полного отсутствия на них каких-либо украшений. Ближе к выходу захоронены разные вельможи. Остальная территория кладбища представляет собой большое пространство, покрытое деревьями и кустами, в тени которых находятся останки остальных членов семьи Гиреев.

Могильные саркофаги этих захоронений разбросаны здесь в полном беспорядке. Вот мраморная плита с именем того, кто покойся в сорока шагах от нее, а там – просто собраны в одну кучу увенчанные тюбанами памятники разных эпох... Господин Мертвого объяснил мне этот беспорядок тем, что татары сильно опасаются осквернения могил своих бывших правителей...

Продолжение того же дворцового крыла

За кладбищем следуют служебные помещения и конюшни, над которыми надстроен еще один этаж-галерея. В конце всех этих сооружений расположен павильон с дверью, ведущей в третий восьмиугольный мавзолей. Он больше и красивее двух предыдущих. Несмотря на то, что этот мавзолей намного моложе других, уже существует огромное количество легенд, связанных с женщиной, покоящейся в нем. Я полагаю, будет неуместным приводить здесь все эти рассказы.

Сады

Напротив входа, в конце большого двора есть сад, высаженный террасами. Он примыкает к вышеупомянутому мавзолею. Жаль, что такой сад остается неухоженным, хотя, конечно, в одиночку управляющий дворцом не может заниматься абсолютно всем. Остальные внутренние сады находятся в таком же плачевном состоянии, и, несмотря на это, в них растут самые лучшие в Крыму персики, сливы и абрикосы. Это связано с тем, что во времена ханского правления все садовые культуры отбирались для этих садов с особой тщательностью.

Общие размышления

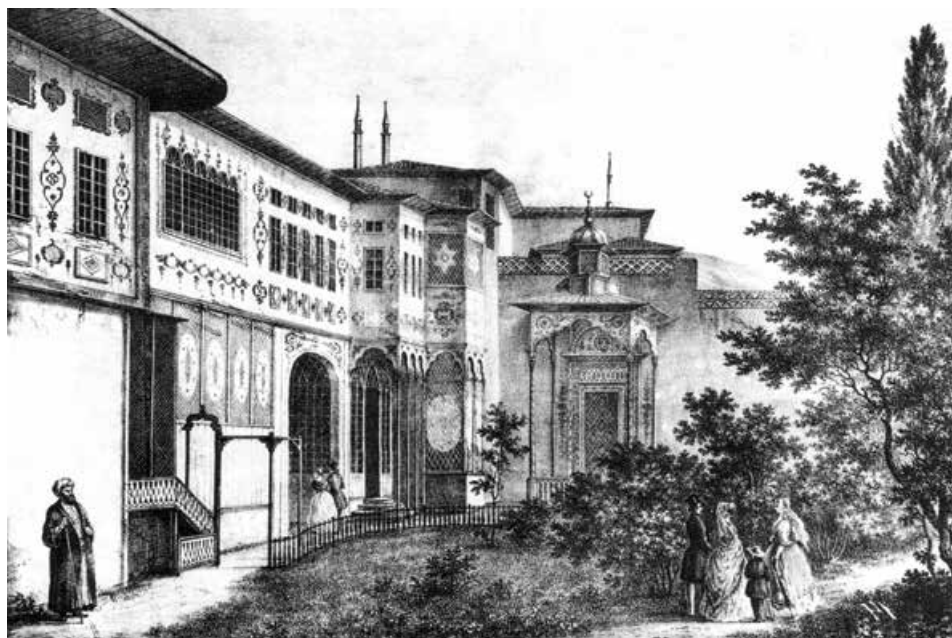
Царствующие особы семьи Гиреев относились к жизни или уж очень по-философски, или в высшей степени беззаботно. Судя по моему описанию, кладбище располагалось прямо под окнами правителей. Может быть, это должно было напоминать им о бренности человеческой жизни и заставляло совершать побольше хороших дел? Ни в коем случае!

Все они очень любили прогуливаться в тех прекрасных садах, о которых я уже упоминал, и наслаждаться красотой природы, не думая о тленности бытия. И эти сады, приносящие столько удовольствия татарским правителям, были отдалены от поля мертвых всего лишь небольшим отрезком двора, где не было ни цветов, ни деревьев, ни декоративных фонтанов.

Таким образом, в соответствии с понятиями этих людей Магомет, усопшие и лошади должны были находиться с одной стороны, а царствующий хан, женщины и соколы – с другой. Любой татарин разъяснил бы нам, что такое разграничение выглядит странным только в глазах тех, у кого нет представления о нравах и традициях татарского народа.

Известно, что князья из династии Гиреев воспитывались среди черкесов с их обычаями и законами. По возвращении на родину они отвергали все, что не укладывалось в эти азиатские традиции, включая искусство и законодательство.

Неграмотный татарин инстинктивно оценивал своего повелителя по уровню пышности его резиденции. Каким же великим является владыка, во дворце которого сквозь окна проходят цветные лучи! Татарин лучше всего понимает глазами. Во время военных походов он нигде не видел такого красивого дворца, как у хана, значит тот – самый могущественный в мире!..

Гросс Ф. Ханский дворец. Литография. Середина XIX в.

Кизеветтер В. А. Летняя беседка. 1845–1847 гг.

Кизеветтер В. А. Золотой кабинет. 1845-1847 гг.

Ш. Монтандон

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО КРЫМУ**

*украшенный картами, планами, видами и виньетами
и предваренный введением о разных способах
переезда из Одессы в Крым*

Шарль Генри Монтандон

1792-?

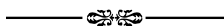
Шарль Генри Монтандон – французский путешественник. Ярким юношеским впечатлением для Монтандона стал переезд его семьи в Россию.

В 1831–1833 гг. Шарль Генри совершил путешествие по Тавриде, в результате чего был издан первый полноценный маршрутный справочник-путеводитель. Его «Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетками и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым» вышел в свет в 1834 г. в Одессе на французском языке.

В конце XIX века мода на французский язык в России прошла, и более столетия труд Монтандона оставался недоступным для большинства исследователей. И только в 1997 г. благодаря переводу данного путеводителя на русский язык массовый читатель получил возможность оценить значение этого труда для исследователей Крыма. Работа Монтандона является не только первым путеводителем по Крыму, но и первым российским путеводителем.

Монтандон был лично знаком с А. С. Пушкиным, более того, известно, что он в числе спутников сопровождал великого русского поэта во время посещения Бахчисарайского дворца. А после выхода в свет путеводителя, с дарственной надписью презентовал его Пушкину. После путешествия по Крыму путешественник приобрел на Южном берегу имение, где и провел остаток дней.

БАХЧИ-САРАЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Бахчи-Сарай, бывшая резиденция крымских ханов, находящаяся в глубине узкой долины, образующей ущелье, где течет Джурук-Су («зловонная вода»), – это крымский город, который более других достоин посещения иностранцев. Населенная почти исключительно татарами, которым императрица Екатерина специально даровала право жить здесь одним, эта древняя столица сохранила свой национальный характер, и наблюдатель будет иметь случай найти там множество примечательных вещей, столь же удивительно редких, сколь интересных. Причудливое расположение этого города, вид его лавок, фонтанов, дворца, некрополей, мечетей и многочисленных минаретов, которые взвинчиваются всюду с пирамидальными тополями, вершины которых четко выделяются на фоне изъеденных скал округлой формы и ослепительной белизны, – все это привлекает внимание и возбуждает воображение тех, кто посещает это место впервые.

Бахчисарайские дома (высокие трубы которых походят на маленькие башни), перемежаясь с фруктовыми садами, частью занимают берег Джурук-Су, а частью располагаются амфитеатром на двух горах, нисходящих к этому ручью.

Главная улица, плохо мощенная, где с трудом могут разминуться два экипажа, представляет собой почти не прерывающиеся на протяжении полутора верст два ряда лавок и торговых палаток из дерева, открытых на улицу, что позволяет видеть, как этот народ подковывает быков, раскладывает товары, работает бритвой, месит тесто, разделывает мясо и занимается разными привычными ему ремеслами. Все это можно видеть вперемешку, и все это подобие Афин дает представление о состоянии ремесел этого народа.

Нижние улицы города, очень узкие, извилистые и всегда грязные, заняты цехами по выделке сафьяна и войлока, что

составляет, вместе с обувью для мужчин и женщин, изготовлением некоторых других предметов из кожи, ножей, мыла, свечей и мундштуков, основные занятия жителей.

Этот город является также местом, куда свозят фрукты, лен и табак, которые выращивают на юге и севере от гор и вдоль берегов рек. Осенью эти товары загромождают улицы в таком количестве, что зачастую затрудняют проход. Торговля тканями, колониальными товарами и галантереей почти целиком находится в руках евреев-караимов с Чуфут-Кале, которые каждое утро спускаются со своих скал на ослах или мулах, чтобы торговать в больших лавках, а вечером вернуться к своим очагам.

Ханский дворец, который виден в конце торговой улицы, любопытен и достоин внимания мыслящего человека. Он был заложен в 1519 г. крымским ханом Адиль-Сааб-Гиреем.

Входят туда по каменному мосту, сооруженному через Джурук-Су. Это здание, где иностранцу трудно не заблудиться, если его не сопровождает солдат, недавно реставрировано на средства правительства. Господин Эльсон, искусный архитектор, которому была доверена эта тонкая работа, сумел восстановить все в прежнем виде; ни первородный характер, ни оригинальность дворца не были искажены; даже росписи внутри дворца так же, как на стенах снаружи, кроме того, что приобрели свежесть, остались такими же, как прежде.

Меблировка, должно быть, также заменена новой, наподобие оставшейся старой и в соответствии с теми представлениями, которые о ней сохранились.

Путешественник после беглого осмотра апартаментов верхнего этажа пройдет из главного здания в другие строения – разной высоты и беспорядочно расположенные. Там следует отметить закрытые галереи, над которыми возвышается широкая беседка, где хан кормил соколов. Потом спускаемся на первый этаж, чтобы осмотреть мечети, потолки которых украшены грубой резьбой и заботливо вновь покрыты позолотой.

В большом вестибюле находится фонтан, прославленный в прекрасной поэме г-на Пушкина¹. Тут же комнату украшает другой, больший, фонтан с краном.

Задние дворы этого храма памяти, пустынного сегодня и людного когда-то, но равно печального, украшены садами, рощами цветов, беседками винограда, фонтанами, сохраняющими приятную свежесть, которая увеличивается еще и благодаря тени, значительную часть дня отбрасываемой высокими крепостными стенами.

Вид этих укреплений, куда желание более полной свободы не могло бы проникнуть, будит в душе горькие размышления о тех несчастных жертвах, которые томились в этом дворце под тяжестью закона столь же позорного, сколь тиранического и варварского.

Аппартаменты слева от главного входа, меблированные на европейский манер, предназначены для высоких гостей и тех, кто имеет рекомендательный билет г-на губернатора Тавриды.

Путешественники посещают также кладбище, которое покрывает склон горы напротив дворца, а также ханские могилы и большую мечеть, находящуюся рядом. Это здание, украшенное двумя минаретами, имеет решетчатый балкон, который позволяет иностранцам, не смущая благочестия татар, присутствовать при вечерних молитвах в праздничные дни и при плясках дервишей по пятницам.

Напротив главного входа, в глубине двора, находится прекрасный фонтан из тесаного камня, выстроенный недавно в азиатском стиле и носящий на себе написанный по-турецки вензель покойного императора Александра.

Во многих местах дворца и мечети встречаются надписи на арабском языке, которые нельзя передать верно, если подражать восточному стилю. Буквальный перевод этих изречений, большей частью взятых из Корана, более интересен, вот он:

¹ «Бахчисарайский фонтан».

**Буквальный перевод надписей,
находящихся в различных местах Бахчисарайского дворца**

На железной двери входа во дворец:

«Хозяин этой двери, который приобрел эту область, – великий Хаджи-Гирей-Хан, сын Менгли-Гирей-Хана, которого, Менгли-Гирей-Хана, всевышний награждает высшей благодатью, а также – его отца и его мать.»

На той же двери, немного ниже:

«Возведение этой большой двери было выполнено по приказу хозяина двух морей и двух областей Хаджи-Гирей Хана, сына султана Менгли-Гирей-Хана, сына султана, год 953 г.»

*На фонтане, называемом Сельсебиль,
который находится слева в большом вестибюле:*

«Слава Всевышнему!»

Лик Бахчи-Сарая обрадован благодетельной заботой светлого Крым-Гирей-Хана. Это он своей великодушной рукой утолил жажду своей страны, стремясь к еще большим благодеяниям с помощью Всевышнего. По своему доброму расположению он открыл превосходный источник воды.

Если существует другой фонтан, похожий на этот, пусть он объявится.

Города Шам² и Багдад видели много прекрасных вещей, но они не видели столь прекрасного фонтана!

Автора этой надписи зовут Шеги. Словно человек, мучимый жаждой, прочтем сквозь воду, вытекающую по трубе, не толще пальца, то, что здесь начертано. Но что гласит эта надпись? Выпей эту прекрасную воду, вытекающую из самого чистого среди фонтанов, – она дает здоровье.

Год 1176 (буквами).»

² Город Шам, существование которого г-н Муравьев-Апостол в своем сочинении о Крыме ставит под сомнение, – это город Дамаск, который турки называют первым именем.

На фонтане с красной надписью в том же вестибюле:
«Каплан-Гирей-Хан, сын Хаджи-Селим-Гирей-Хана!
Да соблаговолит Всевышний простить им обоим все грехи, а
также их отцу и их матери.»

На двери ханской мечети, со стороны улицы:
«Кто Хаджи-Селим? Это тот, кто был самым знаменитым
среди ханов, это герой Всевышнего. Пусть Всевышний даст ему
все блага в награду за строительство этой мечети!
Селим-Гирей-Хан сравним с розовым кустом, сын, рожден-
ный им, – роза. Каждый в свою очередь на троне был увенчан
почестями во дворце.
Розовый куст снова зацвел, его неповторимая свежая роза
стала львом падишаха Крыма, Селамета Гирей-Хана.
Господь выполнил мое желание этой надписью. Только ради
Всевышнего была сооружена эта мечеть Селамет-Гиреем.
Год 1153 (буквами).»

*На двери в коридоре при входе в цветник,
не доходя до стеклянного павильона,
где также находится фонтан и где молился хан:*
«Селамет-Гирей-Хан, сын Хаджи-Селим-Гирей-Хана. 1740».

В большой мечети дворца, если входить в большую дверь:

На окне справа вверху:
«Мой возлюбленный пророк, я послал тебя для процветания
всего народа».

Ниже:
«Только Господь и никто иной может указать все пути
к истине».

На круглом окне посередине:
«Пусть воля Бога свершится!»

На окне слева вверху:

«О Всевышний! Богатство твоего милосердия! Освободи нас от семи бедствий ада!»

Внизу:

«Твоим светом, пророк, освещена Вселенная».

На окне в конце вверху:

«Здесь и в иной жизни спасение достигается праведным словом».

Внизу:

«Пусть милость и восхваление совершатся также».

На другом окне:

«Эта мечеть была возведена милостью Господа!»

«Каждый здесь и в иной жизни добьется счастья и покоя уединением».

Вверху, в мечети, где молился хан, на окне справа:

«Всевышний – мой господин, и пророк – мой возлюбленный».

«Господь один, и нет никого другого, кроме него».³

* * *

[...]

Красивейшие пейзажи открываются из внутренней беседки дворца и с возвышенностей по обеим сторонам города. В окрестностях Бахчи-Сарая есть достопримечательности и бесконечное число крайне разнообразных и живописных ландшафтов.

³ Эти надписи переводились несколькими людьми, хорошо сведущими в восточных языках, и все они увидели лишь то, что здесь изложено.

Замечание. Следует также посетить мавзолеи около почтовой станции, находящиеся в одной версте от города по Севастопольской дороге.

ДЮБУА де МОНПЕРЕ, ФРЕДЕРИК

ПУТЕШЕСТВИЕ

ПО КАВКАЗУ, К ЧЕРКЕСАМ

И АБХАЗАМ,

В ГРУЗИЮ, АРМЕНИЮ

И **В КРЫМ**

В 6 томах. – Париж, 1843.

Т. 5, 6.

Симферополь
«Бизнес-Информ»
2009

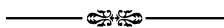
Фредерик Дюбуа де Монпере

1799-1850

Фредерик Дюбуа де Монпере – французский путешественник, натуралист, археолог. Де Монпере родился в Швейцарии. В 1829–1831 гг. получил образование в Берлинском университете, под руководством таких известных ученых, как геолог Леопольд фон Бух, натуралист Александр фон Гумбольдт, географ Карл Риттер.

В 1831–1834 гг. предпринял самостоятельную экспедицию на Юг России. Этому путешествию он посвятил шеститомное сочинение «Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, eu Colchide, en Georgie, en Arménie, en Crimée» («Путешествие вокруг Кавказа, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым». Особенный интерес представляет атлас иллюстраций с приложением большого количества рисунков и схем с описанием историко-архитектурных объектов Крыма и Кавказа, многие из которых не сохранились до наших дней.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАВКАЗУ, К ЧЕРКЕСАМ И АБХАЗАМ, В ГРУЗИЮ, АРМЕНИЮ И В КРЫМ

Бахчисарай неизменно вызывал мое восхищение множеством фонтанов, журчавших на каждом шагу. В час молитвы можно было видеть, как толпа правоверных совершала возле них омовение, прежде чем предстать перед Богом: омывали руки, ноги, бороду. Рядом с источником были прикреплены медными цепями кружки из луженой меди для желающих утолить жажду¹.

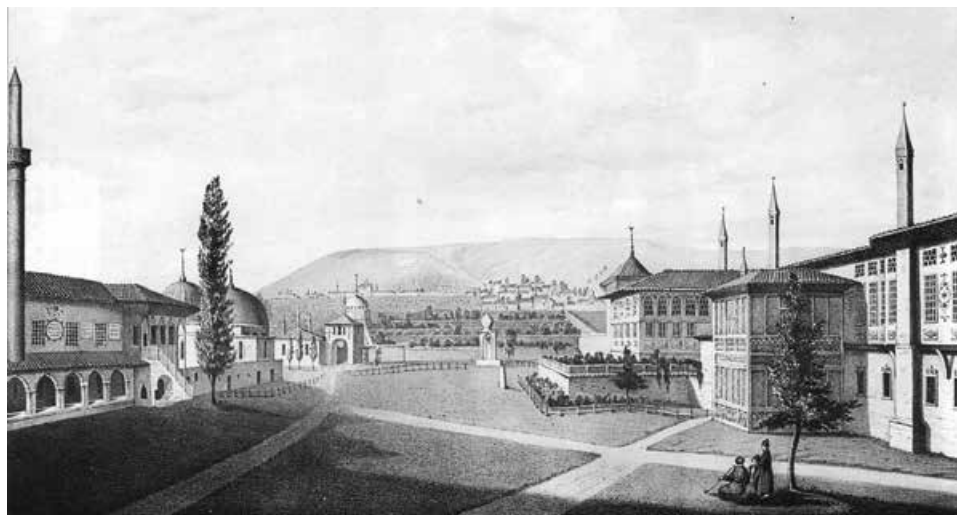
По мере продвижения по улице ничто не предвещает появления ханского дворца. Пройдя вдоль длинного ряда лавок, харчевен, мастерских, цырюлен и гор глиняной посуды, загромождающих улицу, без всякого перехода оказываешься перед облицованной камнем набережной речки Чурук-су, через которую перекинут небольшой мостик. За мостом – входные ворота во дворец, разделяющие на две части длинное одноэтажное строение с зарешеченными окнами, расписанное грубыми арабесками красной и голубой краской, и в архитектурном отношении украшенное лишь рядом высоких каминных труб, выстроившихся вдоль края крыши.

Пожилые инвалиды, охраняющие дворец, взяли под ружье, когда наша компания появилась у ворот летом 1832 г. По письму

¹ Де ла Мотрэ, т. II, с. 42, считает, что вода в Бахчисарае самая легкая из всех, которые ему довелось пробовать в Тартарии и Турции. Верно и то, что мало найдется городов, столь хорошо обеспеченных водой, как Бахчисарай. Для населения в 9547 жителей он располагает не менее 119 фонтанами, из них 50 – общественные; 56 принадлежат частным лицам и 13 – дворцу; к ним следует добавить 6 фонтанов в самом дворце и в кафе. Их питают 32 источника, более или менее обильные водой. Самый обильный снабжает сразу 43 фонтана; другой – 17; третий и четвертый – по 13; пятый – 5; шестой – 2; остальные источники питают каждый по одному фонтану. Эти источники имеют среднюю температуру 10 градусов по Реомюру. Кеппен. О 130 таврических источниках, с. 13.

губернатора нам предоставили просторное и недавно отреставрированное помещение, предназначенное для иностранцев, в том самом строении, которое расположено вдоль берега Чуруксу². Оно меблировано по-восточному турецкими диванами; в глубине комнаты находится камин. Двери всех помещений выходят на длинную галерею, столь приятную в жарких странах, где все мы тут же расположились, чтобы подышать свежим воздухом, созерцая фантастический ансамбль дворца. Именно отсюда мною сделан рисунок.

Галерея обращена к обширному двору, вытянутому в длину. Справа, со всей живописной нерегулярностью Востока выстроилось множество строений, то выступающих вперед, то отступающих в глубину; мы рассмотрели их во всех подробностях. Желая изучить все повороты и лабиринты дворца, пусть читают длинное и не всегда вразумительное описание маркиза де Кастельно³. Я же ограничусь рисунком, который поможет составить представление о дворцовом ансамбле.

Монпере де Ф. Д.

Вид внутреннего двора Ханского дворца в Бахчисарае. 1843 г.

² Свитский корпус.

³ Castelnau de. Essai sur la Nouvelle-Russie, t. III, p. 158.

Тропинка, проложенная по газону, направляется к решетчатому балкону у главного входа, прорезающего здание и ведущего во второй двор, где слева находится вход во дворец; он носит название «железная дверь», обрамлен резьбой и позолотой в восточном вкусе⁴.

Сбоку лестница ведет в просторный вестибюль, украшенный фонтанами; один из них, прозванный Сельсебиль или фонтан Марии, как будто источает слезы среди резьбы и позолоты⁵. Этот фонтан, который находится слева от входа, вдохновил А.С. Пушкина на прекрасную поэму под названием Бахчисарайский фонтан. В глубине вестибюля находится еще один фонтан⁶.

Из этого вестибюля проходят в залу дивана, фасад которого скрыт выступающим решетчатым балконом, а также в павильон

⁴ Над этой дверью находится следующая надпись: «Властелин этой двери и повелитель сей страны султан всемилостивый Менгли-Гирей хан да помилует Бог его и родителей в обоих мирах». И немного ниже: «Этот великолепный вход и эти величественные двери сооружены по повелению султана двух материков и хакана двух морей, султана, сына султана Менгли-Гирей хана, сына Хаджи-Гирей хана, сын султана в 909 (1503) г.» Это означает, что Девлет-Гирей, внук Менгли-Гирея, занявший трон в 953 (1551) г., приказал реставрировать эту дверь, которую его предок Менгли-Гирей, сын Хаджи-Гирея, соорудил в 1480 г., когда после завоевания Крыма турками они признали его сувереном края. – Муравьев-Апостол, Путешествие по Тавриде, с. 88. Перевод Монтандона в его «Путеводителе», с. 211, совершенно неверен.

⁵ Вот перевод надписи на этом фонтане: «Слава всемогущему Аллаху! Лик Бахчисарая возрадовался благодаря милостивым попечениям сиятельного Крым-Гирей хана. Он щедрой рукой утолил жажду своей страны и сотворит еще и другие благодеяния с Божией помощью. Благодаря терпению и старанию он устроил прекрасный фонтан.

Едва ли найдется другой такой фонтан! Мы видели города Шам (Дамаск) и Багдад, но нигде не увидели подобного ему фонтана. О шейхи! Кто будет утолять жажду, тот прочтет эти слова сквозь струйки воды, вытекающие из тонкой, как палец, трубки, и что они гласят? – Приди, пей сию прозрачную воду, текущую из чистейшего из источников: *она дает здоровье*». Буквы этих последних слов, переведенные в цифры, дают год 1176 (1762 от Р. Х.).

⁶ Над ним следующая надпись красными буквами: «Каплан-Гирей хан, сын Хаджи-Селим Гирей хана! Да помилует Аллах его и родителей его». – Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде, с. 90.

водяных струй⁷, которая так хороша на фоне сада, расположенного террасами. Внутри павильон освещен окнами с цветными витражами; потолок его позолочен, пол мраморный; середину занимает квадратный бассейн, также из мрамора, в центре которого бьет фонтан, разделяющийся на 15 струй. Во время июльской жары нет ничего более восхитительного, чем отдыхать на бархатных подушках дивана вокруг бассейна.

Из павильона проходят на садовую террасу⁸, покрытую кустами роз; украшение ее составляют потоки воды, падающие каскадами из бассейна в бассейн.

Из вестибюля лестница ведет также и в главные апартаменты хана, которые находятся в той части строения, к которому примыкает решетчатый балкон. Здесь находятся зала приемов, гостиная, ряд комнат, продолжающихся вплоть до Чурук-су, откуда хан мог видеть все, что происходило в городе.

Одно из развлечений хана состояло в том, чтобы расположиться в решетчатом балконе; он видел все, сам не будучи увиденным, и присутствовал на смотре своих войск, играх и учениях.

Позади этих первых строений, вокруг второго двора, о котором я упоминал, находилась канцелярия; еще далее, за павильоном водяных струй, – гарем, скрытый посреди небольшого замкнутого двора, окруженного деревьями.

К гарему относилась башня или киоск, высившийся за павильоном водяных струй; ее верхний ярус, куда вела шаткая лестница, был закрыт решеткой, и ханские жены могли издали присутствовать, не будучи увиденными, на играх и празднествах, происходивших во дворе. Помимо прочего, вид сверху на город и долину Бахчисарая восхитителен. В этой башне держали ханских соколов.

Напротив этого ряда строений, где все предназначено для радостей жизни, удовольствий, развлечений, мирского тщеславия, расположено то, что подобно противовесу, умеряющему

⁷ Летнюю беседку.

⁸ Бассейнный садик.

всесилие власти, составляет контраст мирской суете – мечеть и кладбище, Бог и смерть.

Мечеть, построенная в хорошем стиле, украшена двумя высокими минаретами прекрасной работы. Хан поднимался по наружной лестнице, затененной тополем, в специально предназначенную для него ложу; в наши дни путешественники могут наблюдать оттуда за молитвенными бдениями и плясками дервишей.

Невысокая стена со сквозными отверстиями, примыкающая к мечети, отделяет двор от места упокоения, где видны купола мавзолеев, в которых почивают тела ханов: лишь несколько шагов отделяли их земное обиталище от жилища вечного. Паллас сохранил для нас имена тех, кто почил в первом и втором из этих монументов⁹. Здесь хоронили также приближенных хана, его жен, священнослужителей.

Когда я был там, на кладбище царило величайшее запустение, и заросли кустарника, колючие ветки ежевики, сквозь которые едва проглядывали изящные арки беседки (Паллас приписывает ее Менгли-Гирею) делали его местом, мало располагающим к посещению. Сегодня все приведено в порядок: по приказу императора Николая весь дворец был реставрирован и приведен в его первоначальное состояние. Архитектор Эльсон, которому была поручена эта работа, тщательно воспроизво-

⁹ Обе купольные гробницы существовали уже в 1711 г. – De La Motraye, II, p. 42. Паллас перечисляет имена погребенных там ханов в следующем порядке: в первом – Ислам-Гирей, 1065 г. хиджры (1654); Батыр или Бахадур-Гирей, 1151 г.х. (1641); Мехмет или Мухаммед-Гирей III, 1075 г.х. (1665). Во второй: Адиль-Гирей, 1082 г.х. (1671); Мурат-Гирей, низложенный в 1092 г.х. (1682); Сафа-Гирей, 1104 г.х. (1692); Хаджи-Селим-Гирей, 1116 г.х. (1704); Девлет-Гирей, сын Хаджи-Селима, 1125 г.х. (1713); Саадат-Гирей, 1137 г.х. (1724); Каплан-Гирей, сын Хаджи-Селима, 1149 г.х. (1737); Менгли-Гирей, сын Каплан-Гирея, 1144 г.х. (1741); Селямет или Селим-Гирей, сын Хаджи-Селима, 1156 г.х. (1743). Вне мавзолеев (купольных гробниц) покоятся в особых гробницах: Селим-Гирей, 1161 г.х. (1748); Арслан-Гирей, 1165 г.х. (1751) и Крым-Гирей, 1166 г.х. (1752). Ни одна из этих трех дат не совпадает с известными нам датами жизни ханов. Селим-Гирей умер в 1753 г. Аслан-Гирей еще был жив в 1775 г., а Крым-Гирей умер или был отравлен в 1769 г.

дил традиционный характер строений и сохранившиеся черты восточного стиля. Ничто не было изменено – ни росписи, ни грубые, без соблюдения пропорций, рисунки. Только на гарем не распространилась эта реставрация: давно заброшенный, он превратился в руины, и от него сохранили лишь несколько комнат в качестве образца.

За кладбищем с гробницами группируются различные здания, служившие ханскими конюшнями и каретным сараем.

В глубине двора высилась стена и перед ней – прекрасный фонтан в мавританском стиле, построенный в память императора Александра I. За стеной начинаются три-четыре террасы сада, покрытые виноградными беседками, деревьями грецкого ореха, тополями. Здесь находятся резервуары, питающие фонтаны дворца.

Выше над садом видны расположившееся на крутом склоне огромное кладбище и часть города. Ворота, закрывающие двор с этой стороны, ведут туда сквозь аллею памятников; но особенно привлекает взгляд изящное купольное сооружение в верхнем углу стены сада. Не только его внешний вид, но и связанные с ним легенды делают его, так сказать, объектом паломничества, ибо кто не пожелал бы увидеть гробницу Марии Потоцкой? Это восьмигранное сооружение опирается на основание, в котором эффектно использован мотив части резной декоративной ниши, которая выше представлена полностью. Я скопировал надпись над входом, выполненную арабской вязью, которую пока никто не смог мне перевести¹⁰.

На восьми гранях гробницы повторяются два узких спаренных пилястра; они украшены резными крестами и колонками. До половины высоты каждая грань гробницы орнаментирована двойным рядом мавританских аркатур с колонками. В завершении повторены мотивы основания гробницы.

¹⁰ Атлас, IV серия, археология, фиг. 1. На дополнительном листе, 29в, приведена надпись с гробницы, а также другая надпись из Эски-Юрта, две куфические надписи из Нахичевани и надпись с железных ворот Гелати (Грузия).

В Бахчисарае все в один голос уверяют путешественников, что здесь покоится Мария Потоцкая; Пушкин, начиная свою прекрасную поэму с фонтана слез, посвященного Марии, завершает ее этой гробницей. Однако в этой традиции нет ничего достоверного. Эта замечательная гробница служила местом упокоения любимой жены Крым-Гирея, грузинки по имени Диляра-Бикеч, скончавшейся в 1178 г. по Р. Х. (1764). Таким образом, всеобщий интерес мог быть привлечен по крайней мере тем фактом, что она была христианкой и, несмотря на это, любимой женой Крым-Гирея, одного из лучших ханов, правивших Крымом; он взошел на трон в 1758 г. и умер, будучи отравлен, в 1769 г.¹¹

При первом посещении этой гробницы, в надвигающихся сумерках, меня сопровождали две молодые польки; их волнение было искренним, так как они верили легенде. И кто не был бы взволнован при мысли о молодой соотечественнице, красивой, богатой, захваченной в плен врагами самого христианского имени, отданной во власть победителю, который заботами и нежными знаками внимания надеялся заставить ее забыть родину. Но может ли забыть родину заключенная в гарем полька? Мария постоянно проливала слезы до самого дня, когда обрела последний покой. Легенда эта очаровательна. Я желал бы, чтобы она была истинной. Крымских ханов стали хоронить на дворцовом кладбище уже после его основания Менгли-Гиреем к 1530 г.

¹¹ Даты, приводимые Палласом, т. II, с. 581, во всех отношениях ошибочны: Я исправляю их по его собственным указаниям: он пишет, что Диляра-Бикеч умерла за 5 лет до Крым-Гирея; если последний был отравлен в 1769 г., то отсюда следует, что Диляра скончалась около 1764 г.

Чернецов Н. Г. Фонтан слёз в Бахчисарайском дворце. 1835 г.

ВАРТИНЫ

РОССІИ

И

БЫТЬ

РАЗНОПЛЕМЕННЫХЪ ЕЯ НАРОДОВЪ,

ИЗЪ

ПУТЕШЕСТВІЙ

П. П. СВИНЪИНА,

О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословитъ?
Игуменскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1839.

Павел Петрович Свиньин

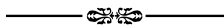
1787-1839

Павел Петрович Свиньин оставил след в истории русской культуры как писатель, журналист, художник, историк и географ. Первый издатель журнала «Отечественные записки», действительный член Академии художеств и член Российской академии.

Павел Петрович известен современникам как собиратель древностей. Ему принадлежало внушительное собрание произведений живописи, скульптуры, предметов старины, рукописей, нумизматической и минералогической коллекций. Свиньин был значимой фигурой в аристократических кругах России, устраивал литературные вечера, которые посещали А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, А. С. Пушкин и др. известные поэты.

Свиньин автор исторических романов, драматических произведений, в 1810–1830-х гг. опубликовал очерки о достопримечательностях столицы России и окрестностей. Одной из наиболее значимых и востребованных по сей день работ стала книга «Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свиньина», изданная в 1839 г., уже после смерти автора.

КАРТИНЫ РОССИИ И БЫТ РАЗНОПЛЕМЕННЫХ ЕЁ НАРОДОВ. ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СВИНЫНА

Дворец крымских ханов в Бахчисарае

Бахчисарайский дворец представляет ещё верный образец жития Азиатских Ханов и Халифов, вмещаая в тесном кругу своём все потребности и увеселения их жизни: сады, гаремы, фонтаны, место ристалищ, диван, монетный двор, бани, мечети и даже кладбище.

Дворец сей, или Хан-Сарай, составляет почти параллелограммный замок. Вход в него с северной стороны в большие ворота, находящиеся против каменного моста, через речку Суруксу, которая оmyвает две стороны замка, и во всё протяжении его выложена была тёсаным камнем.

С каким трепетом, воображаю, подъезжали Крымцы к обители грозного властелина, который скрывался ещё за двумя другими стенами и воротами, не растворявшимися ни для кого другого, кроме него! Войдя в большой двор, справа видим жилище ханское, составленное из разного рода домиков и киосков, слева мечеть и кладбище, а впереди сады в виде террас и уступов. Пройдя длинный подъезд, или свод, вступаешь на маленький двор, вымощенный плитами. Здесь главный вход во дворец через узорчатое крыльцо и железные двери, отделанные, в высоком Арабском вкусе, золотом и самыми яркими цветами. Оттоманская луна заменена двуглавым золотым орлом; но кудрявая Арабская надпись, означающая имя основателя Бахчисарая и сего дворца, осталась в целости.

С первым шагом в сени чувствуешь прохладу, столь драгоценную в южном климате во время летнего зноя; она происходит от двух фонтанов, изливающих серебряными струями

в мраморные раковины, на коих видны ещё остатки позолоты и красиво начертанных надписей. Из сеней слева дверь в залу дивана, в которую есть ещё вход из-под ворот. Зала сея может похвастаться самою пространнейшею и освещена с одной стороны двумя рядами окошек: верхние, как и во всех других парадных комнатах и киосках, составлены из разноцветных стёкол, что распространяет чрезвычайно приятный свет, а нижняя из пальмовых решёток, дабы беспрепятственно входил в покои чистый воздух. Потолок также представляет отпечаток азиатского великолепия: он сделан из деревянных дощечек в роде мозаики, весьма привлекательной для глаз по пестроте цветов своих и узоров. Заметно, что вокруг всех стен залы были широкие диваны; но Хан никогда не присутствовал в сем судилище, а слушал приговоры дел своих сановников и султанские фирмы из тайника, или хоров, скрываясь за зелёною решёткой. Отсюда же покойный Государь Император Александр Павлович изволил смотреть на обряд Татарской свадьбы, который происходил в сей зале, для удовлетворения любопытства Его Величества.

Другая дверь из сеней в переходы, ведёт в домовую ханскую мечеть. В сей последней не осталось никаких украшений...

Из сего же перехода с левой стороны вход в нижний этаж киоска, где помост выложен белым мрамором, что вместе с мраморным фонтаном, довольно высоко бьющим посреди залы, распространяет приятнейшую прохладу, между тем как на улице от скал, раскалывающихся полдневным жаром, палит убийственный зной. Остальная часть сей прелестной комнаты, или лучше сказать, все углубления, находящиеся между тремя стенами, вдавшимися в сад, а с четвёртой стороны освещённой небольшими окнами и дверью, занято широким шёлковым диваном и Египетскими рогожками. Здесь Хан любил курить трубку и нежиться после трудов и роскошного обеда, в приятной дремоте, при журчании светлых вод, при пении птичек, ещё доселе вьющих гнезда в садике, где никто их не тревожит.

Другая дверь из коридора ведёт в гарем, который, кроме этого хода и ещё потаённого из золотого киоска, не имел другого сообщения с дворцом.

Из сих же сеней широкая, лёгкая лестница ведёт во второй этаж; здесь великое множество покоев разной величины; но они столько походят один на другой расположением и даже убранством, что стоит описать один, дабы дать понятие о всех остальных; большая часть из них находится в совершенном запущении. К счастью, золотой киоск, который, без сомнения, был богатейший из них, сохранился лучше других, так что по остаткам онаго можно легко вообразить прежнее цветущее положение дворца. Зала одинаковой величины с мраморною, и в ней также находится широкий диван по трём сторонам, освещённым в два ряда окнами, из коих верхние составлены из разноцветных стёкол, с большим вкусом подобранных. То же можно сказать о потолке, испещрённом золотом и самыми яркими цветами. В четвёртой, или тёмной стене, посредине находится камин и по сторонам, справа дверь, а слева шкаф для трубок. Всё расписано арабесками под золото; но всего замечательнее украшения камина и верхней части шкафов: на них поставлены, за стёклами, в двух уступах, поддельные цветы, или садики, наподобие изготовляемых у нас для вербной недели, а в простенках, в роде барельефов, сделаны весьма натурально из алебаstra разные плоды, внутренность арбуза, разрезанная груша и проч.

В гареме остался один главный корпус и фонтанная беседка; прочие здания разрушены; но и по остаткам должно полагать, что здесь удобно мог помещаться многочисленный сераль, коим Крымские Ханы старались превзойти один другого...

О! Какую прелесть придают поэтические мечты прогулке по развалинам Бахчисарайского дворца: все предметы ими животворятся в воображении, всё дышит правдоподобием!

Персидская беседка, или лучше сказать, башня на образец Китайской, устроенная в саду, представляет в верхнем этаже ряд окон с зелёными решётками. Отсюда ханские жёны смотре-

ли на въезды послов, ристалища и игры, случавшиеся на широком дворе. В среднем этаже воспитывались ханские ястреба и кречеты, а внизу содержались великолепные фазаны, привозимые из Персии, от чего, вероятно, и башня сия получила название Персидской.

С вершины оной открывается прелестный вид на город и ближайшие живописные скалы и долины.

Вправа отсюда большой плодовый сад, посреди коего находился старый Ханский дворец, описанный подробно Манштейном. Но он уже сломан, за ветхостью, и только оставлена главная беседка с мраморными колоннами и лоскутками шёлковых занавесов, бывших между ними. Двор, в Персидском вкусе, ведёт отсюда в другие сады, находящиеся против большого дворца. Сады сии, как замечено выше, состоят из трёх террас, постепенно возвышающихся одна над другою, и соединяемых каменными лестницами, так, что самые сады кажутся висящими. Первый насаждён виноградом, а другие два – плодовитыми деревьями, приносящими доселе самые вкусные и редчайшие плоды в Крыму, особенно груши, не уступающие бонкретьеню. Здесь-то, в конце самого отдельного сада, возвышается каменная гробница Польской княжны, страстно любимой Гиреем. Сюда печальный Хан, вероятно, удалялся оплакивать втайне невозвратную утрату свою, утрату своего сердца, редко знакомого с чистою любовью, доставляющею высшее наслаждение. Гробница сия была долгое время открыта; но как с разрушением ограды она стала подвергаться засорению, то Татары испросили позволение у начальства закласть все аркады кирпичом, так, что в неё не осталось никакого входа. Старожилы помнят, что на поверхности пола не было ни саркофага, ни надписи, ни малейшего знака, могущаго объяснить имя героини, коей посвящён мавзолей, а некоторые из учёных Татар даже опровергают слух о прекрасной Польской княжне, утверждая, что тут погребена Грузинка, любимая жена Керим-Гирея.

Возвращаясь отсюда к главному подъезду, проходишь мимо довольно большого здания, полуевропейской архитек-

туры. Тут живёт смотритель дворца по наследству от бим-баши, который из высокого киоска своего наблюдал за порядком в целом замке. Возле этой казармы, для 12 инвалидов, потерявшие свой прежний вид от переделки. Здесь некогда помещалась грозная стража ханская и невольники; тут же были и конюшни. К зданию сему примыкает высокая стена, выдающаяся несколько на двор. Она ограждает ханское кладбище. Ключи от двери, ведущей в сию юдоль вечного покоя Крымских владык, хранятся у муллы. Какую картину представляет это царство смерти, особенно в безмолвии ночи и при свете луны! Мраморные памятники в Восточном вкусе, осенённые пирамидальными тополями и раскинувшимися шелковицами, выказывают белые верхи свои из-под плюща и терновника, или бросают широкую тень по зелёной мураве и на каждом шагу образуют виды, достойные кисти Робера и Панини...

О! Как поразителен здесь этот завет, обрекающий всё земное тлению и праху и представляющий всю ничтожность человеческой жизни: здесь похоронены 16 царствующих Ханов и более 100 Султанов Гиреева дома и их родственников. Некоторые из них погребены в трёх каменных склепах, или ротондах, подобных той, которая описана выше, только несравненно огромное. В них только по одной двери и вместо окошек, вверху небольшие скважины. Гробы деревянные и, судя по некоторым лоскуткам, были обтянуты богатыми тканями чёрного и синего цвета. Куполы сих мавзолеев снаружи обиты свинцом и украшены золотой луною, блестящею на позолоченном шаре, и точно так же, как и верхи двух минаретов, принадлежавших к ханской мечети, примыкающей к сему кладбищу южною стеною, подле коей похоронен по собственной воле своей Менгли-Гирей, отдельно от всех других...

Ханская мечеть есть самое огромное и великолепное здание в Бахчисарае. Главный вход в неё с улицы, где журчит прекрасный водомёт – для омовения правоверных, а с двора по высокой, крытой лестнице только один Хан всходит на

хоры, которые теперь определены для Европейцев, желающих смотреть отправление магометанского богослужения, которое везде одинаково. Бахчисарайская дворцовая мечеть отличается от других мечетей сего рода разноцветными стёклами окон, с золотыми надписями, и пёстрым золочёным налшем для муллы.

На стенах нет никаких украшений; пол устлан коврами и Египетскими рогожками.

Свиныйн П. П. Дворец крымских ханов в Бахчисарае. 1839 г.

Элеонора ПЕТРОВА
Татьяна ПРОХОРОВА

ELEONORA PETROVA
TATIANA PROKHOROVA

КРЫМСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ:

Н. Н. МУРЗАКЕВИЧ,

А. Н. ДЕМИДОВ

(К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя)

CRIMEAN JOURNEYS:

N. N. MOURZAKEVITCH,

A. N. DEMIDOV

(for N. V. Gogol's 200th anniversary)

Симферополь
«Бизнес-Информ»
2011

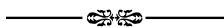
Николай Никифорович Мурзакевич

1806-1883

Николай Никифорович Мурзакевич – историк и археолог. Член-основатель и вице-президент Одесского общества истории и древностей (ООИД). Автор более чем 130 статей по нумизматике, истории и археологии. Родился в Смоленске, закончил этико-политическое отделение Московского университета. В 1830 г. по приглашению университетского товарища М. М. Кирьякова переехал на постоянное проживание в Одессу. После защиты магистерской диссертации стал адъюнктом русской истории и статистики, а в 1840 году был утвержден профессором лица.

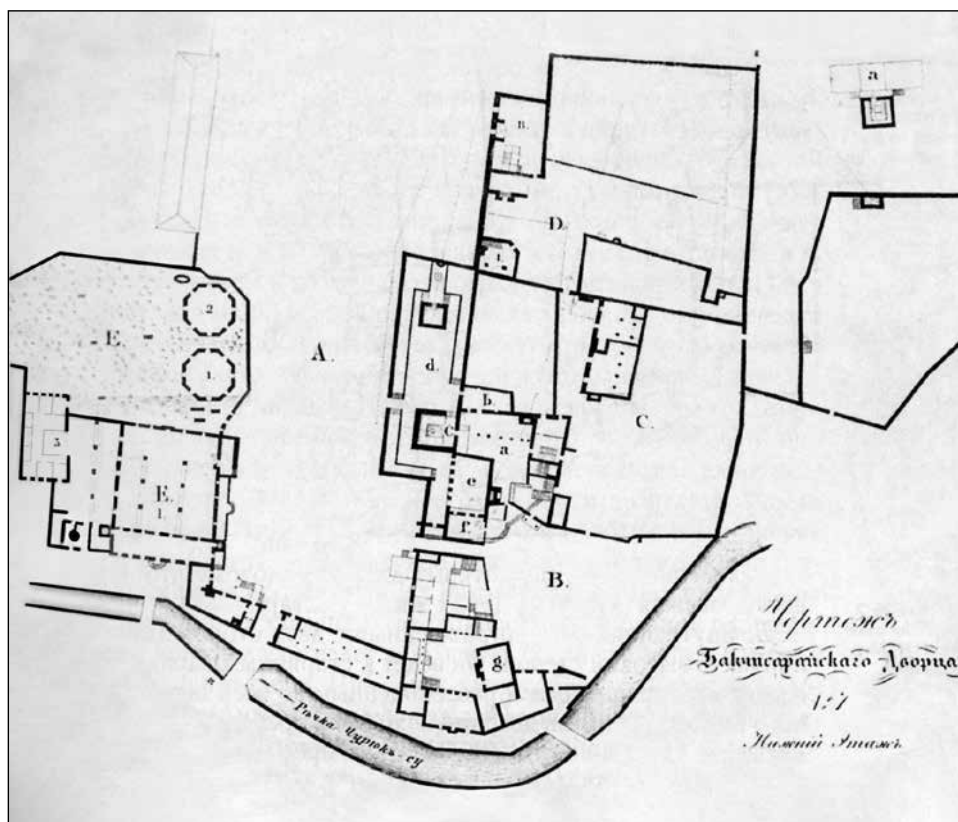
Первая поездка Мурзакевича в Крым состоялась в 1836 г. Спустя год он вновь посетил полуостров с целью описания его древних памятников. Наиболее содержательны работы «История генуэзских поселений в Крыму», «Поездка в Крым в 1836 году», опубликованные в 1837 г. В 1866 г. издается «Путеуказатель Южного берега Крыма». Большая часть опубликованных Н. Н. Мурзакевичем сочинений посвящена историческим памятникам Крыма.

ПОЕЗДКА В КРЫМ В 1836 ГОДУ

По дороге от Симферополя к Бахчисараю встречаются места, сначала ровные и скучные, но на 13 версте, при спуске в красивую Качинскую долину, открывается много приятных видов. Далее, когда поднялись на гору, снова показалось прежнее протяжение однообразной, скучной долины. И приблизившись, так сказать, к воротам бывшей ханской столицы – Бахчисарая, не видишь еще самого города. Мы спустились в ямистое углубление между двумя протягивающимися на несколько верст возвышенностями, и тогда только показался Бахчисарай.

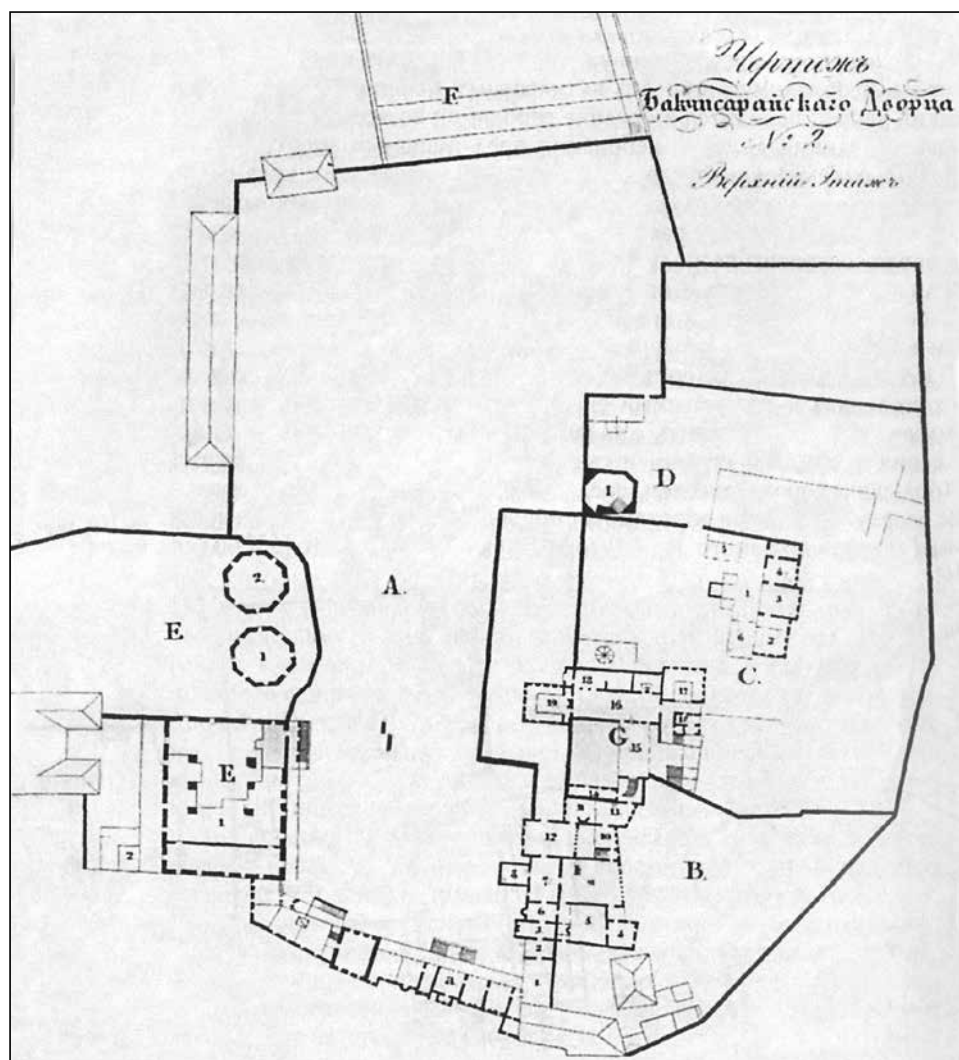
Расположение домов уступами, с извивающимися тесными улицами и переулками, ярко зеленеющими садами резкой чертой отделяет Бахчисарай от всех прочих крымских городов, населенных татарами. Торговая деятельность этого города сосредоточена на главной улице, протяженной от въезда в город до самого Ханского дворца всего версты на три. Восточная лень, а вместе с ней и недоверчивость придумали рынок (базар) на проезде. Избыток горной воды, обращенной в бесчисленное множество фонтанов, поддерживая сильную растительность деревьев, на каждом шагу доставляют «правоверному мусульманину» в избытке чистую и свежую воду, столь необходимую при его пятикратных молениях. Бахчисарайский дворец находится в середине города; он со всех сторон заслонен соседними домами; небольшая пред главными воротами площадка открывает часть дворца, к которому ведет мост чрез речку Чурюк-су (грязную воду). При входе в главные ворота открывается по частям внутреннее расположение дворца (сарая). Так как весь дворец состоит из нескольких зданий, разделенных одно от другого или дворами или стенами, то для лучшего понятия о нем мы рассматривали его по отделениям в следующем порядке (см. приложенные чертежи Бахчисарайского дворца № 1 и 2.

Чертеж Бахчисарайского дворца № 1.
Нижний этаж (по Н.Н. Мурзакевичу)

А. Внешний двор, состоящий из большого неправильного многоугольника и ограждаемый справа собственно Ханским дворцом, слева – Ханской мечетью, с кладбищем и рядом строений для помещения дворцовой стражи и смотрителя дворца; внизу у главных (больших) ворот флигелем, соединяющим мечеть с самым дворцом, и вверху проезжими воротами и стеной с фонтаном, в коем вензельный шифр покойного императора Александра I. Этот двор при владении ханов был открыт для всех, потому что через него шла проезжая дорога в гору, к жильям татар.

Чертеж Бахчисарайского дворца № 2.
Верхний этаж (по Н.Н. Мурзакевичу)

В. Внутренний двор, огражденный с двух сторон зданием, а с прочих – высокой стеной. Он ведет к старинным парадным дверям дворца, раскрашенным и раззолоченным во всей пестроте восточного вкуса. Над этими дверями находится арабская надпись, объясняющая, что они сооружены Менгли-Гире-

ем Ханом в 959 году мухаммеданской эгиры (1581 г.); при входе в двери тотчас открывается площадка с лестницами, ведущими в верхний этаж, и с двумя фонтанами. Находящийся прямо против входа направо фонтан сделан Каплан-Гиреем Ханом в 1769 году; а тот, что налево, устроен в 1798 году Керим-Гиреем и находился прежде там, где теперь гробница (восьмиугольное здание с круглым куполом) баснословной польки (что у оконечности дворца, на горе). По уверению грамотных татар, эта гробница не польки, а грузинки по имени Дилары Бикез (умершей в 1161 году эгиры), любимейшей жены Керим-Гирея, построившего над ее местом погребения поныне стоящую гробницу. Поэт Мицкевич (в «Крымских сонетах») непременно хочет, чтобы эта гробница была не грузинки, а польки «из многочисленного дворянского семейства Потоцких, однако же не из знаменитого дома властителей Умани, которая могла быть увезена казаками во время последних мятежей в Украине и продана соседним татарам». Доказательство не совсем убедительное! По иссякновении источника фонтан Керим-Гирея оставался на горе без пользы, почему в царствование Императрицы Екатерины II перенесли его на теперешнее место. Из той же площадки двери, находящиеся вправо, ведут в домашнюю Ханскую мечеть; а те, которые налево, ведут по нескольким ступеням в раззолоченную беседку с фонтаном. Вьющиеся по стенам и колоннам виноградные ветви при прохладе и журчании вод в знойное время представляют роскошное убежище и негу. Говорят, что домашняя Ханская мечеть прежде была домовым христианским храмом любимой керимовой жены, христианки-польки, в подтверждение чего указывают на мечети в середине луны вделанный крест. Если все предание основывается на одном этом, то оно не совсем вероятно. При бывших во дворце переделках для Императрицы Екатерины II русские мастера и греки по религиозности своей могли вделать крест в луну и тем ввести в заблуждение многих толкователей. Работа креста с луной совершенно не такова, как другие полумесяцы на прочих зданиях Бахчисарая, и весьма похожа на ту луну, которая поставлена на втором фонтане парадной пло-

щади. От беседки первая дверь ведет в большую залу в два этажа, с ярко раззолоченным потолком. При ханах здесь собирался Совет государственных чинов (Диван). Следующая за залой комната с разноцветными стеклами составляла Канцелярию Дивана и помещение просителей, входивших сюда через другое крыльцо, что близ парадных дверей. В этом же отделении находился и монетный двор, обращенный потом в жилые комнаты.

С. Двор гарема. Это отделение, находясь позади дворца, окружено со всех сторон превысокой стеной; ныне не находится ряда гаремных зданий, бывших в связи с внутренними комнатами хана и его опочивальней. Уцелел лишь один отдельный домик с семью покоем (галереей до половины решетчатой, залой, диванной комнатой, проходной комнатой, отдельной чрез корридор, беседкой и беседкой с фонтаном. Судя по этому зданию, должно думать, несчастные затворницы пользовались не слишком просторным помещением и небольшим раздольем для прогулок. Фонтан, находящийся у гарема, не так роскошен, как представляют его поэты. За исключением его и других пяти или шести фонтанов, украшенных с некоторой роскошью, остальные очень просты.

Д. Персидский двор. Из многих зданий, бывших здесь, уцелела восьмиугольная высокая башня (в 75 ступеней) с решетчатой стенкой. Здесь был ханский птичник, и по временам невольницы гарема водились сюда полюбоваться живописным видом Бахчисарая или посмотреть на торжественные ханские въезды и приемы чужеземных посланников. В отделении этого двора жили почетные жены хана, пользовавшиеся некоторыми исключениями: они могли изредка видаться со своими ближайшими родственниками, а в праздники заочно принимать поздравления от почетных лиц.

Е. Мечеть с кладбищем Ханским. 1) Большая Ханская мечеть, ныне обращенная в приходскую мечеть, во внутренности особенного ничего не представляет кроме чистоты и правильности ее расположения; на приличных местах начертаны надписи из Корана и некоторые имена Божии. В главной стене

мечети, обращенной к Мекке (Кибле), уцелели разноцветные окна с восточными надписями. Вверху особенная комната для хана, соединяющаяся лестницей с внешним двором. У главных дверей мечети влево комната для умовений, совершаемых перед молитвой; 2) и тут же тесные комнатки, где мулла обучает малых татар повседневному молитвам. Далее 3) корпус для помещения мулл. Ханское кладбище состоит из двух больших восьмиугольных башен, где погребены некоторые ханы. На иных гробницах еще доселе сохраняются ветхие чалмы и покрывала с вышитыми на них молитвами. Остальной двор, густо поросший деревьями и плющем, весь усеян мраморными надгробиями ханов и их родственников. Большая часть гробниц сделана с тщанием; они состоят из продолговатого четырехугольного мраморного ящика, у которого в головах стоит высокая доска с изсеченными чалмой вверху и надписью внизу; задняя часть подобной величины содержит одни украшения. Владыки Крыма и по смерти хотели у гробов своих иметь журчащую воду. Фонтан, сделанный в небольшом камне, густо покрытом зеленью, с тихим ропотом катит свои воды и очень прилично называется плачущим. Как много дум наводит эта просторная «нива Божия!»

В. Это отделение составляет большой фруктовый ханский сад с четырьмя террасами, возвышающимися одна над другой. Они соединяются лестницей под сводом из виноградных ветвей. За этим отделением и другими, следующими далее, нет ничего особенно замечательного, кроме бывшего за Персидским двором небольшого Ханского дворца с флигелем. От него остался красивый фонтан под открытой беседкой.

Г. Здания, составляющие собственно дворец. Примыкающий к дворцу флигель и потом корпус при ханах были занимаемы придворными служителями. Верхние же этажи принадлежали самому хану. В бытность Императрицы Екатерины II в Бахчисарае это отделение в некоторых частях было переделано для Ее особы; в каковом положении они и теперь находятся в следующем порядке: 1) решетчатый большой корридор, соединяющий флигель с главным корпусом, 2) проходная комната,

3) ванная, 4) проходная комната в большую кухню, 5) буфет, 6) проходная в диванную, 7) проходная комната в решетчатую беседку, 8) решетчатая беседка: отсюда ханы по пятницам бросали народу деньги; 9) большая столовая зала, 10) гардеробная комната Императрицы Екатерины II; 11) Её же опочивальня, 12) уборная, 13) прихожая комната, 14) решетчатая перегородка: отсюда ханы, быв невидимыми, подслушивали суждения своего Совета; 15) комната и лестница, ведущие во внутренние ханские покои, сохраненные в том виде, как они были при ханах; 16) большой корридор, именуемый Цареградским; 17) ханская опочивальня с маленькой при ней комнатой и лестницей, ведущей в гаремный двор; 18) маленькая диванная половина, отделенная особой комнатой, вероятно, ханской гардеробной, от другой подобной диванной половины, и, наконец, 19) диванная комната, называемая «золотой» от позолоченного потолка и прочих украшений. Над находящимся здесь позолоченным шкафом и поныне за стеклами сохраняются сделанные из воска цветы, деревья и птицы. Окна с разноцветными стеклами удостоверяют, что и восточной роскоши не чуждо было их употребление. Если, с одной стороны, путешественнику представится мысль: от чего так мало сохранилось народного в Бахчисарайском дворце, то, с другой, он легко объяснит себе причину этого следующими несчастными для города и дворца эпохами. В 1736 году Бахчисарай и его дворец были сожжены войсками графа Миниха. В 1738 году Бахчисарай вторично был опустошен генералом Ласси; в 1771 году Бахчисарай еще раз потерпел от князя Долгорукова, прозванного потом Крымским. После этого можно ли ожидать, чтобы все в целости сохранилось? Сагим-Гирей, последний хан, отрекшись от престола, забрал с собой все, что мог, от чего остались во дворце одни голые стены.

[...]

Раффе О. Мечеть Ханского дворца. Литография. 1837 г.

Тимм В. Ф. Вид города Бахчисарая. Литография. 1856 г.

Элеонора ПЕТРОВА
Татьяна ПРОХОРОВА

ELEONORA PETROVA
TATIANA PROKHOROVA

КРЫМСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ:

Н. Н. МУРЗАКЕВИЧ,

А. Н. ДЕМИДОВ

(К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя)

CRIMEAN JOURNEYS:

N. N. MOURZAKEVITCH,

A. N. DEMIDOV

(for N. V. Gogol's 200th anniversary)

Симферополь
«Бизнес-Информ»
2011

Анатолий Николаевич Демидов

1812-1870

Анатолий Николаевич Демидов известен как ученый, путешественник, исследователь, крупный меценат. Долгое время жил в Париже. В Россию вернулся в 1830 г.

Одним из увлекательных событий его жизни стала подготовка и осуществление за счет собственных средств научно-исследовательской экспедиции на Юг России, в том числе в Крым в 1837 г. по приглашению от генерал-губернатора края М.С. Воронцова. В состав экспедиции входили 22 французских специалиста, среди которых был известный художник Огюст Раффе (1804–1866), который во время поездки с Демидовым в Крым подготовил 14 рисунков.

В 1838 г. появился «Очерк путешествия в Южную Россию и Крым». В 1840–1842 гг. вышло в свет четырехтомное «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию, Молдавию, совершенное в 1837 г. под руководством Анатолия Демидова».

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮЖНУЮ РОССИЮ И КРЫМ, ЧЕРЕЗ ВЕНГРИЮ, ВАЛАХИЮ И МОЛДАВИЮ, СОВЕРШЕННОЕ В 1837 ГОДУ

Теперь мы, наконец, в самом деле, достигли нашей цели: перед нами была уже не Вена, веселая столица образованного народа, не гордый венгерский Пест, не Дунай с затопленными берегами, несущий на пенистых волнах своих мирные пароходы, даже не Бухарест и не Яссы, города, утратившие свой восточный колорит от примеси западных нововведений; нет, мы находились в настоящем восточном городе, в одном из тех дворцов, о которых читывали только в сказках Шахерезады, короче, мы были все равно, что в Азии. Над головами нашими раздается голос мусселима; в двух шагах от нас, на безмолвном кладбище, покоится прах 60 ханов, некогда обитавших в этом дворце; завтра мы увидим их тесные могилы, близ которых с тихим журчанием протекает ручеек, скрывающийся в траве.

Теперь Крым сделался русской областью, и Россия добросовестно охраняет предания этого поэтического угла своей громадной империи. Бахчи-Сарайский дворец также, как и прежде, открыт для посетителей; в его стенах каждый день готово для приезжих гостеприимство, достойное древних времен. Для этого отведен большой флигель дворца, тот самый, который обращен к речке. Если при входе в этот флигель вы обернетесь и взглянете во внутренность двора, то увидите на правой руке кроме собственного жилища ханов гарем, бани, сады и высокую башню, на которой сделана просторная терраса, окруженная крепкими решетками. Налево возвышается большая мечеть, отличающаяся весьма стройными минаретами. Посреди кладбища стоят два павильона. Весь дворец окружен зданиями, в которых помещались кухни, конюшни и прочие принадлежности. В глубине двора возвышается прекрасный киоск, из которого сделан вход

в конюшни; рядом с ним бьет фонтан, устроенный в восточном вкусе; на фонтане находится вензелевое изображение имени Императора Александра, составленное из турецких букв. Далее картина заключается множеством садов, расположенных в виде амфитеатра, и горами, о которых мы уже говорили, представляющими вид крепости.

Нам отвели две комнаты, весьма опрятные, снабженные сафьянными диванами, которых, конечно, недостаточно было для всех нас; но после 16-часовой верховой езды, мы могли очень спокойно уснуть и на полу, покрытом мягкими коврами.[...]

Мы еще спали, когда солнце взошло, и, проснувшись, тотчас поспешили удостовериться, произведет ли на нас при дневном свете зрелище дворца то же впечатление, какое произвело накануне при лунном сиянии. Дворец и теперь показался нам столь же прекрасным. Его здания, истинно изящные, разнообразные, осененные большими красными кровлями, покрытые разными живописными изображениями и девизами, отличались особенной неопишуемой прелестью; его обширные дворы, многочисленные сады, не очень тенистые, но заключающие в себе множество неиссякаемых фонтанов, таинственные стены гарема, короче, все было для нас исполнено новosti и привлекательности; но подробное описание всех этих принадлежностей мы представим впоследствии.

[...]

Бахчи-Сарай лежит в глубине узкой лощины, обнесенной большими кубическими утесами, которые, по-видимому, угрожают завалить и раздавить его. Через него течет в глубоком овраге ручей, называемый *Джурук-Су*, которого вода не годится для употребления; самое имя его означает, что в нем вода вонючая. Но кроме него здесь есть множество других источников, содержащих прекрасную воду. Долгое время Бахчи-Сарай был столицей и любимым местопребыванием крымских ханов, которые всячески старались украсить здешний дворец свой. Со времен Императрицы Екатерины Бахчи-Сарай вместе со всем Крымом присоединен к Российской империи, но он и до сих пор

остался городом чисто татарским и один во всем Крыму сохранил без примеси тип этой интересной нации.

Весь город состоит собственно почти из одной длинной улицы, простирающейся вдоль ручья Джурук-Су. По обеим сторонам ее тянутся дома и сады, расположенные по скатам узкой долины. Между домами из среды деревьев возвышаются многие мечети с красивыми минаретами. Что касается до архитектуры обыкновенных домов, то она не отличается ничем особенным, кроме устройства труб, сквозных или сделанных в виде маленьких остроконечных башенок. Вдоль по всей большой улице расположены лавки и разные ремесленные заведения. Последние сохранили всю свою первоначальную простоту: в них и теперь приготавливаются те же изделия, какие вырабатывались двести лет назад. В лавках выставлены и вывешены по большей части лишь следующие предметы: самая грубая глиняная посуда, простые ножи, большое количество весьма разнообразных изделий из сафьяна, бабуши или туфли, седла, кушаки, кошельки и так далее. Торговцы обыкновенно сидят в глубине лавки, с трубкой во рту, поджавши ноги, как везде на востоке.

[...]

Дворец со своими обширными садами лежит в самой середине города; в него въезжают через каменный мост в те ворота, в которые накануне и мы были впущены. Это древнее жилище ханов все покрыто бесчисленными надписями; нет почти ни одной двери, которая не имела бы своей особенной легенды или своего таинственного вензеля, окруженного разными живописными изображениями, представляющими цветы, плоды, разных редких или фантастических птиц, резко отделяющихся от белого грунта стен. Надобно заметить, что незадолго перед нашим посещением дворец ханов был весьма искусно подновлен.

Труд этот был поручен отличному архитектору, г-ну Эльсону, который выполнил его со вкусом и возвратил обветшавшему дворцу весь его первобытный блеск, всю оригинальность. Он не только подновил стены, двери, окна этого прекрасного замка, но еще снабдил их богатой мебелью и разными самыми мелочными

украшениями, имеющими восточный тип. Все комнаты обтянуты драгоценными обоями, снабжены диванами и коврами, недавно выписанными из Константинополя.

Внутренность дворца состоит из зал и отдельных кабинетов, в которых не заметно никакого правильного расположения. В них проникает слабый свет сквозь цветные стекла. Каждая комната так и блестит перламутром, хрусталями, золотом и серебром; все они исполнены благоухания. Короче, в этом чудесном дворце соединено все, что могла создать только самая роскошная восточная фантазия. Но кто будет в состоянии исчислить все извороты этого дворца-лабиринта, его многочисленные потаенные выходы, его мраморные бани, скромные свидетельницы чувственных наслаждений азиатского гарема, известных европейцам только понаслышке?

Мы уже говорили, что в садах есть большая башня, увенчанная позолоченной решеткой. Там, как рассказывают, один из ханов воспитывал своих соколов, а другой устроил на вершине этой башни платформу, куда жены его приходили наслаждаться прохладой вечернего воздуха, откуда могли, никем невидимые, осматривать окрестности города.

В гареме, окруженном высокими стенами, имеющем также свои бани и прохладные мраморные залы, мы осматривали комнаты, в которых некогда жили ханские жены. Но, увы! Теперь все здесь пусто; лишь кое-где видны еще следы древнего убранства: в окнах уцелело несколько яркоцветных стекол, на стенах несколько венецианских зеркал, в которые когда-то смотрелись любимицы ханские. Именно здесь изнывала Мария Потоцкая, внушившая Пушкину его стихотворение «Бахчи-Сарайский фонтан».

Этот «дворец садов», так долго бывший жилищем крымских повелителей, мог бы еще справедливее быть назван *дворцом фонтанов*, в нем повсюду есть проточная вода; она проведена в стены, льется в садах, бьет из фонтанов, сделанных в комнатах.

Из числа этих фонтанов особенного упоминания заслуживают два, устроенные в парадных сенях. Они покрыты легки-

ми рельефными арабесками, совершенно вызолоченными и выдающимися на разноцветном ярком грунте. В них соединено все, что только есть в восточном вкусе изящного, в азиатской архитектуре лучшего. Именно один из этих фонтанов и внушил Пушкину мысль его поэмы «Бахчи-Сарайский фонтан». Кроме богатых украшений фонтан покрыт еще множеством надписей. Мы нашли перевод их в прекрасном и полезном сочинении ученого г-на Монтандона, долго жившего в Крыму. Сочинение это называется «Путеводитель по Крыму». Между прочим, следующая надпись находится на фонтане, называемом Марииным:

«Лик Бахчи-Сарая возвеселен благотворными попечениями лучезарного Керима-Гирея! Отеческая рука великого хана утолила жажду народа».

«Если есть где-нибудь подобный фонтан, да явится он».

«В Дамаске, в Багдаде есть много диковинок: но и там нет такого прекрасного фонтана».

Следует год 1176 геджры.

На другом фонтане находится надпись, содержащая молитвы строителя его, Каплан-Гирей-хана, о том, чтобы Аллах простил ему и его родственникам их грехи.

К числу источников, возбуждающих наиболее поэтические мечтания, принадлежит скромный ручеек, струящийся в траве между кустов, растущих на небольшом кладбище, где покоится прах крымских ханов. Мы уже упоминали о месте, занимаемом этим кладбищем, и о двух его ротондах, увенчанных обширными куполами. В этих ротондах помещено несколько ханских гробниц; там же погребены и некоторые жены их. В изголовье каждого гроба стоит камень, верхушка которого высечена в виде чалмы; на некоторых даже помещены настоящие чалмы ханов, теперь уже истлевшие и висящие лохмотьями. На камнях, покрывающих гробы женщин, высечен их головной убор. Позади этих ротонд находится небольшое огороженное место, поросшее разнородными растениями; здесь находится множество могил, над которыми стоят белые мраморные памятники, покрытые украшениями, выпукло высеченными.

Вечером 17-го августа к нам присоединилось новое общество: трое мужчин и одна дама приехали осмотреть эти места, имеющие так много заманчивости для путешественников. Вместе с этими новоприезжими мы отправились в большую дворцовую мечеть. Нас пустили с той стороны, которая обращена к улице. При самом входе в большой зале со сводами внимание наше было привлечено прекрасным фонтаном. Вода, бьющая из него довольно высоко, ниспадает в обширный водоем, из которого вытекает посредством множества небольших отверстий тоненькими струйками. Таким образом, многие магометане могут вдруг совершать предписанные им омовения. Из этой залы мы вошли в обширные сени, а оттуда в самую мечеть. Это огромное здание слабо освещено несколькими окнами, в которые вставлены прекрасные голубые стекла, пол устлан коврами; в задней стене, находящейся прямо против двери, сделано полукруглое углубление в виде ниши, украшенное резьбой по камню: это святилище храма. Посреди мечети висит огромная люстра, устроенная звездообразно с 16-ю остроконечными исходящими углами. На каждом из этих углов утверждена лампа, к которой привешена длинная шелковая кисть. Во всей мечети нет ни одного стула; украшений в ней весьма мало; есть лишь несколько книг и свечей, весьма толстых, испещренных разными самыми яркими красками. Между тем как мы осматривали внутренность мечети, отличающуюся простотой, но не чуждую некоторого величия, мусселим резким, протяжным голосом созывал татар на молитву. В минаретах делается узкая лесенка; по ней мусселим, или муэдзин, выходит на платформу, устроенную на самом верху минарета, и, обращаясь на все четыре стороны, кричит или поет. Вскоре в мечеть начали сходить татары, предшествуемые муллою, зажгли толстые свечи и, не заботясь нисколько о нашем присутствии, начали молиться. Все татары стояли в ряд, обратившись лицом к описанной нише, мулла несколько впереди них.

[...]

ОЧЕРКИ

*Изгавачица
Варуна и Пассека*

КНИГА I.

1838.

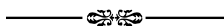
Вадим Васильевич Пассек

1808-1842

Вадим Васильевич Пассек – русский писатель, краевед, историк и этнограф. Родился в 1808 г. в Тобольске в семье ссыльного дворянина. В 1830 г. окончил этико-политическое отделение философского факультета Московского университета. В 1832 г. Пассек совершил первую поездку на Юг России, в Малороссийскую губернию, после которой вскоре женился на родственнице Герцена Татьяне Кучиной. Супруга стала не просто его идейным вдохновителем, она вместе с ним увлеклась сбором и публикацией материалов по истории и краеведению Крыма.

Вслед за предпринятым статистическим описанием Харьковской губернии в 1837 г. Пассеку было поручено описание Таврической губернии, в связи с чем последовал переезд в Одессу, затем – в Крым; описание Таврической губернии было окончено спустя год. Именно в Крыму Пассек задумал издание книги «Очерки России» (в 5 книгах), посредством которых автор приобщает читателей к истории родного края и знакомит с традициями народов России. Перу Пассека принадлежало множество краеведческих очерков, опубликованных в различных изданиях. Несомненно, особый интерес при изучении Крымского полуострова вызывают «Отрывки из путешествия по Крыму». Часть иллюстраций к изданиям выполнена самим автором.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО КРЫМУ

«Мнѣ мечтается, что какой нибудь волшебникъ занесъ меня на востокъ и оставилъ посреди горъ, въ пустомъ обвороженномъ замкѣ... Я хожу по огромнымъ заламъ, и одинъ гулъ отъ шаговъ моихъ раздается подъ высокими потолками... Зелень древесная манитъ за ограду: вступаю, и при слабомъ мерцаніи луннаго свѣта вижу надгробные мраморы, бѣлѣющіеся подъ деревьями, между густою травою... Все безмолствуетъ въ обители смерти, и оглашаетъ пустыню одинъ только шумъ источниковъ, текущихъ въ каменные чаши.»

И я по долгу грустилъ и задумывался въ опустѣлыхъ садахъ и комнатахъ Ханскаго дворца. Вездѣ видны надписи и зданія напоминающія почти всѣхъ Хановъ отъ Менгли-Гирея, друга нашего Іоанна Великаго, до Шагинъ Гирея, при жизни котораго Крымъ сдѣлался Русскою областію. Въ садахъ, огражденныхъ каменными высокими стѣнами, доживаютъ свое время огромныя грушевыя и шелковичныя деревья, и журчитъ вода, переливаясь изъ фонтана въ фонтанъ. Стѣны и потолки дворцовыхъ комнатъ пестрѣютъ разноцвѣтными украшеніями, узорчатыми надписями изъ Персидскихъ поэтовъ, живымъ изображеніемъ цвѣтовъ, фруктовъ и видами восточныхъ городовъ. Въ фонтанной комнатѣ всѣ стекла раскинуты радугою и за нею, темною сѣнью, склонились вѣтви винограда и поднялись кусты розановъ. Сквозь одно стекло все кажется голубымъ: небо, земля, листья, цвѣты, зданія; сквозь другое все розовымъ или багровымъ или мутно-желтымъ, какъ будто передъ страшнымъ переворотомъ природы. И здѣсь, какъ и въ садахъ, журчатъ фонтаны; и, въ ненарушимой тишинѣ, каждая капля воды дробится звуками и раздается въ опустѣлыхъ комнатахъ таинственнымъ, едва слышнымъ гуломъ.

Но изъ всѣхъ фонтановъ случай сдѣлалъ любимымъ *фонтанъ слезъ*.

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И селы мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился Ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна...
Есть надпись; ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ падшемъ на войнѣ.
Младые дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именovali...

Мечта поэта въ живыхъ, прекрасныхъ картинахъ представила нашъ востокъ, и теперь привлекаетъ вниманіе всѣхъ путешественниковъ къ Бахчисарайскому фонтану.

Онъ поставленъ въ главныхъ сѣняхъ дворца. Надпись сдѣлана на мраморной доскѣ, украшенія, состоящія болѣе изъ цвѣтовъ и плодовъ, и чашечки, изъ которыхъ переливается вода, высѣчены также изъ мрамора. На верху сдѣлано украшеніе, *похожее на луну съ крестомъ, или цвѣткомъ*, в срединѣ.¹

На верхней доскѣ написано:

«Слава въ вышнихъ Богу! Бахчисарай возрадованъ благодѣтельною заботливостію лучезарнаго хана Крымъ-Гирея. Его великодушная рука утолила жажду своей страны и стремится разлить

¹ На прилагаемомъ рисункѣ фонтанъ изображенъ съ возможною вѣрностію.

еще болѣе благодѣяній, если угодно Богу! Своею кротостію онъ открылъ прекрасный источникъ воды. Если есть еще подобный фонтанъ, пусть онъ предстанетъ! Много хорошаго въ городахъ Дамаскъ и Багдадѣ; но тамъ никто не видѣлъ столь прекраснаго фонтана. Эту надпись сдѣлалъ Поэтъ *Шеги*. Подобно человѣку, томимому жаждою, жаждутъ прочесть сквозь воду, струящуюся изъ трубочки тонкой, какъ перстъ, начертанія на этомъ фонтанѣ. Но что онѣ означаютъ? Пей эту прекрасную воду, истекающую изъ чистейшаго источника: она даетъ здоровье. 1177.»

На другой небольшой доскѣ написано: «*Дильара*,» имя женщины, любимой Крымъ-Гиреемъ. О ней сохранилось преданіе народное; она же названа нашимъ Поэтомъ *Марію*. Это имя могло быть и собственнымъ и любимымъ названіемъ женщины; въ буквальномъ переводѣ слово *Дильара* значитъ *утѣшеніе сердца*.

Изъ первой надписи видно, что фонтанъ сдѣланъ по нашему лѣтосчисленію въ 1762 году; еще живы современники Крымъ-Гирея; еще не очень давно умерла старушка, которая жила въ то время при дворцѣ и лично знала *Дильару* или *Марію*. Передаю, что слышалъ я отъ Сентъ-Амета, который хорошо помнитъ послѣдняго Хана, и даже Крымъ-Гирея.

«У Крымъ-Гирея было много женъ. Старшая изъ нихъ, или *ханымъ*, шла однажды мимо оконъ Хана, а позади ее была *Дильара*, страстно любимая Гиреемъ. Въ гнѣвѣ, онъ велѣлъ ханымъ идти позади своей любимицы: эта обида такъ поразила ее, что она вскорѣ умерла съ горя. Но кто была *Дильара*, никому не извѣстно. Слышно было, что она Грузинка, другіе говорили, что Польшка; но послѣднему не многіе вѣрили. Навѣрное же знали, что она не Татарка. Какой она была вѣры, тоже не извѣстно, только въ ней не было замѣтно чего нибудь не мугамеданскаго, и выходила она подъ покрываломъ.» Вотъ все, что сохранилось о ней въ преданіи народномъ. Болѣе не удалось мнѣ слышать ни отъ духовныхъ ученыхъ, ни отъ старожиловъ, ни отъ почтеннаго зрителя дворца г. Булатова, который, при знаньи восточныхъ языковъ, не пропускалъ ничего въ продолженіи двѣ-

надцатилѣтней службы, чтобы познакомиться съ обычаями и преданіями народными.

Замѣчательно, что противу Татарскаго обычая, въ надписи не сказано чья она дочь, между тѣмъ какъ имя правовѣрнаго вѣрно не было бы забытымъ. Если же она была христіанкою, то или въ младенчествѣ или въ тайнѣ хранила чувство вѣры своей. Нѣсколько крестовъ или даже фигуръ въ родѣ крестовъ ничего не доказываютъ. Нѣтъ вероятія, чтобы Ханъ Татарскій, поклонникъ Мугамеда, рѣшился для женщины, какъ бы ни любилъ ее, осѣнить луну знаменіемъ креста. Подобный же крестъ сдѣланъ надъ каминомъ во внутреннихъ комнатахъ дворца и даже – надъ домашнею молельною Хановъ. Если это дѣйствительно кресты, а не простыя украшенія, не розаны съ двумя листками, то я скорѣе раздѣлю мнѣніе г. Булатова, что это хитрое дѣло Греческихъ мастеровъ, которые часто занимались работами у Татаръ, нежели подумаю, что любовь къ женщинѣ заставила Хана водворить надъ мечетью крестъ. Любители Маріи отдаютъ ей и тѣ комнаты и молельню, вмѣсто домашней церкви; но въ комнатахъ было многое передѣлано во время путешествія Государыни Екатерины II, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Надъ дверями молельни написано:

«Селяметъ-Гирей Ханъ, сынъ Хаджи Селимъ-Гирей Хана.»

А Селяметъ-Гирей жилъ за долго до Крымъ-Гирея и его любимицы. Самое устройство молельни доказываетъ, что она была домашнею мечетью: окна изъ нее проведены въ главныя сѣни, которыя были проходными и полны прислуги. Могъ ли допустить Ханъ, чтобы на виду людей молилась его любимица христіанскою молитвою, когда для мугамеданскихъ женщинъ устроены въ мечетяхъ особенные хоры или палаты.

Самый фонтанъ слезъ сомнительно отнести къ столь нѣжной привязанности Хана, какъ мечталъ объ этомъ Поэтъ. Подобный же фонтанъ устроенъ въ ханскомъ саду близъ купальни: устройство его, размѣры, даже украшенія очень сходны. И не отъ нѣжной любви называются подобныя фонтаны фонтанами слезъ, а отъ ихъ устройства.

Нѣтъ сомнѣнія, что *Дильара* или *Марія* нашего Поэта была любимицей Хана; но этой Маріи, созданной образованнымъ чувствомъ поэта, не должно смѣшивать съ Дильара, и думать о любви къ ней Крымъ-Гирея съ утонченностію Европейскихъ понятій.

Впрочемъ, не отвергать хочу я чувствованіе истинной любви въ мугамеданинѣ и человѣкѣ образованномъ не по нашимъ понятіямъ, а говорю только о различіи формъ, въ которыхъ выражается эта любовь. Когда Дильара перешла изъ здѣшняго міра, Гирей устроилъ надъ прахомъ ея огромный памятникъ за своимъ терраснымъ садомъ и осѣнилъ его позлащенной луною. Надъ дверью гробницы есть надпись:

«Да почіетъ въ мирѣ прахъ Дильара.»

Лѣтъ за тридцать по рассказамъ старожиловъ въ каждой изъ семи сторонъ памятника было окно, а въ осьмой устроены двери. Внутренность была убрана роскошно: стѣны обиты дорогою матеріею, куполь покрытъ свинцомъ. Теперь уже нѣтъ свинца; видны только остатки черепицы и глины, на которой онъ лежалъ и гдѣ теперь успѣла разростись трава. Двери и окна заложены, и только въ отверстіе надъ дверьми, вѣроятно сдѣланное любопытными, можно не без труда заглянуть въ этотъ памятникъ и видѣть его запустѣніе при свѣтѣ факела.

Поднявшись на взгорье выше памятника, и обернувшись къ дворцу, открываются его пестрыя кровли. А на противоположной горѣ между частными домами старая мечеть съ зеленою черепичною кровлею; ее называютъ: *Ешиль Джамэ* иди Зеленая мечеть. Въ ней есть надпись: «*Дильара!* Да помилуетъ ее Богъ! 1178 эджиры.»

Мечеть давно опустѣла: нѣтъ ни оконъ, ни пола. Сохранились легкія деревянныя колонны и надписи изъ корана. Буквы одной изъ нихъ представляютъ мечеть съ двумя минаретами.

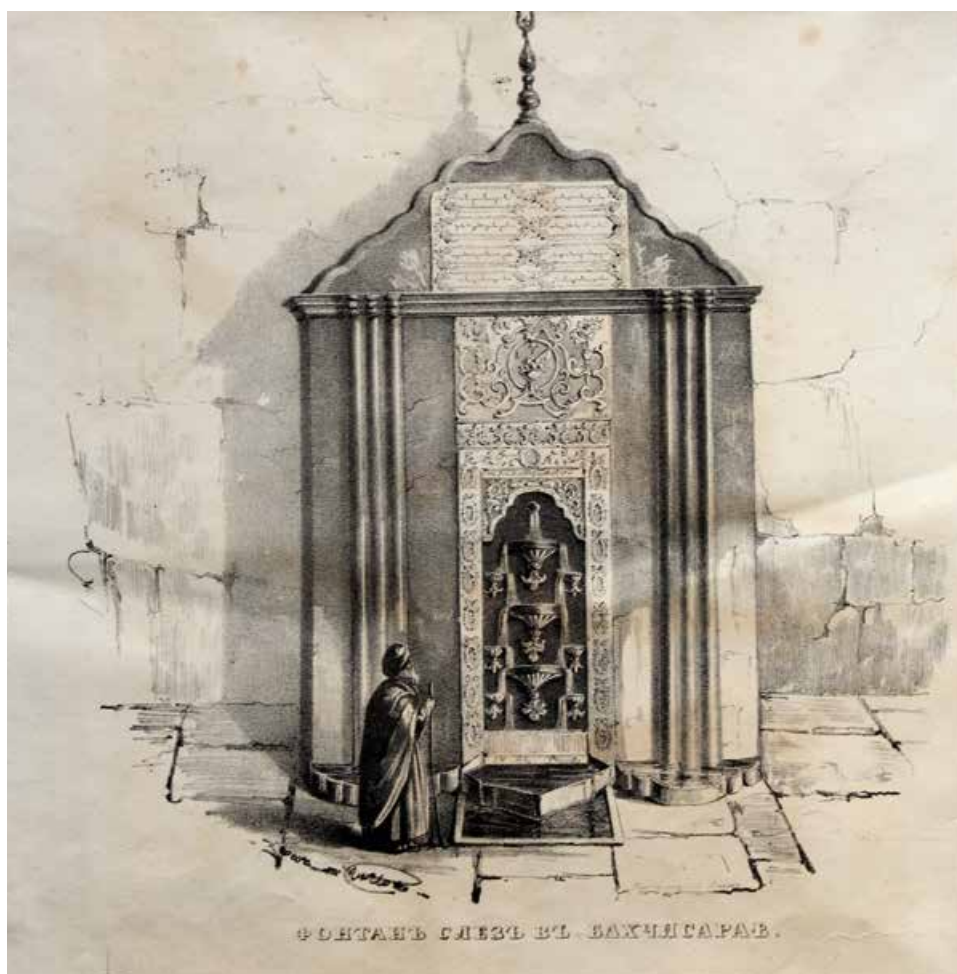
Содержание ея:

Ля-илляхъ-иль-ал-лахъ

Мугамедъ ресуль-уль-лахъ.

Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Мугамедъ пророкъ его.

Въ тои весь разсказъ о Маріи. Давно ли пѣлъ ее нашъ Пушкинъ, а о немъ уже есть преданіе въ томъ же Бахчисараѣ. Извѣстно, что въ Крыму почти нѣтъ пѣвчихъ птицъ: рѣдко кому удастся слышать разъ въ жизни пѣнье соловья; но разсказываютъ, что въ бытность Пушкина во дворцѣ хановъ, цѣлыя ночи пѣлъ соловей въ ханскомъ саду. И теперь путешественники, пріѣзжая въ Бахчисарай и слушая о Маріи, смотря на памятники, воздвигнутые для нее Гиремъ, задумываются о Поэтѣ. И кажется въ слезахъ фонтана слезы о немъ...

Пассек В. В. Фонтан слез в Бахчисарае. Гравюра. 1840-е гг.

ПУТЕШЕСТВІЕ
МАРШАЛА МАРМОНА,
ГЕРЦОГА РАГУЗСКАГО,
ВЪ ВЕНГРІЮ, ТРАНСИЛЬВАНІЮ,
ЮЖНУЮ РОССІЮ,
ПО КРЫМУ И БЕРЕГАМЪ АЗОВСКАГО МОРЯ,
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
НѢКОТОРЫЯ ЧАСТИ МАЛОЙ АЗІИ, СИРІЮ,
ПАЛЕСТИНУ И ЕГИПЕТЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,

ИЗДАННЫЙ КСЕНОФОНТОМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1840.

Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон

1774-1852

Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон – маршал Империи, генерал-полковник конных егерей, герцог Рагузский, пэр Франции.

Де Мармон происходил из дворянского рода. Родился в семье потомственного военного, предопределившего судьбу сына в военной карьере. Блестяще окончил артиллерийское училище. Более 40 лет посвятил военной службе. Был близок к Наполеону Бонапарту. За победу над австрийцами в 1809 г. удостоен звания Маршала Империи. Получив титул Герцога Рагузского, он до 1811 г. управлял Рагузской Республикой.

Во время Французской революции в 1830 г. безуспешно пытался подавить восстание в Париже, приведшее к свержению Карла X. После отречения от престола Карла X эмигрировал вместе с ним в Англию.

Последние годы жизни Виесс Мармон вынужденно проживал в изгнании, став заложником политических обстоятельств. Однако тяготы отдаленности от Родины не сломили де Мармона, он нашел себя в предпринятом путешествии, очерки которого впоследствии были опубликованы под названием: «Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет». Целью путешествия стало «изыскание истины», как пишет сам автор. Современники де Мармона упоминают о нем как о человеке, наделенном мудростью, благородством и наблюдательностью.

ПУТЕШЕСТВІЕ МАРШАЛА МАРМОНА,
ГЕРЦОГА РАГУЗСКАГО, ВЪ ВЕНГРІЮ,
ТРАНСИЛЬВАНІЮ, ЮЖНУЮ РОССІЮ,
ПО КРЫМУ И БЕРЕГАМЪ АЗОВСКАГО МОРЯ,
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ, НѢКОТОРЫЯ ЧАСТИ
МАЛОЙ АЗІИ, СІРІЮ, ПАЛЕСТИНУ И ЕГИПЕТЪ

Мы продолжали путь къ Бахчисараю, по странѣ сухой, бѣдной и ничтожной какъ только можно больше. Видны обширныя равнины мѣловой земли, холмы безъ деревьевъ, бѣлыя скалы, напоминающія видъ Шампани, отъ Витри до Шалона. Но земля здѣсь плодородна: хорошо обработанная она приноситъ, какъ увѣрили меня, пятнадцать и двадцать зеренъ на одно посѣянное пшеницы и ржи. Недостаетъ рукъ, и почва остается не воздѣланною. Нѣсколько ручьевъ, которые во время дождей превращаются въ потоки, обрисовываютъ долины, гдѣ есть и деревья, и растительность, но долины эти очень узки.

Въ Бахчисарай пріѣзжаете не замѣтивши его. Этотъ городъ имѣетъ особенную фізіогномію. Въ немъ только одна улица, хотя жителей отъ восьми до десяти тысячъ обоихъ половъ. Съ одной стороны его быстрая рѣчка, съ другой гора, совершенно безплодная, нагая, безъ малѣйшей растительности. Но въ концѣ города, или по крайней мѣрѣ близъ верхней его оконечности, долина расширяется и вся занята дворцомъ, въ которомъ живаль ханъ. Дворецъ поправили тщательно и поддерживаютъ такъ хорошо, что онъ теперь точно въ томъ видѣ, какъ былъ при своихъ прежнихъ обладателяхъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ и разныхъ зданій съ рѣшетчатыми окнами, какъ въ Мусульманскихъ домахъ на Востокѣ. Комнатъ во дворцѣ множество: онѣ расположены больше или меньше странно и убраны довольно богато. Во многихъ залахъ льются неизсяка-

ющіе фонтаны; въ другихъ есть бассейны изъ бѣлаго мрамора, гдѣ фонтаны бьютъ вверхъ. Можно вообразить себя перенесеннымъ въ какой нибудь дворецъ Азіи или Каира: все напоминаетъ тамошніе обычаи, нравы, привычки. Маленькіе сады съ цвѣтами дополняютъ общность. Подлѣ дворца есть мечеть, очень красивая. Вблизи нея, въ отдѣльной оградѣ, могилы всѣхъ хановъ, господствовавшихъ въ Крыму. Во дворцѣ есть Христіанская часовня: говорятъ, она основана въ то время, когда плѣнная графиня Потоцкая была женою одного хана, который очень любилъ ее и позволилъ ей остаться въ ея религіи.

Бахчисарай весь населенъ Татарами. Нравы у нихъ Мусульманскіе, но безъ всякаго фанатизма. Это народонаселеніе превосходное: обхожденіе его важно и холодно; говорятъ, что это люди правдивые и честные.

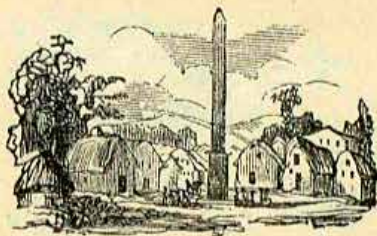

Берндт Э. Бахчисарай. Гравюра. 1869 г.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

(ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА.)

Николая Семеновскаго.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

1847.

Николай Максимович Сементовский

1819-1879

Николай Максимович Сементовский – известная фигура в литературных кругах, русский и украинский писатель, историк, археолог, член Императорского Географического общества, член Императорского Археологического и Нумизматического общества, статский советник. Родился в д. Семеновке Полтавской области в семье помещика. Окончил Гимназию высших наук и Юридический лицей в Нежине. С 1840 г. служил в канцелярии черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора, а с 1843 г. при канцелярии Военного министерства в Петербурге. Являлся почетным членом киевского попечительства детских приютов.

Писательский талант Сементовского проявился со школьной скамьи. Его перу принадлежат более 60 трудов, в том числе посвященных вопросам истории и археологии Малороссии. Совершил путешествие в Крым, по итогам которого напечатал серию статей «Таврида», а также путеводитель «Путешественник». Он оставил большое литературное наследие, которое по достоинству оценил не только рядовой читатель, от Императора Николая I Н. Сементовский получил бриллиантовый перстень, а от великих князей Николая и Михаила Николаевичей – золотую табакерку и др. ценные подарки и многочисленные почетные грамоты.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА)

Заходящее солнце привѣтствовало меня послѣдними лучами, когда приближался я по узкой лощинѣ, охраняемой какъ бдительными стражами двумя высокимъ утесистыми горами; среди этой лощины очертился поэтическій Бахчисарай съ своими многочисленными мечетями, минаретами, дворцемъ и разноцвѣтными домиками татаръ, раскинутыми въ разныхъ сторонахъ города. Бахчисарай послѣ дневной суеты засыпалъ спокойнымъ сномъ; это его настоящая жизнь послѣ минувшихъ тревоженій... Туманъ прозрачною розовою пеленою тихо ниспускался въ лощину и кой-гдѣ уже покрывалъ, какъ чадрую покрывается красавица гарема, плѣнительные сады, мраморные фонтаны, уютные домики, высокіе минареты и прочія зданія; ароматный запахъ бѣлой акаціи и другихъ цвѣтовъ пахнулъ на насъ, когда мы спустились съ высокой горы и приблизились къ величественному зданію ханскаго дворца. Сумракъ окуталъ всѣ предметы; всюду раскинутая густая зелень, казалось еще болѣе увеличивала темноту ночи. Путешественникъ, въ вечерній часъ посѣщающій великолѣпный ханскій дворецъ, забываетъ дѣйствительность и воображаетъ, что чародѣйная сила занесла его въ сказочный дворецъ, описанный въ тысячѣ и одной ночи; здѣсь каждый шагъ его съ грохотомъ повторяется подъ высокими потолками, украшенными съ азіатскою роскошью яркою позолотою и дивною рѣзьбою; и еслибы захотѣлъ онъ переступить мраморную ограду, отдѣляющую отъ него ароматическую зелень таинственнаго сада, то очарованіе было-бы такъ сильно, что онъ бросился бы искать въ тѣни кустовъ волшебной красавицы. Въ саду сквозь густоту рапъ, тутовыхъ деревьевъ и душистыхъ ивъ, обвитыхъ ярко-зелеными виноградными лозами, обремененными пышными гроздья-

ми, скользить золотой лучъ мѣсяца и падаетъ на безмолвные бѣлые столбы гробницъ увядшихъ гаремныхъ женщинъ и проникаетъ, кажется, въ глубь самыхъ могилъ, чтобы блѣдно-серебрянымъ лучемъ освѣтить мракъ ихъ и пробудить дивныхъ красавицъ востока.

[...]

Въ тѣ дни, когда я посѣтилъ Бахчисарай, дворецъ ханскій былъ совершенно пустъ, огромные покои богато убранные еще до пріѣзда державной путешественницы сохранились безъ всякой перемѣны. Когда проходилъ я высокія залы дворца, пестро разрисованныя и позолоченныя, то мнѣ чудилось, будто-бы я находился въ пространной обители смерти, такъ все здѣсь безмолвно и мертво и такъ все грустно говоритъ сердцу о своемъ минувшемъ; изрѣдка это безмолвіе прерывалъ таинственный шумъ фонтановъ, устроенныхъ въ залахъ дворца, въ который вошелъ я съ внутренняго двора, чрезъ парадное крыльцо; это роскошное крыльцо прикрито тяжелымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ чрезвычайно тонкими изящными колонками; удивляешься какъ онъ не обрушится. Рѣшетчатый фонарь прикрываетъ лѣстницу, онъ украшенъ золотою луною. Массивная желѣзная дверь выкрашена зеленою краскою и расписана съ азіатскою причудливостію, пестрыми узорами; кой-гдѣ примѣтна еще на ней позолота. На фронтонѣ также изящно украшенномъ арабесками уцѣлѣла арабская надпись, начертанная золотыми буквами: «Величайшій и добродѣтельнѣйшій властитель этой земли и обладатель этихъ вратъ султанъ Менгли-Гирей-Ханъ, сынъ Хаджи-Гирей-Хана. Аллахъ, забудь прегрѣшенія Менгли-Гирей-Хана, его отца и матери, какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни.» Другая надпись ниже первой говоритъ, что дверь эта сооружена въ лѣто 959, по нашему счисленію въ 1551 г. Въ пространныхъ сѣняхъ, искусно выложенныхъ бѣлымъ камнемъ, бьютъ два фонтана: первый изъ нихъ мраморный, украшенный прекрасною восточною рѣзбою, изображающею розы, другіе цвѣты и фрукты; этотъ фонтанъ называется *золотымъ*; остановитесь передъ нимъ, потому что онъ служитъ началомъ интерес-

наго поэтического разсказа о крымскихъ ханахъ и о великолѣпномъ дворцѣ, в который мы теперь вступили; преданіе говоритъ, что Капланъ-Гирей поставилъ этотъ фонтанъ въ память низверженія своего султаномъ изъ ханскаго владычества; Капланъ-Гирей вынуждаемый султаномъ къ жестокостямъ, не повиновался ему и добровольно оставилъ дворецъ. Черта добродѣтели должна быть почтена во всякомъ народѣ, тѣмъ болѣе въ нехристіанскомъ; утолимъ же жажду этою чистою струею добродѣтельнаго хана и произнесемъ имя его предъ этимъ фонтаномъ, который и поставленъ здѣсь для того, чтобы напоминать проходящимъ, что добродѣтель есть лучшее достоинство въ мірѣ.

Нѣсколько далѣе перваго фонтана на-лѣво отъ входа устроенъ другой фонтанъ, названный *Сельсебиль* по имени одной изъ рѣкъ магометанская рая – это фонтанъ слезъ:

Въ Тавриду возвратился ханъ
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна,
Есть надпись, ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Посѣтителъ заранѣе исполнившійся поэтическимъ восторгомъ, родившимся въ немъ по прочтеніи поэмы безсмертнаго Пушкина, приходитъ къ фонтану слезъ читать въ каждой буквѣ надписи, видѣтъ въ каждомъ рѣзномъ листочкѣ, слышатъ въ шумѣ каждой слезной капли фонтана повтореніе очаровательнаго вымысла поэта, но здѣсь все безмолвно, все нѣмо и ни одинъ предметъ не подтвердитъ истины прелестной поэмы и поэтическая жажда путешественника останется неудовлетворенною;

правда онъ увидить бѣлую мраморную доску фонтана съ надписью: «Слава всемогущему Аллаху! Бахчисарай торжествуетъ, утопая въ сіяющей благодати лучезарнаго хана Киримъ-Гирея. Жажда страны его утолена его всещедрою рукою, которая безъ мѣры льетъ всюду благодать, благословенную самимъ Богомъ. Этотъ источникъ чистѣйшей струи также дробится здѣсь щедро-тами его. Никакая струя инаго фонтана не сравнится съ этою струею; а если есть подобный фонтанъ, то все же не сравнится съ этимъ. Дамаскъ и Багдадъ вмѣщаютъ несказанную роскошь въ себѣ, но и тамъ очи смертныхъ не зрѣли такого фонтана. Вдохновенной Шеги начерталъ эти строки. Томимый жаждою захочетъ прочесть эту надпись, и смотря на нее сквозь чистую струю воды, льющуюся изъ тонкой трубочки, онъ прочтетъ буквы надписи, говорящей ему: утоли жажду этою чистою струею единственнаго въ мірѣ фонтана, она оживитъ тебя.»

Буквы послѣдняго стиха заключаютъ въ себѣ число года 1177, по нашему лѣтосчисленію означаетъ 1762 годъ.

Эта надпись даже стороною не говоритъ о томъ, чтобы фонтанъ слезъ былъ поставленъ въ память прелестной Маріи. Мраморная доска надписи окружена изящною рѣзьбою, изображающею цвѣты и плоды; вода льется изъ чашечки, медленно выскакивая слезами; на верху фонтана видите среди украшенія что-то подобное изображенію креста и цвѣтокъ, но едва-ли это крестъ, или по-крайней-мѣрѣ едва-ли онъ вырѣзанъ здѣсь съ цѣлью его ознаменовать, а скорѣе случайность; на второй доскѣ большими буквами начертано имя *Дильяра*; это Марія Пушкина. Догадку мою подтверждаетъ многое: часто среди пестрыхъ украшеній двери или оконъ является надпись обвитая цвѣтами и эта надпись повторяетъ имя *Дильяра*. За ханскимъ садомъ еще и доселѣ находятся развалины осьми-сторонняго памятника поставленнаго надъ прахомъ *Дильяры*. Еще и теперь есть въ Бахчисараѣ старики, которые помнятъ, когда этотъ поэтическій памятникъ былъ въ цѣлости; они говорятъ, что внутренность его освѣщенная семью окнами, богато украшенными рѣзьбою на мраморѣ, была обита драгоцѣнною персидскою матеріею,

поль устланъ ковромъ и что вѣроятно ханъ часто приходилъ сюда грустить и плакать надъ прахомъ своей любовницы. Куполь памятника былъ свинцовый, покрытый яркою голубою краскою и украшенный золотыми полосами, на самомъ верху горѣла двурога луна.

Путешественникъ въ настоящіе годы, найдетъ на мѣстѣ памятника груды кирпича, черепицы, увидитъ еще окно заложенное кирпичемъ и если бы захотѣлъ проникнуть во внутрь, то кромѣ мусора, гнѣздъ летучихъ мышей и ядовитыхъ пресмыкающихся ничего болѣе не нашелъ бы въ этой обители смерти.

Взойдите по заглохшей аллѣе сада на природное возвышеніе, находящееся невдалекѣ отъ гробницы Дильяры и отыщите магометанскую молельню, нынѣ опустѣвшую; имя ей *Емилъ-Джамес*, то есть мечеть зеленая; въ ней молился Гирей о своей любовницѣ и здѣсь среди украшенія безъ затрудненія отыщите надпись: *Дильяра! Да будешь помилована Аллахомъ!* въ концѣ надписи 1178 эджирь. Мечеть эта, какъ будто бы въ воспоминаніе грядущимъ поколѣніямъ, сохранилась довольно хорошо, внутри ея еще уцѣлѣли деревянные колонны съ персидскими, турецкими и татарскими надписями и разныя украшенія, которыя невольно привлекутъ вниманіе затѣйливыми фигурами и пестрою живописью восточнаго вкуса.

Кто была Дильяра, названная Пушкинымъ Марією? Быть можетъ она была дѣйствительно Марія, переименованная ханомъ Дильярою; но кто была Марія – грузинка, полька, малороссіянка?.. Никто не знаетъ; преданіе говоритъ различно, лѣтописи ничего не говорятъ, лѣтописи не рассказываютъ романовъ и поэмъ; но что Дильяра была первою любовницею Гирея, объ этомъ все здѣсь говоритъ, все напоминаетъ.

Когда я заплатилъ дань воспоминанію минувшаго у поэтическаго фонтана слезъ и прошелъ огромныя сѣни, то прежде всего вступилъ въ обширную комнату дворца, освѣщенную въ два свѣта; нижнія окна устроены въ родѣ дверей и когда отворишь каждое изъ нихъ, то три мраморные уступа ведутъ въ цвѣтникъ;

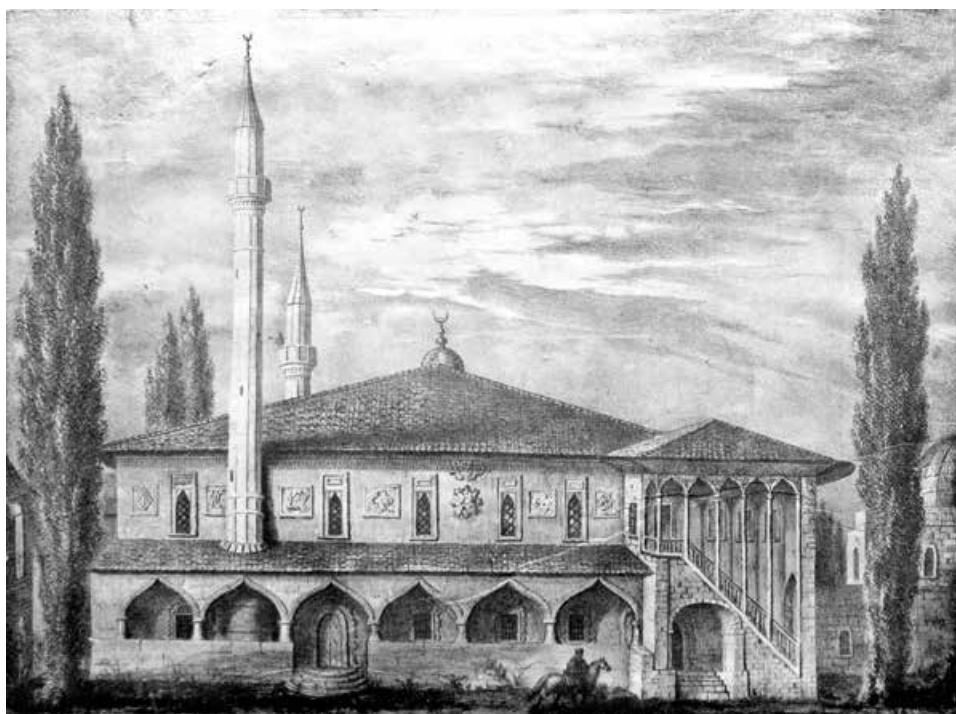
верхнія окна цѣльныя, они обложены разноцвѣтными стеклами. Стѣны залы испещрены надписями и украшеніями, состоящими изъ фруктовъ, плодовъ и цвѣтовъ, расположеніе которыхъ также составляетъ цѣлыя восточныя поэмы любви. Эта обширная зала была мѣстомъ ханскаго судилища; здѣсь собирались мудрѣйшіе изъ сановниковъ ханскихъ и разсуждали о дѣлахъ отечества; самъ ханъ присутствовалъ въ залѣ на террасѣ, устроенной въ родѣ хоръ и закрытой мелкою рѣшеткою. За этой залой открывается небольшой покой, по срединѣ котораго устроенъ изящный фонтанъ; изъ него вода струится по мраморному полу; самая комната освѣщена окнами съ трехъ сторонъ; за окнами видите длинную галерею, колонны ея обвиты лозами винограда, а пьедесталы ихъ прикрыты кустами махровыхъ розъ, жасминами и душистыми миртами. Да не подумайте, чтобы разведеніе всѣхъ этихъ цвѣтовъ и деревьевъ стоило здѣсь большихъ издержекъ и труда; все это растетъ почти безъ особеннаго присмотра и попеченія. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скрылись ханы, но розы и виноградъ, посаженные еще при жизни ихъ, роскошно зеленѣютъ и цвѣтутъ понынѣ.

Къ пріѣзду Императрицы Екатерины эта комната была особенно изящно убрана, всѣ украшенія ея остались безъ перемѣны и до нашихъ дней: вокругъ стѣнъ поставлены широкіе диваны, обтянутые ярко-красною матеріею, обшитою по концамъ золотымъ позументомъ съ кистями; изъ среди малиноваго потолка, украшеннаго золотою рѣзьбою, спускается къ фону изящная люстра; на стѣнахъ сохранена древняя живопись и рѣзьба.

Проходя по комнатамъ, во второмъ этажѣ дворца видишь въ одной изъ нихъ спальню Императрицы; убранство ея также роскошно какъ и прочихъ покоевъ; здѣсь вамъ покажутъ кровать Государыни, а по стѣнамъ зеркала, нарочно выписанныя Потемкинымъ къ ея пріѣзду. Рѣзьба на деревѣ и мраморѣ, затѣйливыя персидскія, турецкія и татарскія надписи встрѣчаются на каждомъ шагу; окна съ разноцвѣтными стеклами, фантастическимъ свѣтомъ освѣщаютъ покои ханскіе. Здѣсь все невольно заставляетъ думать о минувшемъ величіи дворца

и жизни хановъ, невольно, такъ выражусь, поэтизируетъ ваше воображеніе и безъ всего этого уже очарованное одною поэмою Пушкина.

Но чтобы еще болѣе воспламенить воображеніе и вспомнить минувшее, я поведу моихъ читателей въ самый завѣтный уголокъ этого великолѣпнаго дворца, въ который въ былые дни, никто изъ стороннихъ смертныхъ не могъ проникнуть, я поведу васъ въ гаремъ. Не правда-ли, молодые друзья мои, какъ пріятно отозвалось въ ушахъ вашихъ это слово? Взойдемте въ это магометанское святилище, съ улыбкою радости на устахъ и съ чисто поэтическимъ восторгомъ въ сердцахъ и вѣрьте мнѣ, что мы теперь испьемъ изъ фонтана наслажденія болѣе чистую струю, нежели какую пили здѣсь въ минувшее время крымскіе ханы, окруженные своими плѣнницами. Я отношу слова мои не къ матеріалистамъ.

Пассек В. В. Ханская мечеть в Бахчисарае. 1840 г.

Если бы это было лѣтъ пятьдесятъ назадъ или болѣе мы прошли бы въ гаремъ изъ дворца узкими переходами, а теперь стустимся внизъ и пройдя роскошный садъ, въ которомъ невидимо отъ всѣхъ гуляли одалыки и купались въ обширной мраморной купальницѣ, уставленной колоннами, увитыми виноградомъ и закрытой тѣнью миртовъ и жасминовъ, вступимъ въ отдѣльное зданіе; длинная рѣшетчатая терраса приведетъ насъ во внутрь святилища. Пойдемте же; прежде всего вы уже удивляетесь простотѣ отдѣлки какъ террасы такъ и первой комнаты гарема; пройдемте всѣ пять комнатъ гарема и увидимъ вездѣ простоту, запустѣніе и съ какимъ-то грустнымъ впечатлѣніемъ оставимъ это нѣкогда таинственное святилище. Видите-ли въ каждой комнатѣ находятся шкафы въ стѣнахъ, на этихъ полкахъ нѣкогда лежали дорогія украшенія ханскихъ женъ. Помечтаемъ же у этого окна, составленнаго изъ разноцвѣтныхъ стеколъ вѣроятно отсюда глядѣла вдаль не одна красавица, и быть можетъ сидя здѣсь въ тяжкомъ раздумѣ, плакала о своей далекой родинѣ; быть можетъ здѣсь сидѣла и не одна изъ нашихъ соотечественницъ; но оставимъ въ покоѣ всѣхъ обитательницъ гарема, – онѣ покоятся въ землѣ или въ глубинѣ моря, куда съ высоты башни низвергались онѣ за измѣну своему властителю. Вы удивляетесь, когда я говорю за измѣну и твердо увѣрены, что на востокѣ нельзя измѣнять; не удивляйтесь, милыя читательницы; я расскажу вамъ какъ и на востокѣ умѣли гаремныя прелестницы, что называется *проводить* своихъ властелиновъ: властелинъ входитъ въ переднюю гарема и если видитъ у дверей, ведущихъ во внутреннія комнаты, оставленные женскія туфли, то онъ не смѣетъ уже, по обычаю востока, войти въ гаремъ и немедленно возвращается; оставленные туфли означаютъ, что къ какой нибудь изъ одалыкъ, пріѣхала въ гости изъ другаго гарема ея пріятельница. Этимъ обычаемъ нерѣдко пользовались отчаянныя головы татарской молодежи и закрывъ лице чадрую, одѣвшись въ женское платье и туфли, татарскій левъ свободно пробирался сквозь толпы дозорливыхъ евнуховъ и безъ подозрѣнія пере-

ступаль завѣтный порогъ и потомъ неузнанный никѣмъ возвращался прежнимъ путемъ.

Вокругъ гарема обведена высокая каменная стѣна, но къ чему служила она послѣ рассказаннаго мною способа проводить своихъ властителей. Подлѣ гарема, какъ я сказалъ и выше, раскинутъ садъ, нынѣ совершенно запустѣлый и безмолвный.

Я утомилъ бы читателей, еслибы вздумалъ водить ихъ по всѣмъ ходамъ и переходамъ этого дворца-лабиринта; множество галлерей, кіосковъ самыхъ разнообразныхъ, тайныхъ проходовъ, залъ большихъ и малыхъ и другихъ комнатъ, слѣдующихъ однѣ за другими, лишаютъ возможности все это обойти въ одинъ разъ, обозрѣть все вдругъ. Дворецъ этотъ составляетъ драгоценнѣйшее украшеніе почти забытаго нынѣ Бахчисарая; онъ красуется посрединѣ города, со всѣхъ сторонъ окруженъ небольшими домиками и самъ гордо и величественно рисуется среди ихъ; по сторонамъ его два высокіе и тонкіе минарета увѣнчанные луною придаютъ ему чрезвычайную красоту и оригинальность. Снаружи какъ и внутри дворецъ тотъ же лабиринтъ, онъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ зданій, прилѣпленныхъ и взгроможденныхъ безъ всякой идеи. Разнообразіе и причудливость восточныхъ построекъ производятъ сильное впечатлѣніе; нельзя сказать, чтобы совокупность построекъ представляла бы дворецъ безобразнымъ массивнымъ зданіемъ, но напротивъ того это разнообразить его и даетъ ему тотъ типическій характеръ, который носятъ на себѣ всѣ изящныя восточныя зданія. Вы встрѣтите здѣсь даже и малѣйшія особенности восточной архитектуры, въ одной части дворца изумитесь изысканною правильностью фасада и въ сторонѣ увидите самую безхарактерную постройку. Все это ясно показываетъ читателямъ, что ханскій дворецъ созидался не въ одно время, но дѣйствительно въ продолженіе вѣковъ. Теперь многое уже измѣнилось во дворцѣ, нѣсколько зданій совершенно разрушено временемъ и рукою человѣка, многое перестроено, передѣлано и вовсе не походитъ на прежнее; но все однакоже дворецъ сохраняя главный видъ, даетъ ясное понятіе о прежнемъ своемъ величіи.

Внутренній дворъ, въ который мы входимъ чрезъ длинный флигель, соединяющій большую мечеть съ главною частию дворца, разстилается зубчатымъ многоугольникомъ. На лѣво большая мечеть, главный входъ ея обращенъ ко дворцу, по прекрасно открытой лѣстницѣ можно взойти вверхъ, въ особенный притворъ, гдѣ молились одни ханы. За мечетью начинается ханское кладбище; это расположеніе чрезвычайно характеризуетъ востокъ: шагъ впередъ все говоритъ о суетности жизни, шагъ назадъ – видите безмолвіе смерти. Среди кладбища стоятъ двѣ осьмьюгольные башни, памятники тщеславія многихъ хановъ. Направо тянутся зданія дворца, въ одномъ изъ нихъ соединяющемся съ переднимъ флигелемъ устроена въ срединѣ чрезвычайно красивая сквозная бесѣдка; здѣсь, въ минувшее время ханы по пятницамъ раздавали народу милости; далѣе высокія каменные ограды тянутся вокругъ нѣкогда таинственныхъ мѣстъ дворца, а нынѣ почти разрушенныхъ, это я говорю о гаремѣ...

Чернышев А. Ханский дворец. Бассейный садик. 1861 г.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ
РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

ПО РОССИИ,

въ 1845 году.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—•••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1848.

Олимпиада Петровна Шишкина

1791-1864

Олимпиада Петровна Шишкина – писательница, фрейлина, дочь титулярного советника П. В. Шишкина.

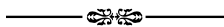
Значительную часть жизни Олимпиада Шишкина провела при дворе. В 1809 г. блестяще окончила институт благородных девиц в Смольном и за успехи в обучении была назначена фрейлиной сначала Великой княгини Екатерины Павловны, затем Императрицы Александры Фёдоровны.

Писательский талант и любовь к литературе с детских лет предопределили ее дальнейшее увлечение написанием книг. А личное знакомство с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым помогли развить интерес к литературе и состояться Шишкиной как писательнице.

В 1835 г. в свет вышел первый исторический роман (в четырех частях) О. П. Шишкиной – «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия». Спустя десять лет, в 1845 г. опубликован роман «Прокопий Ляпунов, или Междоусобие в России» (в четырех частях).

Третьим произведением Шишкиной было «Путешествие из Петербурга в Крым» (заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году). Эти заметки были изданы в 1848 г. в 2 частях и посвящались императору Николаю I. Особое внимание уделяется описанию этнографических особенностей многонационального населения Российской империи.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ ПО РОССИИ, В 1845 ГОДУ

Бакчисарай. Дворецъ Ханскій. Мечети. Кладбище. Сады.
Свадебный пиръ

Іюля 12.

Покоренная Татарами въ первой половинѣ XIII-го вѣка, ограбленная ими и облитая кровью, знаменитая Таврида скоро лишилась и своего имени. Она названа была Крымомъ по богатому городу Крыму, въ которомъ имѣлъ пребываніе Татарскій Ханъ Мангу(а), положившій основаніе независимости своего владѣнія. Другіе Ханы живали въ Карасубазарѣ, въ Кафѣ и Чуфутъ-Кале, называвшемся Киркоръ. Наконецъ, послѣ взятія турками Константинополя, признавшій надъ собою господство Порты Менгли-Гирей Ханъ поселился въ Бакчисараѣ, гдѣ жили и его преемники, до самаго присоединенія Крыма къ Россіи.

Въ первую минуту странно кажется учрежденіе столицы въ ущельѣ, между голыми утесами, на берегу ничтожной рѣчки; но скоро мѣсто это такъ плѣняетъ, что нельзя вообразить, чтобы гдѣ нибудь можно было лучше наслаждаться жизнью. И если это теперь такъ кажется, когда все кругомъ опустѣло, и въ комнатахъ и на дворахъ, – что же было, когда всюду толпились здѣсь люди, въ богатыхъ одеждахъ, готовые исполнять всѣ повелѣнія своихъ владыкъ, когда всюду блистали алмазы и золото, когда, изъ дальнихъ и ближнихъ странъ, являлись съ дарами послы сильныхъ государей, ревностно искавшихъ союза съ Крымскими Ханами.

Мы почти не видали Татаръ въ Симферополѣ, и не успѣвъ заглянуть тамъ въ старый городъ, въ новомъ видѣли все Русское, Европейское: въ Бакчисараѣ настоящій востокъ – какъ

намъ объ немъ извѣстно по разсказамъ путешественниковъ. Узкая улица, версты на полторы длиною, по которой вѣзжаютъ въ городъ, очень дурно вымощена большими, неровными камнями. По обѣмъ сторонамъ ея лавки, одна возлѣ другой, открытыя, какъ у насъ въ гостиномъ дворѣ; но въ этихъ лавкахъ занимаются не одною торговлею, а всѣми ремеслами и потребностями жизни; въ нихъ и пекутъ, и жарятъ, и кроятъ, и шьютъ, и куютъ лошадей. [...] Надъ лавками возвышаются хижины, какъ будто гнѣзда, прилѣпленныя къ скаламъ, съ которыхъ, кажется, готовы сорваться огромные камни. Все это потрясаетъ чувства и не знаешь, во снѣ или на яву это видишь.

Проѣхавъ въ ворота на дворцовую площадь, гдѣ мечеть съ двумя минаретами, мы остановились подъ другими воротами, и пошли на право, по выкрашенной красною краскою и покрытой цыновками деревянной лѣстницѣ: только съ низу нѣсколько ступеней изъ бѣлаго камня. – Проворно обѣжали мы вверху всѣ комнаты; на это не много надо времени, но съ одного разу ничего не упомнишь, кромѣ пестроты цвѣтовъ и неправильной постройки; – одна комната выше, другая ниже, то поднимешься, то опустишься, – иныя горницы выдвинуты впередъ, и въ нихъ съ двухъ, даже съ трехъ сторонъ окна. – Нѣтъ ни плана, ни фасада; все какъ будто брошено по мгновенной прихоти владѣльца дома, но все такъ красиво, вездѣ такъ хорошо можно расположиться, что, кажется, ничего нельзя лучше придумать, и вѣкъ не нужно совѣтоваться съ архитекторами.

Государь Императоръ извоилъ быть здѣсь въ первый разъ еще Великимъ Княземъ, въ 1816 году, и потомъ въ 1837 вмѣстѣ съ Государынею Императрицею, Государемъ Наслѣдникомъ и Великою Княжною Маріей Николаевной. Это написано на доскѣ въ одной изъ комнатъ, которыя занимали Они, гдѣ нѣкогда жили Ханы. – По близости показываютъ двѣ небольшія горницы съ особымъ выходомъ, будто бы принадлежавшія Маріи Потоцкой, о которой безпрестанно вспоминаютъ въ Бакчисараѣ. Пушкинъ прославилъ это имя; но еще прежде, когда путешествовалъ Муравьевъ-Апостолъ, здѣсь уже толковали о рѣдкой

красотѣ и достоинствахъ душевныхъ Христіанской любимицы Керимъ-Гирея, утверждая, что она была не Грузинка, какъ это гораздо достовѣрнѣе, а Полячка, Марія Потоцкая.

Насъ остановили въ маленькомъ кабинетцѣ, коорый весь въ окнахъ, чтобы указать бассейнъ, извѣстный по фонтану Бакчисарайскому. Мы не замедлили оглядѣть его. Онъ очень тѣсенъ, но для затворницъ и это было веселымъ убѣжищемъ, и онѣ дѣйствительно могли «ронять тутъ серъги золотыя, «не опасаясь чтобы онѣ затерялись. Кругомъ обветшала, деревянная рѣшетка, по которой вьется виноградъ. Все это, конечно, было въ иномъ, лучшемъ видѣ, но только уцѣлѣли вода и виноградъ, и гдѣ нѣкогда пѣсни и пляски развлекали скуку роскошныхъ и праздныхъ Хановъ, можно теперь уединенно размышлять о тщетѣ всего земнаго.

Фонтаны для меня гораздо привлекательнѣе бассейна, особенно въ большихъ сѣняхъ, устланныхъ мраморомъ, мраморный фонтанъ слезъ. Онъ такъ многими былъ описанъ, что уже мнѣ нечего прибавить; но чѣмъ болѣе кто читалъ о немъ, тѣмъ пріятнѣе и любопытнѣе его разсматривать, слушать тихое журчанье свѣтлыхъ его струекъ, переливающихся изъ чаши въ чашу, чувствовать ихъ свѣжесть. Надъ одной частью сѣней этихъ, большая комната со множествомъ угловъ и оконъ, раздѣленная на четверо занавѣсами. Въ двухъ мѣстахъ сѣни открыты, воздухъ свободно проникаетъ въ нихъ, и есть гдѣ укрыться отъ солнца. – Тамъ, гдѣ часто идетъ дождь, это было бы очень непріятно; но здѣсь, гдѣ его считаютъ благословеніемъ небеснымъ, можно съ истиннымъ наслажденіемъ сидѣть подъ кровлею, когда около нея шумитъ и льется дождевая вода. Эти сѣни, вѣроятно сооруженныя Греческими художниками, которыхъ заставляли на себя работать Ханы, дѣлаютъ честь ихъ искусству. – Тутъ еще другой фонтанъ больше, но обыкновеннѣе, и нѣсколько дверей. Прежде всего вошли мы въ большую залу, гдѣ нѣкогда, какъ сказываютъ, судили преступниковъ. Это лучшая комната во дворцѣ и вѣроятно служила не на одно такое употребленіе. Стѣны въ ней толстыя, аршина въ полтора, и съ

двухъ сторонъ по пяти оконъ въ два яруса. Въ верхнихъ, довольно большія, бѣлыя стекла искусно обложены въ узоръ мелкими стеклами, синими, оранжевыми, зелеными и золотистыми. Подъ нѣкоторыми, стеклянные двери отворяются въ садъ, гдѣ цвѣты и деревья чудной красоты. – Но всего чуднѣе въ Бакчисарафъ воздухъ; онъ такъ веселитъ умъ и сердце, что уже ничего не хочется, только бы всегда дышать такимъ воздухомъ.

Мы обѣдали въ судейской комнатѣ, и я могла вполне изучить ее: полъ мраморный, потолокъ расписанъ золотомъ, красною и черною краскою, на подобіе великолѣпной Азіятской парчи. Стѣны намарованы просто и грубо; но при такомъ потолкѣ, такихъ окнахъ, такихъ дверяхъ, все прочее кажется прекрасно. При этой залѣ небольшая комната, также съ разноцвѣтными окнами, изъ которой выходъ прямо подъ ворота на большой дворъ, и вѣроятно прежде тутъ водили къ допросу преступниковъ, которые стояли за перилами передъ судьями, сидѣвшими на диванахъ. Самъ Ханъ, невидимо присутствуя, могъ все наблюдать сквозь деревянную рѣшетчатую перегородку, изъ верхнихъ его покоевъ. Онъ, конечно, не всегда тутъ слѣдилъ за судомъ, но всегда должно было ожидать этого, и при государѣ кроткомъ, твердомъ и справедливымъ это должно было имѣть благотѣльное вліяніе.

За обѣдомъ подчивали насъ здѣшними лакомыми блюдами, шишлыкомъ, то есть мелкими кусками баранины, изжаренной на спичкахъ, и соусомъ изъ баклажанъ. Это родъ огурцовъ, лиловаго цвѣта, которыхъ мы проѣздомъ видѣли въ лавкахъ огромныя кучи. Мнѣ не полюбились эти кушанья; но черная шелковица, которой я также прежде не ѣдала, показалась мнѣ очень вкусна. Она видомъ похожа на Русскую ежевику, но крупнѣе, сочнѣе и гораздо пріятнѣе. Она освѣжила меня лучше абрикосовъ и сливъ, которыхъ цѣлое большое блюдо принесъ здѣшній голова, Татаринъ почтеннаго вида.

Близъ судейской залы, съ особымъ входомъ изъ тѣхъ же стѣнъ, четырехугольная комната съ возвышенными диванами; въ ней уже не одни окна, а вся нижняя стѣна изъ разно-

Чернышев А. Бассейный садик. Рисунок. 1861 г.

цвѣтныхъ стеколъ, за которыми прелестныя кусты и деревья, странно оттѣняемая, кажется просятся въ комнату, чтобы насладиться свѣжестью бьющаго по срединѣ, одѣтаго бѣлымъ мраморомъ фонтана. Потолокъ красный съ золотомъ: вообще потолоки здѣсь красные, голубые, или зеленые, деревянные подъ лакомъ; по нимъ клѣтками золоченые брусочки съ золочеными звѣздочками. Надъ дверьми красная, или другаго цвѣта столярная работа съ выпуклыми, золочеными цвѣтами, а на самыхъ дверяхъ грубо написанные съ цвѣтами кувшины или пейзажи съ золотыми и черными обводками. – Все это возобновлено, по старымъ рисункамъ, въ 1837 году, къ пріѣзду Императорскому. Тогда же въ замѣнъ бывшихъ при Ханахъ парчей и бархатовъ, отъ которыхъ ничего не осталось, куплены въ Константинополѣ шитыя золотомъ и серебромъ шелковые матеріи. Мы ихъ видѣли въ кладовыхъ, гдѣ теперь хранятся онѣ вмѣстѣ съ зеркалами восточнаго вкуса, рамы которыхъ также изъ зеркалъ, или разрисованы на стеклѣ, по темному грунту цвѣтами, а по красному арабесками, черною и бѣлою краскою съ золотомъ. Чѣмъ все это пестрѣе, тѣмъ выше цѣнится, и дѣйствительно, очень красиво: можно бы и у насъ дѣлать такія рамы. – Каминны, говорятъ, всюду были мраморныя, но вмѣстѣ съ дорогими столами и ящиками, давнымъ давно, разными людьми, разнесены въ разныя стороны. Теперь они вовсе не роскошны, просто каменные, или кирпичныя башенки, въ которыхъ дрова горятъ почти на полу. Только окна остались въ первобытной красотѣ своей; у насъ еще не отдѣлываютъ ихъ такъ хорошо.

Изъ тѣхъ же сѣней съ фонтанами входъ и въ домовую мечеть, основанную Селаметъ-Гиреемъ, въ 1740 году. Въ ней въ низу окно въ садъ, гдѣ бассейнъ, и еще нѣсколько оконъ вверху. Она совсемъ оставлена, и кажется невозможно, чтобы тутъ, въ Ханскомъ дворцѣ, была когда нибудь, какъ нынче многіе думаютъ, церковь для любимой Ханской жены Маріи, какъ называлъ ее Пушкинъ, или Дильяры, какъ зовутъ Татары. – Только самъ обратившись въ Христіанство, могъ на это согласиться Керимъ-Гирей,

не заботясь о слѣдствіяхъ: иначе онъ не могъ рѣшиться на поступокъ, который равно бы раздражилъ и его дикихъ подданныхъ и Турецкаго султана, распоряжавшаго его участью.

Другая обширная мечеть чрезъ дворъ, обсаженный раинами и разными деревьями. На задней стѣнѣ ея глубокая впадина съ лѣпною работою, въ которой хранится коранъ; его читаютъ по пятницамъ, и для этого двѣ каѳедры, одна на подобіе башенки, куда всходятъ по довольно высокой лѣсенкѣ съ перилами, другая проще и ниже съ подставною лѣстницею. – Эта часть мечети, назначенная двору и вельможамъ, ступеню выше. По бѣлымъ стѣнамъ съ разноцвѣтными окнами надписи изъ корана. На срединѣ вмѣсто паникадила красная, деревянная звѣзда, со множествомъ лампъ и яицъ. Потолокъ также красный; съ трехъ сторонъ хоры съ частыми деревянными рѣшетками. – Я подумала, что тутъ молятся женщины, но мулла сказалъ мнѣ, что, хоры сдѣланы для народа, а женщины молятся дома, что ихъ не допускаютъ въ мечети. Услышавъ это, при самомъ началѣ, мы опасались идти впередъ, но старшій мулла почтительно приглашалъ насъ все осмотрѣть, и самъ подвелъ къ своему святилищу, гдѣ, какъ я уже сказала, хранится коранъ. [...]

Близъ мечети два восьмиугольные зданія съ куполами, называемыя дюрбе, надъ которыми, на четырехъ мѣдныхъ шарахъ, возвышается луна. Въ нихъ четырнадцать гробницъ; Ханскія, съ подъемными крышами, отличаются поставленными въ головахъ зелеными чалмами, обернутыми бѣлымъ полотномъ; прочія Ханскихъ женъ или дѣтей, просто накрыты чернымъ бархатомъ; во всѣхъ вообще насыпана земля, а тѣла погребены въ подпольѣ. Особенно замѣчательны гробницы Девлетъ-Гирея и Магмутъ-Гирея, съ Турецкими надписями и богатою выпуклою работою.

Въ первой дюрбе восемь оконъ и столько же дверей. По срединѣ, какъ въ мечети, деревянная звѣзда изъ трехъ треугольниковъ со стеклянными лампадами и деревянными яйцами: число три изображаетъ у Магометанъ имя Соломоново. Въ углахъ двѣ впадины, куда ставятъ свѣчи, но объ этомъ только сказали

намъ: мы не видали ни свѣчи, ни корана. Въ другой дюрбе почти все то же, только уже окна.

Большая часть Хановъ съ ихъ семействами погребены на открытомъ воздухѣ. Мы остановились у красивой бѣлой, мраморной гробницы Керимъ-Гирея. На ней стоятъ горшки съ цвѣтами, и я сорвала на память вѣтку левкоя. Между гробницами растутъ плодовые деревья; муллы потрясли ихъ, и около насъ цѣлыми сотнями посыпались сливы, абрикосы и груши. – Деревья эти не питались прахомъ истлѣвшихъ подъ каменными памятниками Хановъ; они только были свидѣтелями усердія потомковъ Ханскихъ рабовъ, которыхъ, во время жизни ихъ, вовсе не заботились беречь тѣ, чьи могилы теперь такъ усердно берегаются...

Гаремъ, прежде примыкавшій ко дворцу, былъ очень обширенъ; большая часть его разобрана за ветхостью; осталось немного комнатъ, довольно веселыхъ, съ разноцвѣтными большими окнами и шкафами съ этажерками. На улицѣ, у самой стѣны, мраморный фонтанъ, и среди двора другой: пріятно было бы прожить тутъ лѣто. – Еще прекрасный фонтанъ, въ такъ называемомъ Персидскомъ саду, въ бесѣдкѣ съ колоннами, льется широкою кистью въ бѣлый мраморный бассейнъ; кругомъ возвышеніе, на которомъ, вѣроятно, были диваны, и, по уцѣлѣвшимъ сверху окнамъ, нельзя сомнѣваться, что и внизу между столбами сплошь были стекла.

[...]

Противъ большихъ воротъ, по незастроенной сторонѣ двора, остатки нѣкогда великолѣпныхъ Ханскихъ садовъ, въ четыре уступа; верхній не шире, кажется, трехъ сажень. Всюду можно гулять въ самый зной подъ тѣнью огромныхъ орѣшинъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ, а иногда и совсѣмъ подъ крышею густо сплетшагося винограду. – Все это одичало, всюду пусто; но мнѣ кажется, не дорого бы стало все возобновить, только бы найти человѣка, искуснаго въ хозяйствѣ, который бы истинно любилъ природу и, не слишкомъ заботясь о собственной прибыли, ревностно стремился доказать, что подъ Русскимъ ски-

петромъ все цвѣтетъ и совершенствуется. Здѣсь не пропадутъ труды и издержки: подъ рукою опытною и усердною они будутъ скоро съ избыткомъ награждены. Мнѣ сказывали въ Симферополѣ, что случалось отъ одной яблони, конечно не со всякой, въ годъ получать восемь сотъ рублей ассигнаціями, и два, три Татарскія семейства живутъ здѣсь доходомъ съ одного орѣховаго дерева.

Виды всюду прелестныя, особенно съ высокой рѣшетчатой башни, куда приходили гаремныя невидимки тайно любоваться живописнымъ городомъ съ его домами, садами и раинами, за которыми поднимаются сѣрыя каменные горы, откуда всюду проведена чистая, здоровая вода, равно необходимая людямъ, скоту и растеніямъ. Снабжая ея, безчисленные фонтаны прохладяютъ воздухъ. Между ними особенно замѣчателенъ фонтанъ новѣйшихъ временъ, съ Турецкимъ вензелемъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича.

На желѣзныхъ дворцовыхъ воротахъ надписи: 1. «Владѣтель воротъ этихъ, пріобрѣтавшій эту область, высочайшій Ханъ Хаджи-Гирей, сынъ Менгли-Гирея! Да удостоить Господь Богъ даровать верховное блаженство Менгли-Гирей Хану, отцу его и матери.» По ниже: 2. «Сооруженіе этихъ воротъ повелѣно владыкою двухъ морей и двухъ областей, Хаджи-Гирей Ханомъ, сыномъ Менгли, Гирей Хана, султана, сына султанскаго, въ 953 году (1540).»

Въ Крыму царствовали два Менгли-Гирея, но по выставленному году видно, что ворота сдѣланы сыномъ перваго, избравшаго столицею Бакчисарай. Сестренцевичъ изображаетъ Хана этого, неоднократно опустошавшаго Польшу, свирѣпымъ, безсовѣстнымъ разбойникомъ, но мы должны иначе судить о немъ, помня, какъ дорожилъ его дружбою положившій твердое основаніе могуществу Россіи Великій Князь Іоанн Васильевичъ, великій саномъ и дѣлами. Безъ тѣснаго съ нимъ союза едва ли могъ онъ свергнуть ослабленное, но еще тяжелое и позорное иго Золотой орды. Правда, по кончинѣ Великаго Князя, Менгли, за обѣщанные ему ежегодно Польшею пятнадцать тысячъ червон-

цевъ, допустилъ сыновей своихъ грабить Россію, но въ глубокой старости онъ былъ уже невольнымъ орудіемъ своихъ приближенныхъ.

Бакчисарай взятъ былъ фельдмаршаломъ Минихомъ въ 1736 году, Іюня 27, и онъ, овладѣвъ имъ, по разсказу очевидца, капитана Манштейна, сжегъ и городъ и дворецъ. Съ того времени Ханы, постепенно теряя свое могущество, уже не имѣли прежнихъ средствъ удовлетворять роскошныя свои прихоти, и нельзя сомнѣваться, что прельщающіе теперь насъ Бакчисарайскіе чертоги далеко отстали отъ прежнихъ, какъ называетъ ихъ Манштейнъ, огромныхъ зданій. Можетъ быть отъ нихъ уцѣлѣли только желѣзные ворота, которыя удалось скрыть въ горахъ съ другими туда увезенными вещами.

Домовая мечеть построена Селаметъ Ханомъ, спустя четыре года послѣ взятія Бакчисарая, а знаменитый фонтанъ слезъ здѣланъ уже въ 1763 году Керимъ-Гиреемъ. – Но какъ и теперь здѣсь хорошо; разноцвѣтныя стекла, уменьшая блескъ солнечныхъ лучей, разливаютъ необыкновенный, таинственный свѣтъ; душистый воздухъ и журчанье фонтановъ располагаютъ къ сладостнымъ мечтамъ! – Воображаю, каково было Шагинъ-Гирею навсегда покинуть очаровательные мѣста эти, преклонить колѣна передъ женщиною, переселиться среди торжествующихъ Христіанъ! – Екатерина присоединила Крымъ къ Россіи, въ 1783 году, не одною силою оружія, но и искусными переговорами. Когда она чрезъ четыре года посѣтила древнюю столицу Ханскую, ее съ восторгомъ приняли Татары, и съ тѣхъ поръ у вѣзда въ дворцовыя ворота двуглавый орелъ какъ будто наблюдаетъ, съ бѣлаго каменнаго столба, за спокойствіемъ вновь ввѣреннаго ему края. Подъ нимъ надпись: «Блаженной памяти Императрица Екатерина изволила быть въ Бакчисараѣ 1787 года Маія 14.»

Н. БЕРГ

«БАХЧИСАРАЙ» //

«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ», 1857 г., т. 141, январь.

Николай Васильевич Берг

1823-1884

Николай Васильевич Берг – русский поэт, переводчик, журналист, историк. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, который не окончил. Первые стихотворные переводы опубликованы в 1845 г. в журнале «Москвитянин».

В 1853 г. в качестве корреспондента участвовал в обороне Севастополя. После этих событий Берг издает «Записки об осаде Севастополя» и «Севастопольский альбом» с 37 рисунками.

Около 4 лет был корреспондентом журнала «Русский вестник» в Италии, Египте, Польше. Во время польского восстания отправился в Варшаву в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей», был лектором русского языка и литературы в Варшаве. Берг наиболее известен своими переводами произведений болгарских, сербских, словацких, украинских, словенских, чешских поэтов.

БАХЧИСАРАЙ

(Отрывокъ изъ походныхъ заметокъ)

Наблюдалъ я Бахчисарай и его жителей, въ продолженіе полугода слишкомъ.

Бахчисарай значитъ по-русски *садъ-дворецъ*, дворецъ посрединѣ садовъ. Онъ дѣйствительно весь тонетъ въ зелени и откуда ни подѣзжай: прежде всего являются деревья и сады. Ни одинъ городъ не скрытъ такъ мѣстностью. Бахчисарай лежитъ въ большой долинѣ, между горами. Въ него вѣзжаютъ обыкновенно со стороны Азиса, маленького предмѣстья, лежащаго отъ него въ верстѣ.

Оставьте свой экипажъ, который двигается нестерпимо медленно по улицѣ-корридору, и поднимитесь пѣшкомъ на горы, въ какой-нибудь кривой, непостижимый переулочъ, гдѣ дома лѣпятся одинъ надъ другимъ безъ всякихъ правилъ и порядка. Оттуда открываются настоящіе виды – вы останетесь довольны Бахчисараемъ. Лучшій видъ, кажется, съ бугра, гдѣ идетъ дорога въ Шуру, и еще съ горы, подъ оригинальными скалами, которыхъ нельзя не замѣтить, побывши хоть день въ Бахчисараѣ. Одна изъ нихъ имѣтъ подобіе сидящаго на стулѣ человека, а другая похожа на человѣческую голову.

Въ особенности же хорошъ городъ утромъ, или передъ закатомъ солнца, когда задняя его часть, къ Азису, нѣсколько скрывается въ туманъ и на этомъ туманѣ рисуются длинныя восточныя трубы домовъ, встаютъ зеленые минареты тополей, а вдали розовеетъ море. Въ это время, среди удивительной тишины, въ какую едва ли погружается другой городъ, вы услышите сотни журчащихъ фонтановъ. Ихъ сливающіяся трели будутъ единственные звуки, которые нарушатъ тишину.

Въ числѣ лучшихъ зданій города на первомъ мѣстѣ стоитъ конечно ханскій дворецъ, по татарски *Ханъ-Сарай*, котораго

имя, какъ и имя фонтана Маріи, для насъ неразлучно съ Бахчисараемъ.

Я уже сказалъ, что снаружи онъ представляетъ длинное, бѣлое зданіе восточной архитектуры, съ высокими остроко-
нечными трубами. Перейдя по деревянному мостику узень-
кую рѣчку Чурукъ-су, вы входите въ арку воротъ и вступаете
во дворъ – довольно большую и ровную площадь. На право и
на лѣво идутъ пестрыя зданія въ два этажа. Передъ ними кое-
гдѣ возвышаются тополи и каштаны. Въ концѣ двора видно
бѣлое зданіе, на подобіе башенки: это фонтанъ, построенный въ
честь Императора Александра I-го. Еще дальше идутъ террасы
ханскихъ садовъ; подлѣ нихъ, на лѣво, уже внѣ ограды, стоитъ
Дюрбе, надгробный памятникъ, построенный Керимъ-Гиреемъ
надъ прахомъ той плѣнницы, которую мы привыкли называть
Маріей Потоцкой. Надпись надъ дверьми говоритъ слѣдую-
щее: *За душу покойной и помилованной Богомъ Диляра-Пикечъ.
Фатиху!* – Подразумевается – *прочти*. Фатиха – первая глава
Корана. – За памятникомъ, по горѣ, раскинуто обширное клад-
бище.

Ханскія комнаты находятся въ зданіи на право отъ воротъ.
Надо пройти новую арку, потомъ часть дворика и повернуть
на лѣво, въ раззолоченныя красивыя двери, покрытыя разны-
ми надписями. Пройдя эти двери вы увидите себя въ сѣняхъ,
съ деревянными высокими столбами и каменнымъ поломъ.
Здѣсь есть два входа во дворецъ: по лѣстницѣ вверхъ, на пра-
во, и еще прямо, въ другія раззолоченныя двери. Здѣсь же, въ
одномъ углу, находится знаменитый фонтанъ Маріи. Я вооб-
ражалъ его – «въ глуши садовъ уединенныхъ», воображалъ,
что онъ бьетъ вверхъ, какъ наши фонтаны. Ничего этого нѣтъ:
онъ совершенно загороженъ и отдѣленъ отъ садовъ стѣнами
сѣней, и похожъ на большую печь или каминъ. Вода бьетъ
сверху, изъ мраморнаго цвѣтка и падаетъ на нѣсколько узень-
кихъ карнизовъ, также мраморныхъ. Внизу устроенъ водоемъ
для сбора этой воды; но ему уже нечего собирать: фонтанъ оста-
новился въ прошломъ году, какъ и всѣ другіе, принадлежащіе

ко дворцу ¹. Сверху фонтана, надъ зубчатыми украшеніями, – луна и какъ бы крестъ. Татарская надпись, въ четыре строки, означаетъ слѣдующее:

Ниже есть арабская надпись, которая значитъ слѣдующее:
въ раю есть источникъ, коего имя Сельсебиль.

Мулла, переводившій мнѣ это, перевелъ и *Сельсебиль* – «вѣчно струящій воду», но это, кажется, не такъ.

Вообще весь фонтанъ недурень, но онъ не лучший. Тутъ же, въ сѣняхъ, есть другой фонтанъ гораздо красивѣе. На немъ такая надпись:

*Капланъ-Гирей-Ханъ, сынъ Эль-Хаджи-Селимъ-Гирей-хана.
Да проститъ Богъ ихъ обоихъ и родителей ихъ!*²

Ниже арабская надпись изъ Корана: *И напоилъ ихъ Господь ихъ напитками чистыми.*

Рядомъ с этимъ фонтаномъ есть дверь въ ханскую молельню, которую почему-то называютъ молельней Маріи Потоцкой. Надъ дверями такая надпись: *Селямедъ-Гирей-ханъ, сынъ Эль-Хаджи-Селимъ-Гирей-хана. 1155.*

Преданіе о происшествіи, рассказанномъ Пушкинымъ, сохранилось въ народѣ до-сихъ-поръ. Мнѣ передавали всю эту исторію почти такъ же, какъ она въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». Зарема въ дѣйствительности называлась Феря. Ханъ любилъ ее больше другихъ женъ, но когда привезли ему чужую плѣнницу, неизвѣстно какую, только не татарку, онъ оставилъ Ферю. Имя новой одалыки ему не понравилось и онъ сказалъ: да будешь ты отнынѣ Дилярѣ-Пикѣчь³...!» Что́ значитъ, «украшающая сердца княжна». Она скоро умерла и ханъ подозрѣвалъ, что ее извела Феря – и Фери также не стало.

¹ Ихъ всѣхъ 17. Кромѣ того въ городѣ 47 фонтановъ.

² Есть и годъ, но не ясенъ. Всѣ эти года, разумѣется, считаются отъ гиджры.

³ Можно читать, *Бикечъ*, и это правильнѣе: Бекъ – князь, Бикечъ – княжна, но я держусь вездѣ татарскаго произношенія.

Ханъ построилъ Дюрбѣ надъ прахомъ Дилярá-Пикѣчь, о чемъ я уже сказалъ, и кромѣ того Зеленую мечеть, Ешилъ-Джали, внутри города, въ полу-верстѣ отъ дворца. Она получила имя *Зеленой*, кажется, отъ черепичной крыши зеленого цвѣта. Эта мечеть похожа на домъ и довольно велика. Она расписана извнѣ разными цвѣтами, наподобіе каемокъ турецкой шали, а на переднемъ фасѣ изображены двое часовъ, съ гириями и маятникомъ. Вершина минарета, стоящаго подлѣ, сломана въ бурю 2-го ноября 1854 года. Всѣ знаютъ, что эта мечеть построена *для дѣвки*, какъ переводятъ сами татары, если объясняютъ это русскому.

Въ молельнѣ Селямедъ-Гирея, о которой я замѣтилъ выше, была въ послѣднее время пріемная больных, а въ ханскихъ комнатахъ – госпиталь. Солдаты приходили и садились на полу, въ сѣняхъ у поэтического фонтана, дожидаясь, пока ихъ запишутъ и примутъ...

Комнатъ во дворцѣ и въ примыкающихъ къ нему строеніяхъ довольно много: всѣхъ 160. Замѣчательнѣе другихъ Судейская, просторная зала, оштукатуренная подъ сѣрый мраморъ; но теперь замазали эту штукатурку и подперли бревнами потолокъ, необыкновенно красивый, чтобы онъ не рухнулъ. Разноцвѣтные окна, въ два ряда, остались прежнія. Въ иныхъ комнатахъ бьютъ фонтаны, или, правильнѣе, били. Еще недавно можно было видѣть всю эту древность въ нѣкоторомъ порядкѣ, но дворецъ постарѣлъ вдругъ пятидесятью годами. Исчезли мавританскія рогожки, мраморные столы, хитрыя, разукрашенные зеркала, фарфоровые шандалы, хрустальныя люстры, гардеробъ ханскихъ женъ: туфли, опахалы... Приставленный ко дворцу сторожъ, по имени Августъ, съ грустью смотритъ на это опустошеніе. Трогательна его привязанность ко дворцу. Онъ ухаживаетъ за всякою вещицей, какъ за своей собственной! И теперь еще у него собрано кое-что въ одной комантѣ. Онъ бережно вытащитъ вамъ изъ одного бассейна, полного водою, стеклянную люстру, которую старается отмыть. Отворитъ шкафъ и покажетъ нѣсколько ханскихъ шандаловъ. Нарядится передъ

вами въ ханское парчевое покрывало, которымъ занавѣшивали послѣдняго Гирея, когда брили ему голову.

За покаями хана, направо, идутъ сады съ плодовитыми деревьями: грушами, вишнями, абрикосами, персиками и миндальными орѣхами. Стоитъ нѣсколько бесѣдок, гаремъ и высокая башня, откуда видѣнъ цѣлый городъ. Сады ханскихъ женъ отдѣлены особенной высокой стѣной. Тамъ есть также бесѣдка, въ которой, во время пребыванія штаба въ городѣ, помѣщалась католическая часовня. Я прочелъ арабскія надписи надъ дверями, снаружи и изнутри. Онѣ были весьма кстати для часовни. Вотъ первая изъ нихъ (стихъ по-персидски и стихъ по-арабски):

Эй, Господи! отворяй всегда двери сіи.

По истинѣ свидѣтельствую, что нѣтъ Божества кромѣ Бога!

Вторая:

Отверзающій двери (Богъ), отверзи намъ самую лучшую дверь!

Посрединѣ бесѣдки есть фонтанъ съ мраморнымъ водоемомъ, бившій до-сихъ-поръ въ четыре трубки. Неподалеку оттуда находится другой водоемъ, въ видѣ комнаты, полный чистою водою.

Взглянемъ на лѣвую часть дворца, – на тѣ зданія, которыя идутъ по лѣвую сторону двора, если смотрѣть изъ главныхъ воротъ.

Прежде всего, въ углу, является дворцовая мечеть, большое каменное зданіе, въ видѣ дома, крытое черепицей. Надъ нею возвышаются два большихъ минарета, изъ которыхъ одинъ до половины умышленно разрушенъ, изъ опасенія, чтобы онъ не упалъ отъ ветхости. Внутренность мечети украшена разными надписями. Надъ большими свѣтлыми окнами сдѣланы сквозныя надписи изъ разноцвѣтныхъ стеколъ: это все священные стихи изъ Корана. Каменный полъ устланъ коврами. Но далѣе идти не позволяютъ. Ели же вы непременно хотите взглянуть поближе на внутренность мечети, снимите сапоги – и васъ впустятъ.

На правой сторонѣ, подѣ потолокомъ есть особенная комната – для хана, ходѣ въ нее снаружи, со двора, тогда какъ входѣ въ мечеть съ улицы. Въ эту комнату пускаютъ. Она выложена внутри красными изразцами и расписана золотомъ.

Рядомъ с мечетью, за желѣзной рѣшеткой, стоятъ два надгробныхъ памятника, такіе же Дюрбѣ, какъ и надъ прахомъ Маріи Потоцкой: родѣ башенъ съ круглыми куполами, крытыми желѣзомъ.⁴ Тамъ покоятся ханы и ихъ жены, подѣ мраморными гробницами, на которыхъ весьма искусно изсѣчены сабли, чалмы, разныя украшенія и цвѣты. Иныя гробницы расписаны красками. Вокругъ Дюрбѣ есть еще нѣсколько ханскихъ надгробныхъ памятниковъ. Замѣчательнѣе другихъ – памятникъ Керимъ-Гирея. И все это осѣняется миндальными орѣхами, грушами и черешнями. На крыше одного Дюрбѣ выросъ персикъ и даетъ прекрасные плоды. На Дюрбѣ Маріи Потоцкой давнымъ-давно растетъ абрикось. Весь маленькій садъ, окружающій ханскія гробницы, наполненъ памятниками. Кажется, тутъ хоронили и всѣхъ отдаленныхъ родственниковъ хана. Далѣе идутъ длинныя строенія, предназначавшіяся вѣроятно для приближенныхъ хана. Все это ветхо, очень ветхо и въ добавокъ грязно. Я не совѣтую никому разсматривать дворецъ днемъ. Ступайте туда въ лунную ночь и пройдитесь по садамъ: тогда вы повѣрите поэту, что

Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ...

За дворомъ, шагахъ во ста отъ главной мечети, есть ханскія бани, вѣковѣчныя зданія, какъ бы вылитыя изъ цѣльнаго куска гранита. [...]

Климатъ въ Бахчисараѣ довольно хорошъ. Горы заслоняютъ его отъ вѣтровъ.

Бахчисарай и Одесса.

1855 – 1856.

⁴ Дюрбе Маріи Потоцкой крыто кирпичомъ.

Въздѣльному городу

БАХЧИСАРАЙСКО
Въздѣльному городу

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

(ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ).

№ 56.

Пока редакціей Председателя Коммисіи Агс. Нс. Маршала.

ТИПО ЛИТОГРАФИИ
А. В. Куркина въ Симферополѣ.
1919 г.

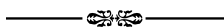
номеръ 57
вышелъ въ 1920 году
октябрь 1882

Теодор Мундт

1808-1861

Теодор Мундт – немецкий писатель, критик, автор исследований по эстетике и теории литературы. Получил образование в Берлинском университете. Участник литературного движения «Молодая Германия». Наравне с другими писателями этого направления подвергался преследованиям. Позже был профессором истории литературы в Бреславле и Берлине. Литературное поприще Мундта началось с написания критических статей и новелл. Однако главное место в его творчестве занимают исторические романы.

КРЫМЪ-ГИРЕЙ СОЮЗНИКЪ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО

Въ лицѣ великаго хана, очеркъ жизни котораго вошелъ въ нижеслѣдующее изложеніе, исторія Крыма представляетъ замѣчательнаго человѣка, въ которомъ уже въ давнее время какъ бы воплощалось непріязненное отношеніе къ Россіи.

Уже Фридрихъ Великій напалъ на мысль начать агитацію противъ Россіи и ея агрессивныхъ замысловъ въ отношеніи Крыма. Въ этомъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ ему Крымъ-Гирей, который, неудержимо увлеченный культурою западныхъ государствъ, выражалъ прусскому королю свое удивленіе и даже отправилъ къ нему особое посольство. Случилось это въ одинъ изъ самыхъ зловѣщихъ моментовъ Семилѣтней войны, и король Фридрихъ рѣшилъ, что ударъ, который можетъ быть произведенъ татарами, стоитъ того, чтобы отправить молодого офицера, барона Александра фонъ-деръ-Гольца, съ посольствомъ къ хану Крымъ-Гирею въ Крымъ.

[...]

Крым Гирей – татарский хан.

Расположенныя позади лавок жилища изъ коихъ каждое было окружено небольшимъ садикомъ, поднимались террасами по возвышенностямъ, служившимъ началомъ горной цѣпи, тѣсно окружавшей городъ. Въ то время какъ Гольцъ поражался при видѣ столь обширной торговли и промышленной дѣятельности, неожиданной для него въ столицѣ Крыма, взглядъ его встрѣтилъ во всѣхъ направленіяхъ раскинутыя въ городѣ стремящіяся къ небу башенки мечетей, обыкновенно возвышавшіяся среди группъ восхитительныхъ итальянскихъ тополей.

Въ чудесномъ настроеніи, подѣ впечатлѣніемъ картины этого своеобразнаго амфитеатра жилищъ, лавокъ, горъ, минаретовъ и кіосковъ, ѣхалъ Гольцъ рядомъ со своимъ доброжелательнымъ другомъ, который занималъ его разговоромъ и давалъ необходимыя объясненія, приближаясь къ концу улицы, гдѣ находился перекинутый черезъ Чурукъ-су каменный мостъ, ведущій къ самымъ воротамъ огромнаго ханскаго дворца.

На первомъ продолговатомъ дворѣ, надъ которымъ въ видѣ амфитеатра возвышался террасою садъ. Гольцъ и Мустафа-ага сошли съ коней и отправились пѣшкомъ по направленію къ необъятному сказочному дворцу.

Гольцу казалось, будто онъ чудеснымъ образомъ перемѣстился въ сказочную жизнь тысячи и одной ночи, когда вступилъ во дворецъ татарскихъ князей, разъединенный обширными дворами и садами и составленный изъ неисчислимой группы построекъ. Его удивленный взглядъ растерянно искалъ какую-нибудь исходную точку, чтобы схватить необъятное цѣлое, и скользилъ по неисчислимымъ надписямъ и произведеніямъ живописи, частью въ видѣ мудрыхъ изреченій и изображеній помѣщавшихся надъ входами и дверьми, частью въ видѣ цвѣтовъ, плодовъ, птицъ и разныхъ фигуръ, покрывавшимъ стѣны.

Пройдя вмѣстѣ со своимъ проводникомъ украшенный тополями и турецкой бузиной дворъ, посрединѣ котораго тихо журчалъ окруженный ивами фонтанъ, онъ вступилъ въ аванзалу собственно дворца, въ таинственномъ полумракѣ которой со сказочной гармоніей раздавался тихій, меланхолическій лепетъ источника.

Мустафа-ага¹ разсказалъ съ торжественной серьезностью, что этотъ источникъ, пользуясь всемірной извѣстностью за тотъ своеобразный мягкій и жалобный звукъ, съ которымъ вода ниспадаетъ на мраморъ бассейна, носитъ названіе «фонтана слез».

¹ Ханский брадобрей.

Стѣны залы были сплошь покрыты живописью, изображавшей пейзажи, острова, морскіе заливы, дворцы въ фантастически перемѣшанной композиціи, между тѣмъ, какъ полъ былъ устланъ изреченіями изъ корана, изображенными золотыми буквами по темному полю.

Изъ этой аванзалы Гольца провели черезъ рядъ небольшихъ, но изящно обставленныхъ залъ, сверкавшихъ золотомъ, серебромъ и кристаллами: черезъ разноцвѣтныя стекла оконъ распространялся въ нихъ магически окрашенный полумракъ.

Эти покои вели къ большой пріемной залѣ, въ которой ханъ Крымъ-Гирей назначилъ первое торжественное представленіе фонъ-деръ Гольца при условленной и одобренной имъ обстановкѣ.

Это было помѣщеніе ослѣпительной роскоши, покрытое по стѣнамъ и карнизамъ скульптурою тончайшей работы, и здѣсь-то увидѣлъ Гольцъ хана, окруженнаго всѣми его придворными.

Фонъ-деръ-Гольцъ былъ представленъ брадобреемъ въ качествѣ прусскаго офицера, прибывшаго для испрошенія у хана фирмана на покупку и вывозъ изъ Татаріи нѣкотораго числа лошадей.

Съ большимъ вниманіемъ сосредоточилъ Гольцъ свой взглядъ на крупной, высокой фигурѣ хана, котораго ему наконецъ пришлось увидѣть и къ которому онъ приближался съ такимъ чувствомъ, какъ будто передъ нимъ вдругъ явился сказочный герой изъ далекихъ былыхъ временъ.

Крымъ-Гирей представлялъ собой величественнаго, сильнаго мужчину крѣпкаго тѣлосложенія, въ то же время однако не лишеннаго извѣстной граціи и пріятности: при характерномъ очертаніи головы на лицѣ его соединялось рѣшительное и строгое выраженіе воина съ любовью къ жизни и насмѣшливымъ настроеніемъ.

Его большіе, живые глаза метали странные, пронизывающіе взгляды, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ этомъ сильномъ сынѣ природы развился не только духъ повелителя и воина, но и необычайно дѣятельный умъ.

На его высокомъ челѣ и въ глубокосидящихъ глазахъ проглядывало мягкое, ласковое выраженіе задумчивости, почти даже мечтательности, придавая лицу, носившему наиболѣе благородный отпечатокъ татарской расы, живую черточку умственной жизни европейца.

Въ его манерахъ и движеніяхъ, съ которыми онъ представлялся прусскому посланнику, сказывалось столько легкости, достоинства и граціи, что и на европейскихъ тронахъ могли бы ему позавидовать.

Къ этому просоединялось извѣстное добродушіе въ выраженіи, настолько же привлекательное, насколько быстрая переменна въ лицѣ обнаруживала слѣды дикости и даже жестокости, производившихъ устрашающее впечатлѣніе.

Крымъ-Гирей находился въ цвѣтущей порѣ сорокапятилѣтняго мужчины, такъ какъ въ 1738 году, когда вслѣдствіе возмущенія племени ногайцевъ онъ былъ посаженъ на татарскій престолъ, ему было около 40 лѣтъ.

Крымъ-Гирей, вслѣдствіе той любви, которой онъ пользовался среди всѣхъ татаръ, а также по его храбрости и по взглядамъ, по которымъ онъ всегда оказывался страстнымъ ненавистникомъ Россіи, какъ будто былъ главнымъ образомъ призванъ къ тому, чтобы служить Турціи въ качествѣ могущественнаго орудія политики противъ Россіи, а также орудіемъ для утоленія постепенно разгорѣвшейся жажды приключеній, что, конечно, выяснилось въ Константинополѣ не сразу.

Манера, съ которой Крымъ-Гирей привѣтствовалъ представшаго передъ нимъ лейтенанта короля Фридриха, лишь на мгновеніе выказала все величіе татарскаго властелина, къ услугамъ котораго имѣлись всѣ средства. Но затѣмъ вскорѣ же установились тѣ добрыя, даже искреннія отношенія, которыя, повидимому, возникли сами собою вмѣстѣ съ сопровождавшей пріемъ обычной здѣсь церемоніей. Именно, послѣ совершившагося обмѣна установленныхъ привѣтствій слуги стали разносить кофе и трубки, и такимъ способомъ устанавливалось начало дѣловыхъ переговоровъ. Фонъ-деръ-Гольцъ, не имѣвшій до

сихъ поръ привычки курить, тѣмъ не менѣе не могъ отказаться теперь отъ предложенной ему слугой длинной трубки.

Въ это время ханъ, находившійся въ кругу своихъ высшихъ сановниковъ и придворныхъ, уже поднесъ къ своимъ губамъ трубку и съ видимымъ наслажденіемъ выпускалъ клубы душистаго дыма, не спуская въ то же время пронизательнаго взгляда съ Гольца. Его визирь Хаджи-Мехмедъ-ага, пользовавшійся славою выдающагося государственнаго мужа и политика, курилъ подлѣ своего повелителя съ почтительнымъ усердіемъ и неподражаемымъ достоинствомъ, также какъ и важный тайный совѣтникъ хана, Абдулла-эфенди, повидимому, исполнительный органъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ Крыма.

Послѣ того, какъ былъ выпитъ кофе, Гольцу было передано черезъ брадобрея Мустафу желаніе хана услышать подробное изложеніе просьбы Гольца, что онъ тотчасъ же и выполнилъ по условленному плану съ возможными подробностями, не касаясь политики.

Ханъ выслушалъ его, выразилъ свое согласіе наклоненіемъ головы и далъ знакъ своему тайному совѣтнику Абдуллѣ-эфенди, повидимому обозначавшій, что къ заготовленію фирмана на закупку лошадей въ Татаріи препятствій не встрѣчается.

Послѣ этого Крымъ-Гирей, сопровождая рѣчь той улыбкой, которая имѣла свойство однихъ ободрять, другихъ же смущать, обратился къ русскому послу съ вопросомъ: «Какъ чувствуетъ себя великій прусскій король? Я принадлежу къ числу его почитателей и, въ то же время, завидую ему, не только за его храбрость, но и за игру на флейтѣ. Какъ часто я желалъ бы владѣть этимъ искусствомъ, если бы мнѣ позволяло достоинство властителя Крыма и моихъ татаръ! Во снѣ мнѣ часто мерещится, будто я слышу нѣжный звукъ флейты вашего великаго Фридриха, о которой такъ много говорилъ весь міръ, и каждый разъ думаю: жители запада должны быть счастливы, если короли имѣютъ возможность управлять съ помощью флейты! Я и здѣсь хотѣлъ бы устроить хорошее государство, и на этотъ счетъ у меня свои особыя мнѣнія. Между княземъ и его народами долженъ бы

существовать особый дружественный договоръ, по которому король игралъ бы только первую флейту, а всѣ остальные слѣдовали бы за его игрой, только исключительно потому, что они этого хотятъ, и потому, что любятъ слушать его игру. Хану слѣдовало бы и тогда сохранить власть, а въ случаѣ надобности перевернуть флейту другимъ концомъ и въ отношеніи своихъ подданныхъ воспользоваться ею въ качествѣ дубинки, если положеніе не мѣняется, и они упорно не хотятъ исполнять ту мелодію, которую насвистываетъ имъ ханъ. Среди французовъ, какъ дошли до меня слухи, явились нѣкоторые мужи, которые въ своихъ книгахъ преподавали такого рода мудрость управленія государствомъ, и среди этихъ господъ есть нѣкій Монте-скье, объ идеяхъ котораго я на-дняхъ узналъ отъ одного путешественника, и кое-что изъ нихъ вполнѣ совпадаетъ съ моими собственными представленіями, что я именно и хотѣлъ бы ввести у себя, если бы только могъ решиться выступить передъ моими татарами съ флейтой наготовѣ!»

При этихъ словахъ Крымъ-Гирей расхохотался отъ всей души и, повидимому, съ любопытствомъ ожидалъ возраженія со стороны лейтенанта, которому эта со страстью высказанная ханомъ рѣчь была въ точности передана переводчикомъ.

Гольцъ выслушалъ ее съ величайшимъ удивленіемъ. Онъ находилъ, что молва ничуть не преувеличивала, изображая Крымъ-Гирея не только въ видѣ храбраго татарскаго воина, но и въ видѣ своеобразнаго и любознательнаго человѣка, который до нѣкоторыхъ вещей доходилъ исключительно своимъ умомъ и собственными силами старался постигнуть и привить въ своемъ обиходѣ идеи и устройство, возникавшіи на западѣ.

[...]

Ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ.

На обратномъ пути Гольцу представился случай еще разъ пройти часть необъятнаго ханскаго дворца и съ удивленіемъ остановиться въ тѣхъ мѣстахъ, мимо которыхъ онъ ранѣе прошелъ.

Въ глубинѣ аванзалы, черезъ которую они проходили теперь, его вниманіе привлекло двое дверей, изъ коихъ одна, какъ сказалъ ему проводникъ, вела въ небольшую мечеть, между тѣмъ какъ другая открывала доступъ въ диванъ правосудія, который Мустафа-ага предложилъ осмотрѣть мимоходомъ.

Гольцъ заглянулъ въ длинную, роскошно отдѣланную залу, высокій плафонъ которой былъ расписанъ всякаго рода фигурами и группами въ яркихъ краскахъ и чудныхъ композиціяхъ, между тѣмъ какъ стѣны сверкали золотыми изображеніями и украшеніями разнообразнѣйшихъ видовъ.

Дневной свѣтъ проникалъ черезъ расписныя пестрыя стекла оконъ, расположенныхъ лишь по одной изъ стѣнъ въ два ряда.

Надъ главнымъ входомъ, противъ украшеннаго съ непомѣрной расточительностью балдахина, вниманіе Гольца привлекла своимъ таинственнымъ видомъ небольшая обнесенная рѣшеткою ложа. Отъ брадобрея, превосходно исполнявшаго роль гида, Гольцъ узналъ, что ханъ имѣетъ привычку проникать въ эту ложу тайнымъ ходомъ, когда онъ желаетъ, въ качествѣ невидимаго свидѣтеля, присутствовать при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ его судьями. Со своей хитрой улыбкой Мустафа-ага замѣтилъ, что такимъ способомъ лучше и безпристрастнѣе совершается судъ, потому что судьи всегда находятся въ невѣдѣніи относительно того, присутствуетъ ли ихъ повелитель, между тѣмъ какъ онъ входитъ незамѣченнымъ черезъ маленькую пробитую въ стѣнѣ дверь на скрытую лѣстницу, ведущую къ трибунѣ.

Брадобрей, сегодня оказавшійся въ особенно болтливомъ настроеніи, въ перемежку съ различными штуками рассказалъ ему также, что съ этой трибуны, въ тѣхъ случаяхъ, когда по ходу дѣла требовалось, выступали и женщины. По извѣстнымъ днямъ и обитательницы гарема получали приглашеніе появляться здѣсь, чтобы видѣть постороннихъ, оставаясь невидимы сами.

Все это говоритъ въ пользу либеральныхъ принциповъ нашего хана, – замѣтилъ Мустафа-ага, – но необходимо прибавить, что для сопровожденія этихъ очаровательныхъ дамъ назначается молодой человѣкъ, на котораго возлагается обязан-

ность даже слѣдить за направленіемъ ихъ жгучихъ взглядовъ. Если окажется, что которая-либо изъ нихъ слишкомъ нѣжно и настойчиво посматриваетъ на какого-нибудь мужчину въ залѣ, то ихъ юный кавалеръ, голосъ и отсутствіе растительности на лицѣ котораго достаточно обнаруживаютъ его физическое состояніе, издаетъ рѣзкій звукъ, и все его послушное стадо обязано сняться съ мѣста съ быстротою молніи; смѣясь, переругиваясь и вздыхая, удаляются мелкими шажками эти обольстительныя красавицы и ихъ странный кавалеръ позади нихъ, обязанный доставить ихъ въ сохранности къ воротамъ гарема.

При этомъ маленькомъ разказѣ Мустафа, повидимому, самъ испытывалъ такое удовольствіе, что громко и долго хохоталъ.

Не могло обойтись безъ того, чтобы прусскій лейтенантъ не пустился въ дальнѣйшіе разспросы относительно внутренняго и внѣшняго устройства гарема при ханскомъ дворцѣ, но брадобрей, многозначительно передернувъ плечами, приложилъ палецъ къ губамъ и, когда оба вышли во дворъ, указалъ на маленькую, еле замѣтную вдаль дверь, которая, по словамъ Мустафы, при посредствѣ длиннаго корридора, соединяющаго дворецъ съ гаремомъ, вела въ эту, орошаемую свѣжими источниками, «долину розъ».

Брадобрей оставилъ подѣ сомнѣніемъ, происходитъ ли это названіе, присвоенное здѣсь гарему, отъ населяющихъ его красавицъ, или отъ избытка и прелести растеній, по словамъ Мустафы, составляющихъ истинный рай, упоительная тишина котораго нарушается лишь пѣніемъ соловья и журчаніемъ фонтановъ.

При этомъ краткомъ разказѣ о красотахъ гарема брадобрей понизилъ свой голосъ до такой степени, что Гольцу становилось смѣшно.

Проходя черезъ другіе дворы дворца, они вездѣ встрѣчали многочисленные фонтаны, выбрасывающіе свѣжую струю воды, собранную съ окрестныхъ горъ. Наконецъ они достигли двора, на которомъ обыкновенно происходили военныя игры и упражненія и на краю котораго стояла высокая башня съ

террасою, обнесенной рѣшеткой; съ этой террасы жены хана могли видѣть представленія, даваемые ханскими тѣлохранителями, а иногда и находящимися на его службѣ комедіантами и скоморохами.

Проводникъ предложилъ Гольцу подняться на эту башню, съ высоты которой представлялись удивительныя картины окруженнаго стѣнами дворца съ разбросанными на подобіе лабиринта садами, постройками и дворами.

Внѣ этой чудной панорамы Гольцъ увидѣлъ расположенный въ видѣ амфитеатра по живописной цѣпи горъ самый городъ Бахчисарай. Передъ зрителемъ развернулась картина, какъ бы по волшебству оживленная движениемъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и вызывающая веселое, возбуждающее настроеніе.

Отсюда брадобрей, стараясь показать своему пріятелю по возможности все, повелъ его къ другой сторонѣ дворца, гдѣ позади мечети, въ которой какъ разъ въ то время нѣсколько дервишей меланхолическимъ пѣніемъ стиховъ объявляли наступленіе часа молитвы, возвышалось кладбище, предназначенное для семейства властителя Крыма. Здѣсь Гольцъ вступилъ совершенно неожиданно въ украшенное куртинами пространство, наполненное благоуханіемъ и освѣжающимъ дыханіемъ журчащаго водопада, гдѣ не могли возникнуть картины смерти, а возвышались лишь великолѣбные и мирные памятники исчезнувшихъ родовъ.

Два большихъ восьмиугольных мавзолея, накрытые высокими желѣзными куполами, представляли собою усыпальницы древней фамиліи Гиреевъ.

Эта семья, происходившая отъ монгольскаго принца Хаджи-Гирея, ведущаго свой родъ отъ Чингисъ-Хана, относила своихъ славныхъ предковъ къ глубокой древности, и уже въ тѣ отдаленныя времена исторія Тавриды носила отпечатокъ жестокихъ боевъ и непримиримой вражды противъ Россіи.

Множество принцевъ и принцессъ этого дома находились здѣсь въ высокихъ каменныхъ саркофагахъ или деревянныхъ гробахъ, покрытыхъ зелеными или черными пеленами. На гробницы мужчинъ было положено по шерстяному тюбану, между

тѣмъ какъ на гробницахъ женщинъ отсутствовали какія бы то ни было украшенія.

Внѣ обоихъ мавзолеевъ, на пространствѣ всего кладбища и среди кустовъ, было разсѣяно еще множество могилъ, относившихся къ различнымъ вѣкамъ, при чемъ древность этихъ памятниковъ сказывалась частью въ характерѣ скульптуры, частью же въ дѣйствіяхъ на нее времени. Одинокія мраморныя плиты съ вывѣтрившимися на нихъ надписями, повидимому, лежали отдѣльно отъ могилъ тѣхъ умершихъ, имена которыхъ были на нихъ начертаны и дѣянія которыхъ они прославляли. Другіе же памятники, завѣшанные коврами и кашемиромъ и освѣщаемыя спокойнымъ свѣтомъ неугасимыхъ лампадъ, указывали на ту заботливость, съ которой за ними ухаживали, и на тѣ великія историческія имена, которыя были начертаны въ золотыхъ надписяхъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ татарскихъ надписей Мустафа-ага прочелъ съ неподдѣльнымъ религіознымъ благоговѣніемъ и торжественностью и перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ, сопровождая историческими справками, изъ которыхъ было видно, что брадобрей былъ знакомъ съ исторіей своей родины. Не менѣе удачными свѣдѣніями подѣлился онъ и изъ области сентиментальнаго, когда они проходили мимо могилы, скрывавшей останки нѣкогда прекрасной грузинки, извѣстной по своей красотѣ, жены Арсланъ-Гирея, не особенно счастливаго брата Крымъ-Гирея.

Мустафа-ага, на глазахъ котораго сверкнули слезы, указывающія на личныя живыя воспоминанія, опустился у этой могилы и поцѣловалъ благоухающій фіолетовый ирисъ, распустившійся здѣсь въ спокойной весенней красотѣ.

На обратномъ пути черезъ дворы его проводникъ держалъ себя гораздо спокойнѣе и серьезнѣе, и только тогда, когда оба они сѣли на своихъ коней, ожидавшихъ ихъ на первомъ дворѣ, веселое настроеніе вернулось къ брадобрею, который считалъ своей обязанностью проводить своего друга тѣмъ же торжественнымъ порядкомъ обратно черезъ городъ.

ДВОРЕЦЪ
КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ
ВЪ
БАХЧИСАРАѢ.

Ф. Домбровскаго.

СПИСКЪ РОСЦОВЪ.
1863.

Франц Мартынович Домбровский

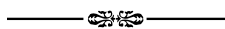
1820–1866

Франц Мартынович Домбровский – российский историк, этнограф, статистик и публицист. В 1845 г. по окончании Восточного отделения Ришельевского лицея в Одессе Ф. Домбровский прибыл в Симферополь и поступил на службу секретарем Таврического статистического комитета, а затем и переводчиком восточных языков при Таврическом гражданском губернаторе.

Франц Домбровский принимал активное участие в общественной жизни полуострова, занимался публицистикой. Долгое время он был редактором «Неофициальной части» «Таврических губернских ведомостей», в которых публиковалось большое количество краеведческих материалов.

Домбровский подробно изучал и описывал обычаи и народные особенности традиционной культуры старожильческих народов полуострова. Знание крымскотатарского языка способствовало глубокому проникновению в особенности уклада жизни и быта местного населения.

ДВОРЕЦЪ КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ ВЪ БАХЧИСАРАѢ

Крымъ ежегодно привлекаетъ множество посѣтителей-путешественниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, особенно въ лѣтнее время. Главные пункты, куда обыкновенно спѣшати всѣ пріезжіе – это Южный берегъ Крыма, Севастополь, и Бахчисарай или, правильнѣе – Багчесарай. Южный берегъ привлекаетъ всякаго полюбоватьсѣ дивными красотами природы и самой роскошной растительности; Севастополь, гдѣ каждый клочекъ земли обагрень и нашею и вражескою кровью, – взглянуть на болѣе, чѣмъ живые, слѣды безпримѣрной въ исторіи защиты этого города и благоговѣнно поклониться могиламъ его защитниковъ; Бахчисарай – полюбоватьсѣ дворцомъ нѣкогда грозныхъ властителей Крыма и присмотрѣтьсѣ ближе къ мусульманской жизни, не за морями, но, такъ сказать, у себя дома.

Приступая къ описанію этого замѣчательнаго памятника владычества потомковъ Джингизъ-Хана, знаменитыхъ Гераевъ, въ Крыму, не неумѣстныхъ считаемъ бросить хотя бѣглый взглядъ на прошедшее самага Бахчисарая. Правда, какъ объ этомъ городѣ, такъ въ особенности о дворцѣ бывшихъ властителей Крыма, писано много. Къ сожалѣнію, не многія изъ этихъ писаній чужды ошибокъ, невѣрностей, нерѣдко очень грубыхъ, непростительныхъ. Авторы-туристы наиболѣе впрочемъ грѣшили, когда касались многочисленныхъ, какъ въ самомъ дворцѣ, такъ въ особенности на ханскомъ кладбищѣ уцѣлевшихъ арабскихъ и турецкихъ надписей, передавая послѣднія въ переводахъ невѣрныхъ, съ извращеніемъ смысла, – что иногда вводило въ заблужденіе не однихъ легковѣрныхъ, но и серьезныхъ наслѣдователей старины.

Бахчисарай, или Багчесарай, столица бывшего Крымского Ханства, остатка той самой орды, которой желѣзная рука два съ половиною вѣка тяготѣла надъ нашимъ отечествомъ, нынѣ заштатный городъ Симферопольскаго уѣзда, находится въ разстояніи отъ губернскаго города Симферополя въ 30-и, а отъ военнаго портоваго Севастополя, по почтовой дорогѣ, чрезъ Черную рѣчку, – въ 42 верстахъ. Названіе его происходитъ отъ двухъ турецкихъ словъ *багчѣ* – «садъ» и «*серай*» – «дворецъ», – т. е. «садовый дворецъ».

Бахчисарай расположенъ въ глубокомъ ущельи, имѣющемъ въ длину около 5-и верстъ, на рѣчкѣ Чурукъ-су (гнилая вода). Это ущелье обставлено громадными, странной, фантастической формы, скалами, имѣя только въ двухъ мѣстахъ около версты въ ширину, именно: при въѣздѣ въ городъ отъ предмѣстья «Азизъ» и «Эски-юртъ» (гдѣ почтовая станція), и въ центрѣ, гдѣ построены ханскій дворецъ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ до того суживается, что имѣетъ въ ширину отъ 150 до 200 сажень. Полудикій характеръ потомковъ Джингиза, по-видимому, и не могъ набрать лучшаго, болѣе уединеннаго мѣста для столицы. Проѣзжая изъ Симферополя въ Севастополь или обратно, можно проѣхать мимо Бахчисарая и не замѣтить его: онъ скрывается въ глубь ущелья.

I. Ханъ-Серай или ханский дворецъ.

Построеніе дворца на мѣстѣ нынѣ существующаго, послѣ окончательнаго избранія Бахчисарая столицею, произошло при первыхъ наслѣдникахъ, или преемникахъ Менгли-Герая I, именно: между 1513 и 1515 годомъ по Р. Х. Это предположеніе мы основываемъ на томъ, что на ханскомъ (дворцовомъ) кладбищѣ мы не нашли памятника, котораго-бы древность простиралась далѣе 957 – 959 года Мусульманскаго лѣтосчисленія (геджры). Въ дворцовыхъ зданіяхъ, въ ближайшемъ въпрочемъ, отъ нихъ разстояніи, находятся, называемыя «ханскими», бани, которыя входили прежде, по словамъ старожиловъ, въ составъ дворцовыхъ зданій, но нынѣ составляютъ частную собственность. Надъ вхо-

домъ въ мужѣское отдѣленіе этихъ бань прекрасно сохранилась слѣдующая надпись: «эта баня построена по повелѣнію султана Адиль-Сахибъ-Герая, сына Менгли-Герая, въ 939 году.» (около 1513 – 15 года по Р. Х.).

О построеніи дворца существуетъ слѣдующее, заслуживающее вниманія, преданіе, о которомъ отчасти было упомянуто въ началѣ этого очерка.

Ханскій дворецъ, послѣ кратковременнаго пребыванія Хановъ въ *Эски-Крымъ* (Генуэзскій *Солкатъ* или *Солгатъ*, нынѣ зашт. гор. Феодосійскаго уѣзда «Старый Крымъ»), первоначально былъ построенъ въ дер. Улаклы (въ 6 верстахъ къ Ю. В. отъ Бахчисарая), гдѣ было собственно зимнее пребываніе хановъ; лѣтній-же дворецъ находился въ Салачикѣ, называемомъ также Текіе или Теке́. Живя въ этомъ послѣднемъ, ханы любили заниматься охотой и ѣздили охотиться на мѣсто нынѣ существующаго дворца, избыловавшее разнаго рода дичиной и водой. Такимъ образомъ первоначально Салачикъ былъ какъ-бы городомъ, а мѣсто нынѣшняго города и дворца – пустыремъ и выгономъ. Тоже преданіе утверждаетъ, что началомъ построенія здѣсь дворца было построеніе мечети; быть можетъ, на мѣстѣ нынѣ существующей «ханъ-джами», о которой подробно будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Кто именно изъ хановъ началъ строить эту мечеть, – неизвѣстно. Изъ уцѣлѣвшей надъ главнымъ входомъ въ нее надписи, относящейся къ 1153 году геджры (1740 – 41 г. по Р. Х.), видно, что она построена, или правильнѣе, по смыслу надписи, достроена при Селяметъ-Герай ханѣ. Слѣдовательно, это уже не первоначально построенная здѣсь мечеть, а зданіе новѣйшее, древность котораго, впрочемъ, относительно-замѣчательна, принадлежа первой половинѣ прошедшаго столѣтія.

Нынѣ существующій дворецъ не есть зданіе, построенное однимъ ханомъ и поддержанное, въ послѣдствіи времени, другими, болѣе или менѣе въ томъ-же видѣ. Напротивъ, съ каждымъ новымъ властителемъ Крыма, которые, какъ извѣстно, перемѣнялись очень часто, дворецъ терпѣлъ передѣлки и въ

настоящее время это зданіе представляется составленнымъ изъ множества теремовъ, какъ-бы наскоро пристроенныхъ одинъ къ другому. Въ цѣломъ, возвышаясь надъ всѣми городскими постройками и мечетями, онъ представляетъ оригинальную, прекрасную картину и рѣдкій художникъ, посѣтившій Бахчисарай, не украшалъ свой альбомъ рисункомъ этого дворца.

Древность дворцовыхъ зданій, какъ упомянуто выше, не восходитъ далѣе 1740 – 41 года, даже и того менѣе; потому, что въ 1736 году, какъ видно изъ «Записокъ» *Маништейна*, Бахчисарай и дворецъ хановъ были сожжены Минихомъ, при которомъ этотъ генераль состоялъ адъютантомъ и былъ очевидцемъ пожара. Взятіе и сожженіе Бахчисарая и дворца случилось при Капланъ-Герай ханѣ. По этому нынѣ существующія дворцовыя зданія возобновленіемъ своимъ обязаны послѣдующимъ ханамъ, преимущественно *Селяметъ Гераю* и *Крымъ-Гераю*, чему служатъ доказательствомъ надписи, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ. Далѣе, нельзя не предположить, чтобы послѣдній властитель Крыма, *Шагинъ-Герай-Ханъ*, у котораго страсть ко всему европейскому доходила до смѣшнаго, – что и было причиной ненависти къ нему Крымско-Татарскаго населенія, – не передѣлывалъ, по своему вкусу, дворца, хотя этотъ ханъ имѣлъ намѣреніе перенести столицу изъ Бахчисарая въ *Кафу* (по тат. *Кефѣ*, ныне Феодосію) и уже заложилъ было, въ верстѣ отъ этого послѣдняго города, ханъ-серай или дворецъ. Наконецъ послѣднія (капитальныя) передѣлки дворцовыхъ зданій, съ возможнымъ сохраненіемъ прежняго характера построекъ, какъ внутри, так и извнѣ, произведены были передъ пріездомъ въ Крымъ Императрицы Екатерины II, въ 1787 году, т. е. спустя около 4-хъ лѣтъ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи.

Послѣдній ханъ, какъ утверждаютъ старожилы, оставляя Крымъ, вывезъ изъ дворца все, что было въ немъ лучшаго, цѣннаго, какъ-то: дорогія украшенія, матеріи, золотыя и серебрянныя вещи и т. п.; такъ-что къ пріѣзду Императрицы Екатерины нужно было убирать дворецъ вновь, притомъ, по

приказанію «великолѣпнаго» князя Тавриды, въ прежнемъ восточномъ вкусѣ. Всѣ вещи тогда-же выписаны были изъ Константинополя. Приготовленіе дворца къ пріѣзду Императрицы возложено было на извѣстнаго основателя Одессы, Маіора (въ послѣдствіи Адмирала) *Іосифа Де-Рибаса*. Дворецъ былъ убранъ, какъ утверждаютъ, съ прежнею азіатскою роскошью, конечно, подъ руководствомъ очевидцевъ прежняго его состоянія; но немогъ не потерпѣть нѣкоторыхъ, признанныхъ необходимыми, измѣненій и передѣлокъ внутри. Между прочимъ, изъ двухъ комнатъ, находившихся между «золотою» (кабинетомъ Крымъ-Герая) и тѣми, которымъ присвоено названіе «комнатъ Маріи», устроена была спальня Императрицы, гдѣ доселѣ сохраняется ложе, на которомъ почивала великая путешественница, во время двухдневнаго пребыванія въ Бахчисараѣ въ 1787 году. О другихъ передѣлкахъ, о которыхъ старались мы собрать возможно-достоверныя свѣденія, будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

Описанію дворца не мы первые посвящаемъ время и трудъ. Рѣдкій путешественникъ, побывавъ въ Крыму, посѣтивъ бывшую столицу хановъ, не зайдетъ въ ханъ-серай, не побродитъ по его многочисленнымъ теремамъ, не задумается подлѣ вѣчно ропщущихъ его фонтановъ, наконецъ не почтитъ своимъ вниманіемъ ханскаго кладбища, на которомъ покоится прахъ шестнадцати царствовавшихъ хановъ и многихъ родственниковъ ихъ, потомковъ Джингиза, знаменитыхъ Гераевъ.¹ Лѣтъ десять тому назадъ, обыкновеннымъ чичероне по комнатамъ дворца для всѣхъ и cadaго служилъ старый инвалидъ, а по ханскому кладбищу, – татаринъ духовнаго званія. Эти два лица служили и очень долго служили постоянными истолкователями темной исторіи этого остатка владычества Гераевъ, истолкователи, правда, не надежные: эфендій плоховато разбиралъ надписи, красующіяся на памятникахъ ханскаго кладбища и, сопровождая по немъ путешественниковъ, не знакомыхъ съ

¹ Мы читаемъ и пишемъ, слѣдуя буквально надписямъ: вездѣ написано Герай, а не Гирей.

восточными языками, переводилъ для послѣднихъ иную надпись и переводъ такой нередко являлся въ печати, переводъ болѣе, чѣмъ *вольный*... Что-же касается инвалида, рассказывавшаго любопытнымъ исторію каждой комнаты, притомъ съ замѣчательными подробностями; то онъ, кажется, повторяя всѣмъ и каждому рассказъ о «Маріи Потоцкой,» будто-бы похищенной Крымъ-Гераемъ, былъ главнымъ виновникомъ тому, что рассказу этому стали вѣрить, какъ истинѣ непреложной. Старикъ инвалидъ былъ полякъ и обращенъ въ число дворцовыхъ служителей изъ бывшихъ польскихъ войскъ, по неспособности къ строевой или другого рода службѣ; постоянно рассказывая всѣмъ одно и тоже, онъ, такъ сказать, сперва самъ увѣровалъ въ истину своихъ словъ, а потомъ мало по малу стали вѣрить его расказу и другіе. Относительно языка и смысла надписей, особенно сохранившихся на ханскомъ кладбищѣ, внесли ошибки въ свои сочиненія о Крымѣ даже лучшіе наши путешественники. Такъ покойный П. И. Свиньинъ, говоря объ этихъ надписяхъ, замѣтилъ, что всѣ онѣ писаны на арабскомъ языкѣ и взяты изъ Корана.² Свиньинъ ссылается въ этомъ случаѣ на слова муллы-чичероне. Между тѣмъ всѣ эти надписи, за исключеніемъ двухъ, именно: надъ желѣзною дверью при входѣ во дворецъ («демиръ капу») и надъ «золотымъ» фонтаномъ (Магзубъ), писаны на книжномъ (литературномъ) языкѣ османовъ, который, какъ извѣстно всякому, сколько-нибудь знающему восточные языки, заключаетъ въ себѣ множество арабскихъ и персидскихъ словъ и это составляетъ особенность литературнаго турецкаго языка и отличіе его отъ обыкновеннаго разговорнаго. Турецкіе беллетристы иногда до такой степени, чтобы пощеголять своею ученостью, пестрятъ свои сочиненія словами, арабскими и персидскимъ, что въ иной фразѣ лучшій оріенталистъ не доищется смысла. Правда, почти каждая надгробная надпись или эпитафія, по обычаю, начинается коротенькою арабской фразой: «онъ (Богъ),

² «Картины Россіи» и проч. стр. 282.

Творецъ, вѣченъ;» или «онъ (Богъ) всегда живъ, вѣченъ»; но только на гробницѣ (тюрбѣ) Селимъ-Герая встрѣтили мы арабское изрѣченіе, цѣликомъ взятое изъ Алкорана. Какъ-бы то ни было, нельзя не пожалѣть о прежнихъ чичероне по дворцу и кладбищу: оба уже скончались. Заступившій мѣсто старика-Эфендія, сынъ его, молодой человѣкъ, плохо разбираетъ даже имена хановъ и султановъ дома Гераевъ, покоящихся на дворцовомъ кладбищѣ. Въ предлагаемомъ обзорѣни постараемся избѣгнуть ошибокъ и противорѣчій, не только встрѣченныхъ нами въ разныхъ статьяхъ и «путевыхъ впечатлѣніяхъ» предшественниковъ нашихъ, писавшихъ о дворцѣ Крымскихъ хановъ; но и нами сдѣланныхъ при описаніи этого памятника въ 1848 году.³

Дворецъ хановъ, какъ замѣчено было выше, построенъ въ центрѣ города, надъ самой рѣчкой Чюрукъ-Су, черезъ которую перекинута къ дворцовымъ зданіямъ два каменные моста. Первый изъ нихъ ведетъ прямо въ дворецъ, а второй, нѣсколько ниже перваго, вправо, къ бывшимъ ханскимъ кухнямъ. Берега рѣчки, вдоль дворцовыхъ зданій, выложены дикимъ камнемъ. Перейдя первый мостъ, вступаете на обширный дворъ серая. Дворъ этотъ, если провести линію вдоль всѣхъ дворцовыхъ зданій, составляетъ почти правильный паралеллограмъ. На противоположной сторонѣ дворца, возлѣ сада, идущаго террасами, красуется фонтанъ, построенный въ воспоминаніе посѣщенія дворца Императоромъ Александромъ Благословеннымъ въ 1818 году. Ханскіе покои или теремы расположены на право отъ входа; но первая отъ воротъ комнаты, которыхъ, до послѣднихъ, въ 1861 году, небольшихъ передѣлокъ, было семь, а теперь восемь; назначены были для придворныхъ или *капы-халковъ* и *мутараджи-баши* (постельничихъ), а также для иноземныхъ пословъ и гонцовъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, были посылаемы въ Крым отъ русскихъ великихъ князей и царей. Общепринятое названіе этого отдѣленія или флигеля – «ком-

³ «Современникъ», 1849 г., №№ 5 и 6.

наты посольскія». Въ нихъ приготовлены были покои для Государя Императора, Государыни Императрицы, Великаго Князя Сергія Александровича, и Великой Княжны Маріи Александровны, гдѣ и изволили имѣть помѣщеніе Ихъ Величества и Ихъ Высочества во время пребыванія въ Бахчисараѣ съ 23 на 24 августа 1861 года. Лѣвая сторона была занимаема: верхній этажъ, съ 1823 года отдѣланный въ европейскомъ вкусѣ, помѣщеніями капыхаловъ, нижній – аптекой и монетнымъ дворомъ. Это отдѣленіе называется «графскимъ флигелемъ», такъ-какъ въ первый разъ, послѣ отдѣлки его въ европейскомъ вкусѣ, въ немъ имѣлъ помѣщеніе графъ, въ послѣдствіи Свѣтлѣйшій Князь М. С. Воронцовъ. Въ 1837 году въ этихъ-же комнатахъ имѣлъ пребываніе Императоръ Николай I. – Далѣе идутъ – дворцовая Джума́-Джами (соборная мечеть), или Ханъ-Джами (Ханская мечеть), дворцовое кладбище; нѣсколько лѣвѣе отъ мечети и кладбища, отдѣляясь отъ дворцовыхъ зданій узкимъ переулкомъ, бывшія «ханскія бани», давно, но неизвѣстно, съ котораго именно времени, составляющія частную собственность. Рядомъ-же съ кладбищемъ, выше послѣдняго, идутъ низшія службы – сараи и конюшни. Эта сторона оканчивается довольно красивымъ теремомъ, одна сторона котораго образуетъ надъ воротами, составляющими противоположный выѣздъ изъ дворца, родъ бесѣдки, но только поменьше той, которая возвышается надъ главнымъ въѣздомъ отъ рѣчки Чюрукъ-Су. Противоположный выходъ, или выѣздъ ведетъ на небольшое кладбище, гдѣ посреди полуразрушившихся, а отчасти и совершенно разрушенныхъ надгробныхъ памятниковъ нѣкоторыхъ султановъ и другихъ членовъ Дома Гераевъ, возвышается ротонда (родъ небольшой мечети) надъ прахомъ любимой жены Крымъ-Герая, *Диллярá-Бикечъ* (мнимой «Маріи Потоцкой»).

Правая сторона, или ханскіе теремы въ собственномъ смыслѣ слова, состоитъ изъ двухъ этажей. Она раздѣляется на двѣ почти равныя части, воротами, устроенными въ видѣ арки. Справа отъ воротъ находится небольшая пристрой-

ка, въ родѣ сквозной бесѣдки, замѣчательная тѣмъ, что ханъ, едва видимый, бросалъ оттуда деньги народу, во время «зіяфетовъ» или празднествъ, происходившихъ на дворѣ. Войдя подъ ворота, ведущія на небольшой дворъ, на правой сторонѣ видите лѣстницу, по которой поднимаются въ верхній этажъ. Эта лѣстница, нынѣ обыкновенный входъ въ верхній этажъ дворца, – прежде служила параднымъ входомъ въ обширную ханскую пріемную, а съ тѣмъ вмѣстѣ и столовую комнату. Лѣвая сторона подъ воротами составлена изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, преимущественно изъ желтаго, голубаго и синяго цвѣтовъ. Нижній этажъ правой стороны, раздѣленный темнымъ узкимъ корридоромъ на двѣ половины, заключаетъ въ себѣ десять небольшихъ комнатъ, въ которыхъ помѣщалась придворная прислуга.

Пройдя подъ воротами, вдоль стеклянной стѣны, т. е. мимо ханской канцеляріи, вступаете на небольшой дворъ. Тутъ, на лѣво, двое дверей: первыя ведутъ въ бывшую ханскую канцелярію («языджи-одасы»), а вторыя, извѣстныя подъ названіемъ «желѣзныхъ» (демиръ-капы) – парадный входъ въ «фонтанную». Изъ канцеляріи, давно лишенной всякихъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ шкафовъ, на глухо придѣланныхъ къ стѣнѣ, входъ въ *диванъ*, залъ собраній, засѣданій верховнаго суда. Надъ этимъ входомъ прекрасно сохранилась слѣдующая короткая надпись:

«Двери дивана Селяметъ-Герай-Хана 1152 года.»
(1742 г. по Р. Х.)⁴

Войдя въ диванъ, который по словамъ старожиловъ, со времени присоединенія Крыма до настоящего времени, не потерпѣлъ ни какихъ передѣлокъ или перемѣнъ, а напротивъ того, до 1854 года, т. е. до послѣдней въ Крыму войны, даже былъ убиваемъ точно также, какъ убитъ былъ при ханахъ, вы испытываете какое-то странное чувство, похожее и на страхъ, смѣ-

⁴ Намъ кажется, что надпись эту можно-бы такъ читать: «двери дивана, сооруженныя Селяметъ-Герай-Ханомъ и проч.»: но это будетъ не буквальный переводъ.

шанный съ чувствомъ сажалѣнія, и на чувство необъяснимой грусти. Направо (отъ входа изъ фонтанной) стояло кресло, въ родѣ трона, драпированное тонкимъ оранжевымъ сукномъ съ вышитымъ, на внутренней спинкѣ, золотымъ полумѣсяцемъ. По-обѣимъ сторонамъ, полукругомъ, стояли кресла поменьше, или, правильнѣе табуреты, убранные также, какъ и первое, ханское сѣдалище, а вдоль стѣнъ довольно роскошные диваны, убранные такимъ-же сукномъ. Диванъ, или какъ его называютъ Бахчисарайцы, «зала судилища», есть самая обширная комната въ всемъ дворцовомъ зданіи. Шесть окошекъ, – три вверху и столько-же внизу, выходящія въ цвѣтникъ, составленныя изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, разливаютъ внутри необыкновенно-пріятный, томный свѣтъ. Изъ середины изящнаго, покрытаго позолотой, рѣзнаго потолка ниспускалась, что и нынѣ дѣлается, хрустальная люстра.

Назначеніе «дивана» извѣстно. Здѣсь собирался ханскій совѣтъ, иногда подъ предсѣдательствомъ самаго хана или ближайшихъ къ нему лицъ-Нуръ-Эддинъ Султана и Калги-Султана (наслѣдника, *de jure*, престола), принадлежавшихъ къ роду Гераевъ; изъ первенствующихъ Беевъ и Мурзъ (рода Ширинъ, Баринъ, Мансуръ и Сиджеутъ), муфти и диванъ эфенди или Статсъ-Секретаря. Здѣсь-же происходили торжественные пріемы иноземныхъ пословъ и гонцовъ. Надъ входомъ же изъ канцеляріи, вверху, вдоль стѣны, внутри дивана, подъ самымъ потолкомъ идетъ рѣшетка. Это темная или почти темная продолговатая комнатка, въ которой, ни кѣмъ невидимый, сиживаль ханъ, когда лично не присутствовалъ въ диванѣ и такимъ образомъ всегда наблюдалъ за правосудіемъ. Ханъ могъ слышать каждое слово, сказанное внизу, если-бы оно было и не совсѣмъ громко сказано, чему не мало способствовало устройство, въ акустическомъ отношеніи, самой комнаты и дивана.

Изъ дивана, особыми двумя ходами, можно вытти въ цвѣтникъ и въ фонтанную, но лучше начать обзорѣніе дворца чрезъ главный входъ или «демиръ-капы». Навѣсь надъ этой дверью,

нѣкогда, въ своемъ родѣ, великолѣпною, поддерживаемый двумя столбами, такъ массивенъ, что заставляетъ удивляться прочности, съ какою произведена эта постройка, простоявшая уже нѣсколько столѣтій. Узоры и позолота, которыми былъ покрытъ фронтонъ, уцѣлѣли въ бѣдныхъ остаткахъ, двуглавый орелъ, который помѣщенъ былъ надъ дверьми и о которомъ упоминаетъ *Муравьевъ-Апостолъ*, путешествовавшій по Крыму въ 1820 году,⁵ нынѣ помѣщается передъ въѣздомъ въ дворецъ, на небольшой колоннѣ, на которой означено время пребыванія въ ханъ-сераѣ Императрицы Екатерины II, мѣсто же двуглаваго орла надъ дверью занимаетъ двурогая луна. Надъ этой дверью сохранилась слѣдующая, на арабскомъ языкѣ, надпись:

«Владѣтель этого дворца и повелитель сей страны султанъ всемилостивый, Менгли-Герай-Ханъ сынъ Хаджи-Герай-Хана, да помилуетъ Богъ его и семейство его въ обоихъ мѣрахъ (т. е. въ сей и въ будущей жизни).»⁶

Нѣсколько ниже надъ самыми дверьми:

«Этотъ великолѣпный входъ и эти величественныя двери сооружены по повѣленію султана двухъ материковъ и Хакана (властителя) двухъ морей, султана, сына султана, Менгли-Герай-Хана, сына Хаджи Герай-Хана 959 года (1503 г. по Р. Х.).»

Желѣзная дверь, надъ которою существуетъ сейчасъ приведенная надпись, по словамъ старожиловъ, есть замѣчательный и поэтому драгоцѣнный остатокъ дворца, существовавшего въ Салачикѣ или Текіе, о которомъ было упомянуто выше. Кѣмъ изъ хановъ она перенесена въ нынѣ существующій дворецъ, неизвѣстно; но слова старожиловъ совершенно справедливы. Начало построения дворца, на мѣсте нынѣ существующаго, принадлежитъ не Менгли-Гераю I, другу, правда, не всегда искреннему, какъ нами было уже замѣчено, Велика-

⁵ «Путешествіе по Тавридѣ» и проч. Муравьева-Апостола. Спб. 1823 г. стр. 108–109.

⁶ В срединѣ надписи, въ особомъ кружкѣ, находится родовой знакъ Крымскихъ хановъ.

го Князя Ивана Васильевича III. Если бы Менгли-Герай-Ханъ былъ строителемъ дворца на мѣстѣ нынѣ существующаго, то прахъ его навѣрно былъ-бы погребенъ на дворцовомъ кладбищѣ, гдѣ столько покоится и царствовавшихъ хановъ и членовъ фамиліи Гераевъ, а не въ Салачикѣ, – глухом прѣдмѣстѣ Бахчисарая.

Чрезъ желѣзную дверь – парадный входъ въ «фонтанную» комнату, получившую свое названіе отъ находящихся въ ней двухъ фонтановъ, – третій фонтанъ въ проходной, изъ фонтанной въ цвѣтникѣ, комнатѣ, называемой «русскою Альгамброй», а четвертый фонтанъ въ цвѣтникѣ. Вода послѣдняго изъ нихъ стекаетъ въ обширный бассейнъ. О немъ будетъ сказано послѣ. Самый замѣчательный фонтанъ первый, налѣво отъ параднаго входа, замѣчательный по сохранившейся на немъ, вверху, прекрасной надписи. Его называютъ обыкновенно «фонтаномъ Маріи Потоцкой,» и «фонтаномъ слез» и, по преимуществу, «Бахчисарайскимъ фонтаномъ,» по извѣстной поэмѣ Пушкина, поясняя названія эти странными, неправдоподобными и даже нелѣпыми разсказами. Дѣйствительное-же названіе его – «Сельсебійль» – по имени одного изъ райскихъ источниковъ, изъ котораго, по мнѣнію Мухаммеданъ, будутъ пить воду души блаженныхъ «Шегидовъ» (павшихъ въ сраженіи за вѣру). Надпись надъ этимъ фонтаномъ гласитъ слѣдующее:

«Слава Всевышнему, лице Бахчисарая опять улыбнулось; милость великаго Крымъ-Герая славно устроила! Неусыпными его стараніями вода напоила эту страну; а при помощи Божіей онъ успѣлъ-бы сдѣлать еще и больше. Онъ тонкостію ума нашелъ воду, и устроилъ прекрасный фонтанъ. Если кто хочетъ (повѣрить), – пусть придетъ. Мы сами видѣли сирію (Шамъ), Богдадъ. О, Шейхи! кто будетъ утолять жажду, (тому) пускай самый кранъ языкомъ своимъ скажетъ хронограмму: приди! пей воду чистѣйшую, она приноситъ исцѣленіе.»

Хронограма, по переложеніи буквъ на цифры, даетъ 1176 г. Магометанской эры, или 1756 г. по Р. Х.

Ниже, на томъ-же фонтанѣ:

«(Там, въ райскомъ, саду праведные будутъ пить воду), изъ источника, называемаго Сельсебійль.»⁷

Фонтанъ «Сельсебійль», о которомъ, какъ упомянуто выше, со времени выхода въ свѣтъ (въ 1827 г.) поэмы Пушкина «Бахчисарайскій фонтанъ», существуетъ множество странныхъ разсказовъ, заставляетъ насъ войти въ нѣкоторыя, необходимѣйшія, подробности.

Не многимъ извѣстно, что приведенная, почти въ буквальномъ переводѣ, надпись, относится не къ тому фонтану, которому въ настоящее время служить украшеніемъ, фонтану очень незавидному. Крымъ-Герай-Ханъ, построивъ небольшую мечеть надъ прахомъ любимой жены, рано похищенной смертью, грузинки *Дилляра-Бикечъ*, вовсе не «Маріи Потоцкой», и даже, въ чемъ увѣрились мы въ послѣдствіи, не христіанки, а мусульманки, соорудилъ возлѣ этой мечети великолѣпный фонтанъ, въ который проведена была вода нѣсколькихъ горныхъ ключей. Фонтанъ, по словамъ современниковъ, о чемъ существуетъ преданіе, дѣйствительно былъ великолѣпенъ и достоинъ украшавшей его надписи. Слова: «и его (Крымъ-Герая) стараніями вода напоила эту страну» – прямо указываютъ на то, что фонтанъ находился не внутри, а внѣ дворца и водою изъ него съ избыткомъ всѣ пользовались, тогда какъ дворецъ не могъ-быть доступенъ для всѣхъ и cadaго. Между тѣмъ, по присоединеніи Крыма къ Россіи, этотъ фонтанъ, вѣроятно лишанный должнаго присмотра и поддержки, сталъ разрушаться, отчасти потому, что татары отвели два источника въ другую сторону. Когда-же Екатерина Великая, будучи уже приклонныхъ лѣтъ, отправилась на Югъ, для обозрѣнія вновь пріобрѣтенныхъ владѣній, въ числѣ которыхъ важнѣйшимъ былъ Крымъ; то «великолѣпный Князь Тавриды» обратилъ особенное вниманіе на приведеніе дворца въ то состояніе, въ

⁷ Нижняя надпись не имѣетъ полнаго смысла, заключая въ себѣ только указаніе на райскій источникъ «Сельсебійль», о которомъ говорится въ ко-ранѣ, гл. 76 стихъ 18.

какомъ находился онъ при ханахъ. Исполнить это виновнику присоединенія Крыма было не трудно. Какъ въ самомъ Бахчисараѣ, такъ и внѣ его было много лицъ, видѣвшихъ дворецъ при ханахъ и подъ руководствомъ этихъ то лицъ, названный «строителемъ» Адмиралъ Іосифъ де Рабасъ, бывший тогда въ чинѣ маіора, исполнилъ волю «Свѣтлѣйшаго».⁸ При этомъ, какъ было упомянуто выше, произведены нѣкоторыя передѣлки, о которыхъ свѣденія, собранныя отъ старожиловъ, были намъ сообщены въ 1847 году покойнымъ, почти столѣтнимъ старцемъ *Е. Булатовымъ*, лѣтъ 20 занимавшимъ должность смотрителя дворца и нѣкоторыми другими, въ томъ числѣ бывшимъ Бахчисарайскимъ головою (уже умершимъ) *Сеитъ Асаномъ*, помнившимъ послѣдняго хана *Шагинъ Герая*, а также покойными помѣщикомъ *Кая Беемъ Балатуковымъ* и караимскимъ Гахамомъ *Симою Бобовичемъ*. Кая-Бей убиралъ дворецъ въ 1824 году; къ пріезду Императора Александра Благословеннаго, за что, какъ насъ увѣряли, былъ произведенъ въ Маіоры, а послѣдній, Бобовичъ, въ 1837 году, къ пріезду въ Крымъ Императора Николая I. Оба раза всѣ вещи были покупаемы въ Константинополѣ и во второй разъ (въ 1837 году) ѣздилъ за ними самъ Бобовичъ. Подъ руководствомъ-же покойнаго Бобовича былъ убираемъ Ханъ-серай въ 1845 году, къ пріѣзду Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. *Сеитъ-Асану*, долго бывшему Бахчисарайскимъ городскимъ головою, умершему въ глубокой старости, лѣтъ десять тому назадъ, было во время присоединенія Крыма къ Россіи 17 лѣтъ. Такіе очевидцы могли сообщить достовѣрныя свѣденія, какъ о произведенныхъ де-Рибасомъ передѣлкахъ, такъ и о убранствѣ каждой комнаты. Такъ, по распоряженію де-Рибаса, была устроена новая широкая, удобная лѣстница, ведущая изъ «фонтанной» въ верхніе покои дворца, вмѣсто прежней, неу-

⁸ Орденъ Князя Потемкина Правителю Тавр. Области. Статск. Сов. Каховскому, отъ 14 марта 1787 г., за № 373 и при немъ «маршрутъ путешествія Императрицы Екатерины II», помѣщенные въ № 48, прибавленія къ Тавр. Губ. вѣдомостямъ на 1841 годъ.

добной (крутой и узкой), начинавшейся въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится фонтанъ «Сельсебійль;» устройство такой широкой лѣстницы потому признано было необходимымъ, что другая, ведущая изъ подъ воротъ въ верхніе покои, въ ханскую пріемную (столовую), крута и весьма неудобна. Для тогоже, чтобы мѣсто, занятое прежде дверью, не осталось безъ украшенія, былъ устроенъ новый фонтанъ и перенесена сюда та самая мраморная доска съ надписью, помѣщенною въ переводѣ выше, которая украшала фонтанъ подлѣ мечети, построенной надъ прахомъ любимицы Крымъ-Герая. Въ этотъ фонтанъ проведена была вода общая всѣмъ дворцовымъ фонтанамъ.

Разсматривая украшенія фонтана «Сельсебійль,» мы, въ свою очередь, не можемъ не вспомнить стиховъ безсмертнаго поэта:

«Въ Тавриду возвратился ханъ
«И въ память горестной Маріи,
«Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
«Въ углу дворца уединенный.
«Надъ нимъ крестомъ осѣнена
«Магометанская луна
«(Символь, конечно, дерзновенный,
«Незнанья жалкая вина).»

Но, всмотрѣвшись хорошенько, увидите, что это не крестъ, а просто украшеніе, прихоть художника, имѣющая больше сходства съ цветкомъ или копьемъ, нежели съ крестомъ.

Согласиться съ мнѣніемъ, будтобы *Дилляра-Бикечъ* была польская княжна, *Марія Потоцкая*, похищенная Крымъ-Гераемъ въ одномъ изъ набѣговъ его на Польшу, нѣтъ никакой возможности. Муравьевъ-Апостолъ, при всей его учености, легко увлекавшійся поэтическими преданіями, справедливо замѣтилъ, говоря о фонтанѣ «Сельсебійль,» что во второй половине XVIII столѣтія не такъ легко было Татарамъ похищать полекъ.⁹ Между Бахчи-

⁹ Путешествіе по Тавридѣ и проч. стр. 119.

сарайцами, кажется, до настоящего времени сохранилось преданіе, что *Диляра Бикечъ* была грузинка, красавица и въ честь ея сложена пѣсня «Эльмасъ» (алмазъ). Ко всему этому не безполезнымъ считаемъ прибавить, что Крымъ-Герай наслѣдовалъ престолъ послѣ Селимъ-Герая-Хана II, въ 1758 г. – Въ 1764 году былъ сверженъ съ престола и сосланъ на островъ Родосъ. До этого времени онъ хотя враждовалъ противъ Россіи, велъ съ Фридрихомъ II переписку и согласился помогать ему въ войне противъ Австріи и союзницы ея – Россіи, но не успѣлъ этого сдѣлать и не былъ, сколько намъ извѣстно, ни въ дружескихъ, ни въ враждебныхъ сношеніяхъ съ Польшею. Когда-же въ 1768 году возгорѣлась война между Россіею и Турціею, Крымъ-Герай, какъ человекъ необходимый, искусный полководецъ, ханъ, пользовавшійся любовью Татаръ, былъ вызванъ изъ ссылки и снова возведенъ на ханскій престолъ. Въ этомъ (1768 году) онъ сдѣлалъ набѣгъ не на Польшу, но раззорилъ крѣпость Св. Елисаветы и едва образовавшіяся поселенія слобожанъ-Сербовъ. Откуда-же могъ онъ похитить Княжну Марію Потоцкую?

Другой фонтанъ находится на право отъ «Сельсебійля.» Онъ извѣстенъ подъ названіемъ *золотаго* или *позолоченнаго* («магзубъ»). Остатки позолоты сохранились донинѣ. Надъ нимъ находится слѣдующая, на арабскомъ языкѣ, надпись:

«Капланъ-Герай-Ханъ, сынъ Хаджи-Селимъ-Герай-Хана, да помилуетъ Богъ его и родителей его 1146 года» (1733 г. по Р. Х.).

Надъ тѣмъ-же фонтаномъ ниже:

«И напоилъ ихъ (райскихъ юношей) Господь напиткомъ чистымъ.»

Судьба этого хана, нѣсколько разъ то свергаемаго, то вновь, по прихоти Стамбульскаго дивана, возводимого на престолъ, замѣчательна. По жестокости характера, онъ вполне оправдывалъ имя, которое носилъ: «Капланъ», значитъ «тигръ.» Въ первый разъ онъ былъ возведенъ на ханскій престолъ въ 1706 году Султаномъ Ахмедомъ III и лишенъ престола въ 1709 году, за то, что будто-бы безъ вѣдома Порты, послѣ Полтавской битвы, предпринялъ походъ за Кубань. Потомъ встрѣчаемъ его на ханскомъ

престолѣ съ 1713 по 1717 годѣ: на этотѣ разѣ онѣ сверженѣ съ престола за происки противѣ Россіи, противѣ которой желалѣ онѣ возбудитѣ Порту начать войну, прекратившуюся Карловицкимѣ договоромѣ. Въ третій разѣ Капланѣ-Герай-ханѣ являетсѣ на престолѣ съ 1730 по 1737 годѣ. Это время замѣчательно походомѣ въ Крымѣ Миниха, взятіемѣ Перекопа, Акѣ-Мечети (Симферополя), Козлова (Евпаторіи) и сожженіемѣ Бахчисарая. Войска турецкія и татары на всякомѣ шагу терпѣли неудачи, въ которыхѣхъ Порты обвинила одного хана, за что и лишила его престола. Въ четвертый разѣ является этотѣ несчастный ханѣ на престолѣ въ 1748 году, но въ этомѣ-же году былѣ замѣненѣ Селимѣ-Гераемѣ.

Отѣ «позолоченнаго» фонтана, также на правой сторонѣ, находится небольшая мечеть и надѣ нею надпись:

«Селиметѣ-Герай ханѣ, сынѣ Хаджи Селимѣ-Герая-Хана. 1155 г.» (1741 г. по Р. Х.).

Внутри ея нѣтъ никакихѣ ни надписей, ни украшеній.

Изѣ фонтанной, черезѣ комнату, называемую, «альгамбра», выходѣ въ цвѣтникѣ, въ которомѣ весною цвѣтетѣ множество гіацинтовѣ; здѣсь заслуживаетѣ вниманія бассейнѣ и въ особенности старыя виноградныя лозы, изѣ породы «асма», быть можетѣ, современники хановѣ.

Чтобы составить себѣ сколько нибудѣ послѣдовательное понятіе о бывшемѣ жилищѣ хановѣ, необходимо подниматьсѣ въ верхній этажѣ не изѣ «фонтанной», а изѣ подѣ воротѣ, по крутой лѣстницѣ, покрывавшейсѣ сверхѣ египетскихѣ рогожекѣ, краснымѣ сукномѣ. Поднявшисѣ по ней, входите въ обширную комнату, которая при ханахѣ служила пріемною и комнатою *зіяфетовѣ* – официальныхѣ обѣдовѣ, пиршествѣ. По срединѣ ея стоялѣ большой, эллиптической формы, столѣ, – тотѣ самый, за которымѣ обѣдала Великая Екатерина и потомѣ всѣ Царственные Посѣтители Бахчисарая. Здѣсь, до 1855 года, мебель, кромѣ небольшихѣ дивановѣ и мраморныхѣ столиковѣ, оставшихся отѣ временѣ послѣдняго хана, была та самая, которая приготовлена была еще кѣ пріѣзду Екатерины. Полѣ покрывалсѣ тонкою

рогожкой; потолокъ, какъ и въ прочихъ комнатахъ, вызолоченъ и изъ середины его ниспускалась хрустальная люстра. Изъ этой комнаты идутъ двери во всѣ отдѣленія дворца.

Первая дверь, прямо отъ входа въ пріемную, ведетъ на небольшой дворъ, – занятый кухнею и помѣщеніями для поваровъ. Вторая, лѣвѣе отъ первой, – въ двѣ комнаты, называемыя, «царскими» съ 1818 года, т. е. со времени пребыванія въ Бахчисараѣ Императора Александра Благословеннаго, который занималъ ихъ. При ханахъ, говорятъ, эти комнаты служили ханскою спальней. Драпировка ихъ была прекрасна. Вдоль стѣнъ диваны, покрытые блѣдно-розовымъ атласомъ, съ такими-же подушками, которыя кромѣ того вышиты шелковыми узорами, а полъ устилался персидскими коврами. Стулья второй изъ этихъ комнатъ покрывались такимъ-же атласомъ, а по угламъ ставились, такъ называемые, «цареградскіе» перламутровые столики. Изъ середины рѣзнаго, вызолоченнаго потолка ниспускалась изящная хрустальная люстра. Кромѣ того, стѣны драпировались разноцвѣтными турецкими матеріями. Отсюда, чрезъ небольшую темную проходную комнату, входите въ ханскую цирульню. Убранство ея просто. Въ ней сохранилось парчевое покрывало, которымъ закрывали особу хана, когда, по обычаю мусульманскому, брили его правобѣдную голову. На лѣво отъ цирульни – двѣ комнаты, убиравшіеся турецкими ситцами. Въ нихъ, вѣроятно, жилъ ханскій цирульникъ и прислуга. Далѣе, на лѣво, выходъ въ длинный коридоръ, одна стѣна котораго, выходящая на кухонный дворъ и къ р. Чюрукъ-Су, составлена изъ простой деревянной рѣшетки, выкрашенной зеленою краской, какою обыкновенно покрываются желѣзныя рѣшетки. Коридоръ ведетъ въ комнаты «посольскія,» о которыхъ было упомянуто выше. Выходя изъ цирульни, на право, вступаете въ комнату, которая носитъ названіе «Комнаты Наслѣдника Цесаревича», нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, потому, что Августѣйшій Посѣтитель дворца хановъ изволилъ имѣть пребываніе въ этой комнатѣ въ 1837 году. Драпировка этой комна-

ты прекрасна: диваны покрывались малиновымъ бархатомъ, съ искусно вышитыми по немъ золотыми и серебрянными узорами. По преданію, при ханахъ эта комната служила гостиной, въ которую допускаемы были только самыя приближенные лица. Изъ пріемной въ эту комнату ведетъ особая дверь. – Изъ ханской гостинной на лѣво дверь въ небольшую квадратную бесѣдку – комнату, совершенно выдающуюся изъ дворцовыхъ зданій въ дворъ. Три стѣны ея составлены изъ деревянныхъ рѣшетокъ, завѣшиваемыхъ бѣлымъ, съ вышитыми бѣлыми узорами, атласомъ. Старики рассказывали, что ханы обыкновенно пили въ этой бѣсѣдкѣ кофе и въ то-же время смотрѣли на происходившее на дворѣ, особенно во время джигитовки (воинскихъ игръ). Диваны въ этой комнатѣ обтянуты были «шамаладжой» (турецкая шелковая матерія), а полъ былъ покрытъ персидскимъ ковромъ.

По обозрѣніи этой части дворца, вступаете въ комнаты Императрицы Екатерины, ознаменованныя ея пребываніемъ, въ теченіи двоихъ сутокъ, въ Бахчисараѣ въ 1787 году. Покои эти нарочно были передѣланы къ пріезду Императрицы. Особенно благоговѣйное чувство проникаетъ всякаго при вступленіи въ эти комнаты, чувство глубокаго уваженія къ памяти великой жены. Въ этой-же комнатѣ сохраняются, подъ стекломъ, собственноручныя подписи въ Бозѣ почивающихъ Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича, въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ престола; Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Маріи Николаевны и Великаго Князя Константина Николаевича, изволившаго посѣтить Бахчисарай и ханскій дворецъ, въ первый разъ въ 1845 году. Его Высочество изволилъ написать турецкими буквами «Константинъ изъ Константинополя.»¹⁰

¹⁰ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ въ то время прибыть въ Крымъ после посѣщенія столицы Турецкой Имперіи.

Убранство комнатъ Императрицы Екатерины особенно замѣчательно и де-Рибасъ, вѣроятно, по мысли «Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина», удачно умѣлъ соединить европейское съ азіятскимъ, согласивъ во всемъ величіе съ изящною простотою. Комнату украшали роскошные диваны, покрытые бѣлымъ атласомъ, отороченнымъ шолковыми и серебрянными узорами; изящный каминъ украшали такія-же занавѣски, изъ середины деревяннаго рѣзнаго, покрытаго позолотой, потолка ниспускалась изящная люстра. Стѣны, вмѣсто обоевъ, были покрыты бѣлымъ атласомъ съ нашивными узорами, а полъ, сверху египетской рогожки, огромнымъ персидскимъ ковромъ. Къ восточному убранству присоединена была и необходимая мебель въ европейскомъ вкусѣ: стулья, зеркала и т. п. На правой сторонѣ, за небольшою перегородкой, составленною изъ превосходной розовой атласной матеріи, была устроена спальня Императрицы. Занавѣсъ, или перегородка, отдѣлявшая спальню отъ комнаты, укрѣплялась между двумя тонкими, коринѣскаго ордена, колоннами. Надъ самымъ ложемъ ниспускалась великолѣпная занавѣсъ, собранная вверху в видѣ Императорской короны. Стѣны спальни были обиты тонкимъ бѣлымъ сукномъ съ превосходными, нашивными, разноцвѣтными узорами; диванъ, вдоль стѣны, вправо отъ ложа, былъ драпированъ бѣлымъ атласомъ, окаймленнымъ узорами, а полъ покрытъ былъ тонкимъ оранжевымъ сукномъ; изъ мебели въ спальнѣ находились небольшой столъ, два стула и небольшое зеркало. Направо отъ спальни, рядомъ съ этою послѣдней, небольшая комната со шкафами была занята гардеробомъ и прислугою Императрицы. Какое названіе имѣли эти комнаты при ханахъ, по случаю передѣлки ихъ въ 1787 году, никто не могъ объяснить.

Изъ комнатъ Императрицы Екатерины входите въ двѣ комнаты, называемыя «комнатами Маріи Потоцкой».

Поэтическимъ преданіемъ о польской княжнѣ заслонено дѣйствительное назначеніе этихъ комнатъ во время хановъ. Убранство ихъ великолѣпно, но не лишено вкуса и, такъ сказать, комфорта. Этихъ комнатъ двѣ. Въ первой два дивана, покрывав-

шіеся голубымъ атласомъ съ золотыми и шолковыми нашивными узорами и такими-же подушками; передъ однимъ диваномъ небольшой мраморной столикъ; на полу персидскіе ковры. Три окна, которыми освѣщается эта, при убранствѣ, изящная комната, выходятъ на обширный дворъ серая: они снаружи защищены деревянными рѣшетками, сдѣланными на подобіе желѣзныхъ. Во второй комнатѣ также два дивана, покрытые ярко-краснымъ тонкимъ сукномъ, окаймленнымъ такого-же цвѣта атласомъ; вдоль стѣны шкафы съ остатками позолоты. Надъ куполомъ камина, имѣющимъ въ вышину (куполь) $\frac{3}{4}$ аршина, изображеніе креста, надъ которымъ написана двурога луна. Навѣрно, изображеніе креста появилось не прежде, какъ по присоединеніи Крыма къ Россіи, и именно во время приготовленія дворца къ пріѣзду Императрицы Екатерины, и едвали не съ того времени начинается преданіе о пребываніи здѣсь таинственной польской княжны, которымъ такъ мастерски воспользовался Пушкинъ.

Этими комнатами оканчивается первое отдѣленіе дворца. Переходя во второе отдѣленіе не можете не заглянуть въ небольшую полутемную комнату, на лѣвой рукѣ. Въ нее проникаетъ свѣтъ только чрезъ рѣшетку, образующую продольную стѣну надъ «диваномъ». По преданію, ханы, ни кѣмъ не видимые, сиживали въ этой комнатѣ, во время собраній дивана, слушая и слыша все, что въ немъ происходило. Это преданіе въ духѣ восточной жизни и юрисдикціи. Сидящій въ этомъ тайникѣ, дѣйствительно не видимъ съ низу, но ему слышно каждое слово, сказанное внизу не очень громко, чѣму способствуетъ выпуклый потолокъ обширной диванной комнаты.

Второе отдѣленіе дворца возвышается надъ первымъ шестью ступенями. Въ него ведетъ довольно большая, продолговатая комната, родъ корридора, служившая, вѣроятно, переднею, въ которой день и ночь находилась безмолвная ханская прислуга. Во второмъ отдѣленіи, в верхнемъ этажѣ, только двѣ комнаты, заслуживающія особеннаго вниманія: первая, выдающаяся тремя сторонами или стѣнами на обширной дворъ, самая роскошная изъ всѣхъ дворцовыхъ покоевъ, извѣстна подъ названіемъ

«золотой» или «кабинета (ода) Крымъ-Герая;» вторая, выходящая окнами въ гаремъ, извѣстна подъ названіемъ «цареградской.» Между этими двумя комнатами довольно обширное пространство, раздѣлявшееся разноцвѣтными перегородками, изъ недорогихъ турецкихъ тканей, на нѣсколько отдѣленій или каморокъ, въ которыхъ помѣщалась ближайшая прислуга.

Въ кабинетѣ Крымъ-Герая было соединено все, что могла изобрѣсть фантазія художника-мусульманина, или художника, старавшагося быть мусульманиномъ. Рѣзныя деревянные стѣны и такой-же потолокъ были вызолочены, заключая въ себѣ небольшіе шкафы; диваны были покрыты прекраснымъ малиновымъ бархатомъ съ золотыми узорами; покрывала на диванахъ и подушкахъ окаймлены шелковою бахромой съ такими-же по угламъ кистями. Надъ каминомъ и дверями, повыше карниза, красовались за стекломъ вылѣпленные изъ гипса и алебастра плоды, деревья, кораблики, птички, и т. п., а выше карниза, между этимъ послѣднимъ и потолкомъ, тоже выдѣланные изъ гипса и алебастра, разрѣзанные арбузы, груши, гранаты; потолокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ росписанъ видами (домиками, возлѣ которыхъ растутъ кипарисы). Изъ середины потолка ниспускалась прекрасная люстра. Многихъ изъ этихъ украшеній теперь нѣтъ, но прекрасно сохранилась замѣчательная надпись, которая идетъ вдоль подъ самымъ карнизомъ, начинаясь и оканчиваясь надъ входомъ въ кабинетъ. Эта надпись оставалась безъ вниманія до 1845 года, когда въ первый разъ была нами переведена на русскій языкъ къ пріѣзду въ Бахчисарай Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, какъ и всѣ, находившіяся во дворцѣ восточныя надписи. Въ послѣдствіи времени сдѣланные нами переводы надписей, въ числѣ прочихъ, были рассмотрѣны и исправлены извѣстнымъ оріенталистомъ *Негри* и помѣщены, въ 1850 году, въ «Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и Древностей.» Эта надпись сочинена на изысканномъ литературномъ турецкомъ языкѣ (фарси), въ стихахъ, гдѣ турецкія слова и фразы пересыпаны множествомъ арабскихъ и персидскихъ словъ, особенно послѣднихъ. Вотъ ея возможно-буквальный переводъ.

«Да наслаждается ежеминутно шахъ (государь), при милости Божіей, удовольствіями; да продлитъ Господь жизнь его и счастье.

«Крымъ-Герай-Ханъ, сынъ высокостепеннаго Девлетъ-Герая, источникъ мира и безопасности, правитель мудрый.

«Смотри! Вотъ державная звѣзда его взошла на горизонтъ славы и освѣтила цѣлый міръ.

«Краса Крымскаго престола, повелитель великаго царства, рудникъ кротости и великодушія, тѣнь милости Божіей (на землѣ).

«Друзья его – щедрость и великодушіе. Покровитель природныхъ дарованій, щедрый до расточительности: богатые и нищіе тому свидѣтели.

«Да ослѣпляетъ Господь солнцемъ особы его зрѣніе враговъ. Благоволеніе Божіе къ Крымъ-Герая доказывается тѣмъ, что милостивая тѣнь этого благоволенія – радость вѣка, его осѣнила вселенную удовольствіемъ.

«Смотри! этотъ увеселительный дворецъ, созданный высокимъ умомъ хана, оправдываетъ мою хвалебную пѣснь.

«Это зданіе его радушіемъ, подобно солнечному сіянію, озарило Бахчисарай.

«Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурій, что красавицы сообщили ему прелесть, что это нитка морскаго жемчуга, неслыханный алмазь. Смотри! вотъ предметъ достойный золотаго калема (пера).

«Китайскій Мани,¹¹ смотря на этотъ дворецъ, одобрилъ-бы и выборъ рисунка и отличную отдѣлку картинъ.

¹¹ Живописецъ Мани жилъ въ Персіи во второй половинѣ III ст. по Р. Х. «Китайскимъ» онъ называется потому, что за противное Магамъ ученіе принужденъ былъ бѣжать въ Китай.

«Окрестъ дворца свѣжія лиліи, розы, гіацинты. Садъ разумно расположенный, говоритъ какъ бы языкомъ; новая мысль эта разцвѣла въ цвѣтникѣ души (Крымъ-Герая). Любовникъ розы соловей палъ-бы къ праху ногъ сада, еслибы его увидѣлъ.

«Итакъ, если привлекательное это мѣсто мы назовемъ, какъ и быть должно, рудникомъ радости, то каждое на него воззрѣніе будетъ волнующимся моремъ наслажденія.

«Рабъ придворнаго праха, будучи какъ-бы тѣнью знатности въ правленіе Крымъ-Герай-Хана (да будетъ дворъ правосудія его открытъ и счастивъ!) любя его душевно и сознавая въ себѣ даръ попугая¹², такъ воспѣлъ увеселительный его дворецъ. Два полныя полустишія означаютъ хранограмму.» (1764 г. по Р. Х.).

По прочтеніи этой надписи, многое, казавшееся темнымъ, становится понятнымъ. По этому всякій, съ нѣкоторымъ вниманіемъ осматривавшій дворецъ, не могъ не замѣтить, что та половина его, которая одною стороною выдается на гаремный дворъ и къ персидскому саду, а другою къ «соколиной башнѣ», заключающая въ себѣ «золотую» и «цареградскую» комнаты, есть зданіе, пристроенное въ послѣднія времена независимости Крыма, преимущественно въ правленіе Крымъ-Герая. Въ первый разъ онъ опоясанъ былъ ханскимъ мечемъ въ 1758 году, но за попытки, клонившіяся къ освобожденію себя и Крыма изъ подъ опеки Стамбульскаго Дивана, въ 1764 году былъ лишенъ ханскаго престола и сосланъ на островъ Родосъ. Мѣсто его занялъ неспособный и нелюбимый народомъ Максудъ-Герай. Война съ Россією, поводомъ къ которой было сожженіе пограничнаго турецкаго города Балты, при преслѣдованіи конфедератовъ, вызвала Крымъ-Герая изъ заточенія. Какъ отличный полково-

¹² Попугай на востокъ считается умнѣйшею и краснорѣчивѣйшею птицей. Этимъ именемъ не только украшаются нѣкоторые сочиненія, но иногда этотъ эпитетъ, въ томъ-же значеніи, придается и самому Мухаммеду.

децъ и любимый татарами ханъ, онъ снова возведенъ былъ на престолъ въ 1768 году. На этотъ разъ онъ опустошилъ «Новую Сербію» и сжегъ крѣпость Св. Елисаветы. Не смотря впрочемъ на подвиги полезные для порты и согласные съ ея планами; Стамбульскій диванъ опасался этого хана, не разстававшагося въ мыслию о независимости Крыма, а потому онъ былъ отравленъ въ 1769 году, въ Бандерахъ, какимъ-то греческимъ вреемъ *Сирополемъ* на 40 году своей бурной жизни. По сохранившемуся у татаръ преданію, подкрѣпляемому надписью въ «золотой комнатѣ», Крымъ-Герай не только обновилъ дворецъ, много въ немъ вновь построилъ, но сдѣлалъ много полезнаго для всего города.

Вышедъ изъ кабинета, тотчасъ на лѣво увидите небольшую квадратную комнату, такъ сказать, свѣсившуюся на цвѣтникъ. Отсюда, будто-бы, ханъ любовался, смотря на обнаженные прелести одалыкъ, купавшихся въ бассейнѣ, что въ цвѣтникѣ. Это неудачная выдумка. Цвѣтникъ удаленъ отъ гарема и очень можетъ быть былъ доступенъ для постороннихъ, а что было доступно для постороннихъ, то было недоступно для одалыкъ-затворницъ гарема.

Противоположная кабинету, – комната «цареградская», такъ названа потому, что стѣны ея и потолокъ расписаны видами Босфора. Это одна изъ завѣтныхъ комнатъ, въ которой проводилъ время ханъ: окна ея обращены прямо въ гаремъ. Три роскошные дивана, покрывавшіеся оранжевымъ тонкимъ сукномъ, прелестная хрустальная люстра, бѣлыя атласныя занавѣски на окнахъ, составленныхъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ и оригинальная стѣнная живопись, – вотъ все, что составляло красу и комфортъ комнаты, изъ которой властитель Крыма любовался на многочисленныхъ затворницъ гарема. – Нельзя не замѣтить, разсматривая грубую живопись «цареградской» комнаты, что, при поновленіи ея, вѣроятно, въ 1787 году, она потерпѣла передѣлки. Это видно изъ того, что на минаретахъ вездѣ нарисованы *муэззыны*, сзывающіе правовѣрныхъ къ молитвѣ; тогда-какъ мусульманская вѣра запрещаетъ портрет-

ную живопись, какъ занятіе противное корану, и ни въ какомъ случаѣ такія изображенія не могли быть допущены на священ-ныхъ предметахъ, напр, мечетяхъ и т. п.

Этой комнатою заключаемъ обзоръ дворца, считая необходимымъ замѣтить, что вещи, служившія для убранства его, сильно потерпѣли съ 1845 года, когда онъ былъ убранъ съ полнымъ великолѣпіемъ къ пріѣзду въ Бахчисарай Великаго Князя Константина Николаевича и потому-то въ настоящемъ обзорѣ, по не обходимости встрѣчаются такія выраженія: «убиравшіяся, были убираемы (относительно комнатъ)» и т. п.

Остальныя комнаты втораго отдѣленія, въ нижнемъ этажѣ, служившія для помѣщенія прислуги, не заключаютъ въ себѣ ничего, достойнаго, въ какомъ-либо отношеніи, вниманія и потому считаемъ излишнимъ распространяться объ нихъ.

Изъ «Цареградской» комнаты узкая, крутая лѣстница ведетъ въ «гаремъ.» При одномъ словѣ этомъ любопытство становится сильнѣе и нетерпѣливѣе. Но, гарема нѣтъ! только небольшая часть зданія, заключавшаго въ себѣ, по словамъ старожиловъ, 73 комнаты, въ которыхъ помѣщались молодыя затворницы и ихъ стража, пощажена рукою времени; уцѣлѣло только три комнаты и прелестная стеклянная бесѣдка съ вѣчно журчащимъ внутри ея фонтаномъ; уцѣлѣли также огромныя фруктовыя деревья (груши и ренклоды) и величественныя ранны, современники Гераевъ. Въ полуразрушенномъ видѣ гаремъ сохранялся до 1818 года, т. е. до пріѣзда въ Бахчисарай Императора Александра Благословеннаго. Въ этомъ году необходимость заставила разобрать 70 комнатъ самыхъ вѣтхихъ и оставлены только тѣ, которыя возможно было поддержать. Тутъ были и особыя бани – роскошь и единственный комфортъ восточной женщины-узницы, и особыя помѣщенія для евнуховъ и безобразныхъ *кадынъ*. Убранство комнатъ гарема было такое-же, какъ и покоевъ ханскихъ; изъ остатка зданія, видно, что всѣ комнаты освѣщались окнами въ два яруса; въ нижнемъ ярусѣ – двойныя рамы и рѣшетки. Гаремный дворъ имѣетъ въ окруж-

ности 98 сажень и обнесенъ каменною стѣною, которая имѣетъ въ вышину около 4 сажень.

Изъ «гарема два выхода: одинъ къ «соколиной башнѣ», на отдѣльный небольшой дворъ, обнесенный такою-же высокою стѣною, как и гаремъ; другой – въ «персидскій садъ». Послѣдній замѣчателенъ прекрасными фруктовыми деревьями и прелестною бесѣдкой, поддерживаемой четырьмя каменными колоннами. Посрединѣ ея бьетъ фонтанъ, а ниже довольно-обширный водоемъ, въ который стекаетъ вода для поливки сада. Небольшой виноградный садъ, разведенный уже послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, существуетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде, вдоль стѣны, тянулись помѣщенія дл садовниковъ и ханскихъ конюховъ; потому – что ханская конюшня находилась тотчасъ за этимъ садомъ.

«Соколиная башня» (тоганъ-кулеси) высокое шестиугольное зданіе, находящееся въ связи съ прочими дворцовыми постройками. «Соколиною» она называется потому, что въ нижнемъ ея этажѣ воспитывали ханскихъ соколовъ и кречетовъ. Съ вершины-же ея, окруженной рѣшеткой, по преданію, ханскія жены смотрѣли на вступленіе въ Бахчисарай войскъ, на джигитовку, происходившую на обширномъ ханскомъ подворьѣ, въѣздъ иноземныхъ пословъ и т. п. Этому можно вѣрить, зная, что изъ гарема существовалъ и нынѣ существуетъ къ «соколиной башнѣ» особенный ходъ. Видъ съ вершины ея во все стороны превосходный.

Дворцовая мечеть. (Ханъ-Джами).

Бахчисарайская дворцовая мечеть (Джума-Джами) извѣстна у татаръ подъ названіемъ Ханъ-Джами (ханская мечеть). Наружный видъ ея не имѣетъ ничего особеннаго, кромѣ двухъ превосходныхъ высокихъ минаретовъ; одинъ изъ нихъ, вновь отстроенный къ 1861 году, былъ разрушенъ бурей, свирѣпствовавшею 2 ноября, 1854 года, памятной тѣми бѣдствіями, кото-

рымъ подвергнулся соединенный Англо-Французко-Турецкій флотъ, во время знаменитой осады Севастополя. Мечеть эта безъ купола и его замѣняетъ обыкновенная, со скатами, крыша, крытая черепицею, и въ этомъ отношеніи, она уступаетъ мечети Евпаторійской, которая имѣетъ четырнадцать куполовъ и построена по образцу Константинопольской Софійской.

Кромѣ двухъ надписей, о которыхъ скажемъ ниже, нѣтъ ни какихъ письменныхъ памятниковъ о времени построенія этой мечети. Вѣроятно же всего, что она, какъ и прочія дворцовые зданія, была начата однимъ, а кончена другимъ ханомъ.

Въ мечеть ведутъ три входа: первый (главный) идетъ отъ рѣчки Чюрукъ-Су, чрезъ которую перекинутъ въ этомъ мѣстѣ небольшой деревянный мостъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ главнаго моста, по которому въѣзжаютъ во дворецъ, а два послѣдніе входа идутъ изъ внутри обширнаго серайскаго двора. Надъ главнымъ входомъ сохранились слѣдующія двѣ надписи:

1.) «Хаджи-Селимъ-Ханъ, (да помилуетъ Богъ сего праведнаго мужа!) былъ лучшимъ изъ хановъ. Сколько ни разцвѣло розъ въ родномъ его цвѣтникѣ, всѣ онѣ, в свою очередь, украшали владѣтельный домъ. Когда новая роза этого цвѣтника, т. е. Селяметъ-Герай, сдѣлался Крымскимъ ханомъ, тогда, по милости Божіей, пришла на мысль слѣдующая хронограма: ... Селяметъ-Герай построилъ эту великолѣпную мечеть, 1153 года.» (1740 г. по Р. Х.).

Намъ кажется, о чемъ упомянуто выше, что Селяметъ-Герай-Ханъ собственно достроилъ, окончилъ эту мечеть, начатую Хаджи-Селимъ-Герай-Ханомъ, иначе незачѣмъ было сочинителю надписи выставять имя этого хана въ началѣ яфты.

2.) Надпись относится къ новѣйшему времени: въ ней говорится о починкѣ мечети.

«Вознамѣрился, по обѣту, съ помощью Божіею починить эту джами *Абды-Ша-Ага*.» Нѣтъ другаго (лучшаго) стяжанія, кромѣ приобрѣтаемаго самимъ человѣкомъ» (говорятъ мудрые). Слѣдуя этому

правилу, потрудился онъ не для стяжанія похвалы народной, но отъ чистаго сердца, во славу Божию. Богъ внушилъ ему это святое намѣреніе и произвелъ онъ починку по объѣту, данному Богу. Привѣтствую починившаго (джамии)! Этимъ (подвигомъ) воздалъ онъ Богу, подобно богачу (дѣлающему значительные вклады). Если-бы у него было столько грѣховъ, сколько воды въ морѣ, то они отпустятся ему, по милосердію Твоему, Господи! Годъ починки въ хронограммѣ: я есмь Божій человѣкъ! 1226 г. (1810 г. по Р. Х.).

Рядомъ с мечетью, влѣво, вдоль рѣчки Чюрукъ-Су; подъ навѣсомъ, соединяющимся съ крышей мечети, устроенъ огромный водоемъ, изъ котораго, посредствомъ 12-и свинцовыхъ трубочекъ, безпрестанно струится вода. У этого водоема, большая часть татаръ, отправляясь въ мечеть творить одинъ изъ пяти дневныхъ намазовъ (молитвъ), совершаютъ уду (омовеніе семи членовъ). Въ настоящее время этотъ водоемъ не содержится въ должной исправности.

Войдемъ въ самую мечеть, чрезъ главный входъ въ нее, идущій, какъ упомянуто выше, отъ рѣчки Чюрукъ-Су. Войдя въ дверь, видите небольшую комнату, родъ «притвора» въ нѣкоторыхъ нашихъ храмахъ. Здѣсь хранятся похоронныя носилки и родъ ящичковъ (въ ростъ человѣка), въ которыхъ обмываютъ и приготавливаютъ къ погребенію покойниковъ. Изъ притвора другая дверь ведетъ прямо въ мечеть. Войдя въ послѣднюю, прямо передъ собой, по направленію на югъ, къ *Кербелѣ* и Мекскому храму, видите углубленіе, называемое *Михрабъ*: это сѣдалище муллы во время богослуженія. Вверху михраба (произн. миграба), по обыкновенію, начертанъ основной догматъ мусульманской вѣры: «Ля И л ляги илля Ллагъ, ве Мухаммеду Рессуль – Уллагъ,» т. е. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ посланникъ Божій.» Слова эти вышиты шелками на ткани, привезенной благочестивыми хаджи изъ Мекки. Еще въ 1848 году было замѣтно, что эта ткань была голубаго цвѣта, а буквы вышиты шелками

съ золотомъ; теперь до такой степени обвѣтшала, что ни цвѣта ткани, ни позолоты вовсе не замѣтно. Сверху «Михраба», по-самой срединѣ, ниспускаются три, эллиптической формы, небольшіе шара. Это строусовы яйца. У нашихъ татаръ, какъ и у прочихъ Мусульманъ, есть повѣрье, будто-бы самка строуса, снеся яйцо, должна посмотрѣть на него прямо; еслиже обернется и посмотритъ прежде куда-либо въ сторону, то яйцо непременно испортится (превратится въ болтунъ). На этомъ основаніи и Мусульмане, молясь, должны, взирая, такъ сказать, на эти яйца, сосредоточить все свое вниманіе въ одной идеѣ – Богѣ, не развлекаться ни чѣмъ постороннимъ, иначе молитва ихъ не будетъ угодна Богу. – По правую сторону михраба помѣщается «мин-бѣръ» (каѳедра), съ котораго, по пятницамъ, иногда читаются поученія (хутбѣ); по лѣвую сторону – небольшой деревянный, квадратной формы, придѣлъ, называемый «курсѣ», что значитъ сѣдалище, тронъ, престомъ. Это мѣсто назначено для особаго эфенди, который, въ неопредѣленное время, иногда по желанію прихожанъ, говоритъ съ этого мѣста поученія. По мусульманскому вѣроученію, курсѣ имѣетъ еще то назначеніе, что съ этого мѣста, по окончаніи богослуженія, по пятницамъ, должно читать 265, 266, 267 и 268 стихи 2-й главы Корана. Послѣднему стиху правовѣрные приписываютъ чудесное свойство и носятъ его при себѣ, какъ *дуа* (молитву) или *тельсимъ* (талисманъ). Стихи говорятъ преимущественно о обязанности искренно творить милостыню, которую, по обычаю, мусульмане подаютъ, выходя изъ мечети.

Дворцовая мечеть или «Ханъ-джами» внутри раздѣляется какъ-бы на два этажа. Этотъ второй этажъ образуютъ идущіе со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, хоры, – нѣчто въ родѣ «полатей», бывшихъ принадлежностью древнихъ русскихъ церквей. Это «маафиль», гдѣ, кромѣ приходящихъ молиться, во время богослуженія помѣщается очередной муэззынъ (мазинъ), исправляющій обязанность клира. Отъ маафиля, по правую сторону отъ главнаго входа находится небольшая комната, отдѣленная деревянною стѣной. Это ханская молельня. Въ ней, кромѣ старинна-

го корана, писаннаго, говорятъ, лѣтъ за 300 до нашего времени и будто-бы принадлежавшаго Хаджи-Селимъ-Герай-Хану, нѣтъ ничего особеннаго. Годъ, когда писанъ этотъ экземпляръ корана, не означенъ, а также и то, кому именно онъ принадлежалъ. Входя въ ханскую молельню изъ внутри серайскаго двора.

Изъ середины потолка мечети спускается родъ большаго, деревяннаго паникадила съ разноцвѣтными шкаликами и подсвѣчниками. Это паникадило называется «магари-сулейманъ» (от *Мигръ*, – свѣтило, солнце), вѣроятно, по темному преданію, существующему у мусульманъ, о величіи и блескѣ храма, воздвигнутаго царемъ Соломономъ въ Іерусалимѣ.

Окна ханъ-джами идутъ въ два яруса и верхній изъ нихъ составленъ изъ разноцвѣтныхъ, съ красивыми узорами, стеколъ, на которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, находятся фразы изъ Корана. Полъ устланъ египетскими рогожками и разными коврами. Это «намазлыки», на которыхъ становятся и садятся правовѣрные творить «намазъ» (молитву). На полу, вдоль южной стѣны, идетъ рядъ свѣчъ изъ желтаго воску и небольшія скамейки, на которыхъ лежатъ экземпляры Корана – рукописные и печатные (казанскаго изданія). Къ послѣднимъ мусульмане не питаютъ уваженія. Переписывать коранъ доселѣ считается богоугоднымъ дѣломъ и особенно набожные считаютъ богопротивнымъ дѣломъ преданіе священной книги типографскому станку.

Наружныя стѣны мечети не имѣютъ никакихъ особенныхъ украшеній, кромѣ стѣны, выходящей на дворъ ханъ-серая. Эта стѣна испещрена вверху словами и цѣлыми изрѣченіями изъ корана и именами нѣкоторыхъ хановъ, въ настоящее время или полу или совершенно истертыми, такъ-что съ трудомъ можно отличить буквы отъ украшеній.

Дворцовое кладбище.

Ни одинъ любопытный посѣтитель ханскаго дворца, а тѣмъ болѣе ни одинъ любознательный путешественникъ не пройдутъ мимо, не взглянувъ на *ханское кладбище*, не побродивъ между многочисленными могилами, надгробными памятника-

ми, которыми густо уставлена эта не обширная, по пространству, но замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, *Божія нива*. Такъ называютъ мусульмане кладбище. На этомъ кладбищѣ, среди многочисленныхъ могилъ, скрывающихъ въ себѣ прахъ лицъ знаменитаго дома Гераевъ, ихъ родственниковъ обоого пола и сановниковъ, погребено шестнадцать хановъ. Вотъ имена ихъ, помѣщенные въ сочиненіи знаменитаго Палласа, которое, къ сожалѣнію, доселѣ не переведено на Русской языкъ¹³: Исламъ-Герай, Батырь (Бегадырь)-Герай, Мехмедъ-Герай, Адиль-Герай, Мурадъ-Герай, Сафа-Герай, Капланъ-Герай, Менгли-Герай, (II), Селяметъ-Герай, Арсланъ-Герай, Крымъ-Герай. – Кладбище поражаетъ многочисленностію памятниковъ. Часть ихъ – изъ крымскаго мрамора, а часть изъ крѣпкаго песчаника. Первые отличаются, въ своемъ родѣ, изяществомъ отдѣлки и побольшей части сохранились превосходно; вторые сильно пострадали отъ времени, но не отъ недостатка въ присмотрѣ. При кладбищѣ постоянно находится особый эфенди, изъ числа духовныхъ дворцовой мечети, главнѣйшая обязанность котораго состоитъ въ постоянномъ надзорѣ за кладбищемъ, въ охраненіи надгробныхъ памятниковъ, въ поддержаніи разведеннаго среди могилъ сада, съ котораго доходъ принадлежитъ ему, «въ вознагражденіе за труды по охраненію кладбища.»

При входѣ на кладбище, на правой сторонѣ, останавливаютъ на себѣ вниманіе два мавзолея, или правильнѣе, – двѣ небольшія мечети, покрытыя свинцовою крышей. Въ нихъ, подъ спудомъ, погребено двадцать три покойника, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ женскаго пола, изъ семейства Гераевъ. На всемъ кладбищѣ, кромѣ покоящихся внутри двухъ мечетей, погребено болѣе трехсотъ покойниковъ; надъ всѣми ими были, въ свое время, мраморные или каменные памятники съ приличными надписями; но пощажено рукою времени не болѣе двухсотъ, и изъ нихъ только на сто четырнадцать памятникахъ сохранились надгробныя надписи и то не вполнѣ. Наиболѣе пострадали

¹³ Second voyage de Pallas etc. Г. IV p. 208 – 300.

надписи, существовавшія не на мраморныхъ, а на каменныхъ памятникахъ. Къ сожалѣнію, совершенно разрушились, а слѣдовательно исчезли и украшавшія ихъ надписи, памятники надъ прахомъ царствовавшихъ хановъ, имена которыхъ приведены у Палласа.

Не всѣ надписи, уцѣлѣвшія на памятникахъ ханскаго дворцоваго кладбища, заслуживаютъ одинаковаго вниманія, кромѣ тѣх, которыя украшаютъ надгробные памятники нѣкоторыхъ Гераевъ, не смотря на ихъ лаконизмъ, или простое упоминаніе, въ родѣ слѣдующаго: «покойный *токой-то*, сынъ *такого-то*, скончался *тогда-то*.» Такія надгробныя надписи заслуживаютъ вниманія въ историческомъ отношеніи, именно тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ служить для повѣрки времени, когда какое либо лицо, чѣмъ либо замѣчательное въ исторіи Гераевъ, сошло со сцены, на которой подвизалось въ этой жизни.

Надписи, уцѣлѣвшія на надгробныхъ памятникахъ ханскаго кладбища, замѣчательны въ двоякомъ отношеніи: историческомъ и поэтическо-моральномъ. Мы ограничимся помѣщеніемъ здѣсь, въ переводѣ, только тѣхъ надписей, которыя дѣйствительно замѣчательны въ одномъ изъ показанныхъ отношеній съ одной стороны, или могутъ остановить на себѣ вниманіе посѣтителя кладбища изяществомъ памятника съ другой. Надгробные памятники, по бѣльшей части, скрываются въ густой зелени деревьевъ фруктоваго сада. Языкъ надписей-турскій литературный (фарси), а не арабскій, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ и туристов, утверждавшихъ, будто-бы эти надписи писаны на арабскомъ языкѣ, или просто взяты изъ Алкорана.¹⁴ Множество ошибокъ, вкравшихся въ статьи и статьяйки, посвященныя путешественниками и туристами, между прочимъ, описанію ханскаго кладбища, произошло отъ того, что писавшіе сами не знали восточныхъ языковъ, а полагались во всемъ на муллу-чичероне, дополняя остальное собственнымъ воображеніемъ. Правда, почти каждая эпитафія

¹⁴ «Картины Россіи» П. П. Свинына. Спб. 1840 ч. 1 стр. 327 – 328.

начинается арабскою фразой: «гува-ль-Халяку-ль-ба́ки,» или «гува-ль-хайю-ль ба́ки,» т. е. «Онъ (Богъ), творецъ вѣченъ!» или «Онъ (Богъ) всегда живъ, вѣченъ!» но только на одномъ памятникѣ, надъ прахомъ *Селимъ-Герай-Хана* (№ 10), мы нашли изрѣченія на арабскомъ языкѣ, взятые изъ священной для мусульманъ книги, между прочимъ, о неизбѣжности смерти для всего живаго.

Сказавъ, что на ханскомъ кладбищѣ сохранилось 114 надгробныхъ памятниковъ, съ надписями, къ сожаленію, не вполне уцѣлѣвшими, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь только важнѣйшія, заслуживающія особеннаго вниманія въ одномъ изъ показанныхъ выше отношеній, или могутъ обратиться на себя вниманіе относительнымъ изяществомъ надгробнаго памятника. Вотъ эти эпитафіи:

Калга-Сеадетъ-Герай (№ 1).

«Ненавистная судьба зарыла въ землю алмазъ съ нитки рода хановъ Джингызовыхъ. Много алмазовъ было у Сеадетъ Герая, Калги (намѣстника) Крымскаго. Нынѣ одинъ изъ этихъ алмазовъ есть Бахты-Герай-Султанъ правосудный и умный. Да украшается онъ счастьемъ, пока тотъ (Сеадетъ-Герай) лежитъ въ землѣ. Высокостепенный отецъ его отличался умомъ въ родѣ Джингызовомъ. Да будетъ милосердіе Божіе надъ нимъ и всѣми его предками. Праведные и въ вѣчности царствуютъ! Рабъ Хамди (сочинитель эпитафіи) написалъ годъ его смерти: *«при такомъ счастіи да возсѣдаетъ онъ на украшенномъ тронѣ въ раю. 1176 года.»* (1762 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Титулъ Калги (намѣстника и наслѣдника) былъ наслѣдственнымъ въ фамиліи Гераевъ и обыкновенно какъ важнѣйшій принадлежалъ брату царствующаго хана. De jure, Калга былъ намѣстникъ и прямой наслѣдникъ хана, но de facto съ 1478 года, т. е. со времени подчиненія Крымскаго ханства суверенитету отоманской порты, когда назначеніе новаго хана зависѣло

отъ Стамбульскаго дивана, Калга только номинально считался наслѣдникомъ. Столицею Калги былъ Акмечетъ, нынѣшній Симферополь, называвшійся также «Султанъ-серай».

Арсланъ-Герай-Ханъ (№ 12).

«Онъ (Богъ) всегда живъ, вѣченъ! Мудрый Асафъ онъ былъ въ дѣлахъ военныхъ, храбрый наѣздникъ на полѣ брани, геройствомъ превосходилъ родъ Джингызовъ. Самъ Богъ Войны (Мерихъ, т. е. Марсъ) жаждалъ острія меча его, упитаннаго кровію. Какъ можно сравнить мужество его съ мужествомъ Неримана! Грозный видъ его убивалъ современныхъ тигровъ прежде нежели онъ величественно, какъ левъ, вступалъ на ратное поле. Но, покорствуя священному гласу «возвратись!» – онъ скончался. Пусть міръ надѣнетъ трауръ, раздеретъ воротникъ своего платья. Поэтъ Хафзи прекраснымъ, алмазнымъ полустиишемъ изобразилъ его хронограмму: рай Арсланъ Герай-Хану воздаяніе! 1181 г. (1767 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. У знаменитаго Палласа находимъ, что этотъ ханъ скончался въ 1165 году нашего лѣтосчисленія (Т. IV. Р. 299). Вѣроятно, первая цифра ошибка и дѣйствительный годъ кончины Арсланъ-Герай-Хана, тотъ, который выставленъ въ приведенной эпитафіи.

Крымъ-Герай-Ханъ (№ 13).

«Онъ (Богъ) всегда живъ, вѣченъ! Война была ремесломъ знаменитаго Крымъ-Герай-Хана; глаза голубаго неба не видали ему равнаго. Такъ какъ онъ изъ этой суетной столицы выѣхалъ, то да будетъ, по волѣ вселюбящаго, ночлегомъ его пріютъ вѣчности. Я, Эдибъ (имя поэта) съ молитвою написалъ перлъ его хронограммы: да царствуешь ты, Крымъ-Герай, въ вѣчности! 1183 г.» (1769 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Крымъ-Герай-Ханъ пользовался любовью Татаръ. Онъ скончался въ Бендерахъ, отравленный, по приказанію стамбульскаго дивана, греческимъ врачомъ *Сирополемъ*.

Бегадырь-Герай-Султанъ (№ 14).

«Сынъ хана Крымскаго, т. е. Бегадырь Герай. Ахъ! еще младенцемъ отказался отъ жизни и переселился въ царство вѣчности. Эта райская птица, бросивъ суетный міръ, улетѣла, какъ-бы ея не бывало, возвратилась въ садъ духовный; сокрылась, подобно птицѣ *Гемай* (Гюма́), отъ чувственныхъ взоровъ. Да осчастливить Богъ родителей его, пока онъ духовно наслаждается удовольствіями въ цвѣтнике рая. Я, Муджéми (имя поэта) со вздохомъ написалъ годъ его кончины: Бегадырь-Герай вступилъ въ садъ вѣчности, 1177 г.» (1763 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Птица *Гемай* или *Гюма́* принадлежитъ собственно къ восточнымъ баснословіямъ. По понятіямъ мусульманъ, она постоянно живетъ въ воздухѣ и никогда не касается земли, несетъ тамъ яйца и выводитъ дѣтей. Тотъ, на кого падетъ тѣнь ея, бываетъ счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ и даже можетъ получить царскій тронъ. Отсюда произошло слово «гумаюнъ» «счастливѣйшій», «августѣйшій».

Мурадъ-Герай-Султанъ (№ 15).

«Душа его, переходя изъ суетнаго міра въ вѣчность, какъ всегда, надѣялась на милосердіе Божіе. Видя бой его съ войскомъ огнепоклонниковъ (Маджусь), ты подумалъ бы, что по мужеству нѣтъ ему равнаго, что онъ второй Кагреманъ. Такъ какъ пожертвовалъ собою въ священной войнѣ (т. е. былъ убитъ въ сраженіи съ невѣрными, не-мусульманами), изъ любви къ Богу, то да наградить его Богъ и причислить къ Кербелайскимъ мученикамъ. Этотъ Крымскій Султанъ Мурадъ-Герай-Сул-

танъ, съ званіемъ богатыря, соединялъ храбрость и щедрость. Да изгладитъ Богъ прегрѣшенія его, да обрадуетъ его жилищемъ райскимъ и мусульманскими гуріями. Когда онъ былъ убитъ, то *Пири* (имя поэта) тотчасъ написалъ прекрасную его хронограмму: да помилуетъ его Богъ и да содѣлаетъ рай его жилищемъ. 1170 г.» (1756 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. *Каграманъ* собственно значитъ: сплать, храбрый, богатырь (отъ *кагръ*, спла, храбрость). Здѣсь Мурадъ-Герай-Султанъ уподобляется полубаснословному персидскому витязю, о подвигахъ котораго существуетъ множество разсказовъ. На Кавказѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Керъ-оглу или Куруглу. Часть разсказовъ о немъ собрана поэтомъ Ходзько («Les aventures et les improvisations de Kourouglou,» въ «La Bevue independante etc, t. IV. Paris, 1843»). – Въ приведенной эпитафіи Мурадъ-Герай-Ханъ называется *Кербелайскимъ мученикомъ (шегидомъ)*. *Шегидами* признаются у мусульман всѣ, павшіе на войнѣ за вѣру (Исламизмъ). Они пользуются, по ихъ понятіямъ, первенствомъ въ раю и всѣми удовольствіями по преимуществу, обѣщанными Мухаммедомъ своимъ послѣдователямъ. *Кербелайскій* происходитъ отъ *Кербелѣ*, храма Имама Хусейна, въ Персіи. – Шегиды представляются какъ-бы первенствующими стражами этого храма. Уваженіе мусульманъ къ шегидамъ столь велико, что даже обрядъ погребенія ихъ отличается отъ обряда погребенія прочихъ умершихъ. Тѣло шигида не требуетъ ни омовенія, ни сава-на (кефинъ), потому-что они омылись уже собственною кровію и лучшимъ облаченіемъ для нихъ служить та самая одежда, въ которой они удостоились мученической смерти. («Полная картина Оттоманскія имперіи,» въ двухъ частяхъ: первая замыкаетъ въ себѣ законоположеніе магометанства; другая исторію Оттоманскія Имперіи. Труды г. Д'Оссона и пр.» Спб. 1795 г.).

Калга Селимъ-Герай-Султанъ (№ 16).

«Калга, Селимъ-Герай-Султанъ, сынъ Арсланъ-Герай-Хана, говаривалъ: не прилѣпляйся

къ міру, онъ не вѣченъ! Никакой смертный да не обманывается почестями міра, ибо онъ, будетъ-ли то старецъ или юноша, подобно мнѣ, когда нибудь умретъ. Хронограмма его видна въ стихѣ Корана, гдѣ Богъ несомнѣнно говоритъ: всякъ, кто на ней (землѣ), не вѣченъ. 1173 г.» (1757 г. по Р. Х.).

Селимъ-Герай-Ханъ (№ 17).

«Онъ (Богъ), Творецъ, вѣченъ! Покойный Селимъ-Герай-Ханъ, сынъ покойнаго Капланъ-Герай-Хана, сына покойнаго Хаджи-Селимъ-Герай-Хана, да помилуетъ ихъ Богъ святостію молитвы. 1161 г.» 1747 г. по Р. Х.).

Вокругъ этой же гробницы написано:

«Тому, кто заботился о приобрѣтеніи милости Божіей, сказали:

«Смерть есть чаша съ виномъ, которую пьютъ все живое. Могила есть жилище, въ которую входитъ всякій человѣкъ.»

Айвазъ-Герай-Султанъ (№ 18).

«Посѣщать могилу умершаго, значитъ молиться за него. Молитва ваша есть пища души усопшаго. Молитесь! чтобы хронограмма его была угодна Богу: Айвазъ-Герай разстался съ жизнію. Молитва за упокой его души. 1137 г.» (1724 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Между многочисленными эпитафіями, уцѣлѣвшими на ханскомъ кладбищѣ, это одна, отличающаяся простою и глубокимъ чувствомъ, эпитафія, въ которой не упоминается, чей былъ сынъ Айвазъ-Герай Султанъ.

Хаджи-Дервишъ-Ага (№ 19).

«Вѣра въ коранъ да будетъ его другомъ, рай жилищемъ. Да помилуетъ его Богъ Всевышній безпредѣльно. Пусть посѣтитель могилы его прочтетъ

одну молитву, разсуждая отъ всей души о его положеніи. Молитва за упокой души усопшаго Хаджи-Дервишъ-Аги. 1145 г.» (1762 г. по Р. Х.).

Хаджи-Али-Ага (№ 20).

«Онъ (Богъ) всегда живъ, безсмертенъ! Этотъ міръ я нашелъ какъ-бы тѣнью призрака. Вотъ почему никто не спрашиваетъ о моемъ положеніи. Я говаривалъ: власть Божія, я покоренъ Его волѣ потому, что Всевышній отъ вѣчности такъ опредѣлилъ. Молитва за упокой души усопшаго, имѣющаго нужду въ милосердіи милостиваго Господа своего, Хаджи-Али-Аги, сына Ай-Тимуръ-Аги 1185 г.» (1771 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Дервишъ-Ага и Хаджи-Али-Ага не принадлежали къ фамиліи Гераевъ, но удостоились быть погребенными на Ханскомъ кладбищѣ, вѣроятно, по особенному къ нимъ уваженію, или важному посту, который занимали они при жизни, подобно многимъ другимъ, удостоившимся такой-же чести погребенія.

Девлетъ-Герай-Султанъ (№ 21).

«Онъ (Богъ), Творецъ вѣченъ. Эта гробница есть жилище одного прекраснаго юноши, котораго нѣжное тѣло судьба сравняла съ землею. Молитва за упокой души усопшаго Девлетъ-Герай-Султана, сына Хаджи-Герая. 1146 г.» (1733 г. по Р. Х.).

Хаджи-Селимъ-Герай-Ханъ (№ 22).

«Молитва за упокой души усопшаго Хаджи-Селимъ-Герай-Хана сына Девлетъ-Герай-Хана, сына Бахтъ-Герай-Султана, въ началѣ мѣсяца Шевваля (Августа) 1141 г.» (1728 г. по Р. Х.).

Сафія-Султана (№ 23).

«Эта гробница есть ложе одной прекрасной особы, которой нѣжное тѣло судьба, сравняла съ

землею. Молитва за упокой души усопшей Сафія (Софія) Султаны, дочери Девлетъ-Герай-Хана. 1150 г.» (1737 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Женскіе памятники отъ мужскихъ отличаются тѣмъ, что вмѣсто чалмы, на возвышающемся у изголовья столбѣ или мраморной доскѣ, выдѣланъ родъ клобука. Надписей, уцѣлѣвшихъ на женскихъ памятникахъ, очень немного и тѣ отличаются не только одинаковымъ содержаніемъ, но почти одними и тѣми-же словами. Исключеніе составляютъ приведенная выше и ниже приводимыя.

Мехбубе-Султана (№ 24)

«Онъ (Богъ), Творецъ вѣченъ! Въ цвѣтникеѣ міра я была роза и, увь, завяла. О, Вѣчный! помѣсти меня въ цвѣтникъ рая. Ради Бога! Молитва за упокой души усопшей Мехбубе-Султанъ-Ханымъ, дочери Хаджи-Али-Аги. 1202 г.» (1787 г. по Р. Х.).

Ферахъ-Султана (№ 25)

«О сердце! не вѣрь суетному міру; рано или поздно ты расквѣтѣшь наконецъ, увидишь, что этотъ міръ вѣроломъ, что онъ безпрестанно смѣется тебѣ въ глаза и тебя унижаетъ. Много было въ мірѣ царей, всѣ они переселились въ вѣчность. Ферахъ-Султана-Ханымъ, оставивъ свѣтъ счастья, поразила насъ горестію. На двенадцатомъ году жизни она неожиданно испила сладость чаши смерти. Гдѣ этотъ молодой отпрыскъ райскаго сада, этотъ алмазъ, перлъ чистоты, кипарисъ вертограда скромности, эта несравненная жемчужина мудрости? Солнце это, взглянувъ на бытъ міра, равнодушно скрылось за облака. Итакъ да освѣтитъ ее Богъ свѣтомъ славы, да проститъ ей прегрѣшенія ея и помилуетъ. Хронограмма ея: ангелъ прилетѣлъ и улетѣлъ: рай сталъ жилищемъ Ферахъ-Султаны.»

Примѣчаніе. Чья дочь была Ферахъ-Султана, въ надписи не означено, хотя это самая длинная эпитафія изъ числа уцѣлѣвшихъ надъ женскими памятниками. Не означенъ также годъ кончины цифрами, какъ на другихъ гробницахъ.

Азаматъ-Герай-Султанъ (№ 26).

«1147 года, мѣсяца Сефера (Декабря) Азаматъ-Герай-Султанъ, будучи перекопскимъ Беемъ, оставилъ ничтожную эту жизнь. Да будетъ рай его жилищемъ, а собесѣдниками райскія гуріи. Если кто помолится за упокой его, то милосердый Богъ помилуетъ его святостію молитвы. 1147 г.» (1734 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Должность и санъ Оръ-Бей, начальника (коменданта) перекопской крѣпости принадлежали одному изъ ближайшихъ родственниковъ царствовавшего хана, до тѣхъ поръ, пока Турція, присвоивъ себѣ важнѣйшіе пункты на всемъ полуостровѣ, не размѣстила въ нихъ свои гарнизоны, подъ начальствомъ своихъ пашей, такъ-что и должность перекопскаго коменданта, или Оръ-Бей, принадлежавшая de jure одному изъ братьевъ царствовавшего хана, de facto была занимаема начальникомъ Турецкаго гарнизона.

Махмудъ-Герай-Султанъ (№ 27).

«Съ чистою совѣстію Махмудъ-Герай-Султанъ оставилъ этотъ суетный міръ. Умъ его всегда стремился въ рай, онъ достигъ его и бесѣдуетъ съ прелестными гуріями, хотя нынѣ глухъ къ словамъ *Дври* (имя поэта), который, въ день кончины его, сказалъ хронограмму: переселился Махмудъ-Герай, свѣтъ вѣры, въ фирдевсѣ. 1119 г.» (1708 г. по Р. Х.).

Менгли-Герай-Ханъ (№ 28).

«Менгли-Герай-Ханъ, счастливый самъ по себѣ и родомъ, поспѣшно удалился изъ дома суетной

временной жизни въ вѣчную. Хронограмма его слѣдующая: Менгли-Герай-Ханъ отправился по дорогѣ вѣчности. 1152 г.» (1739 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Надъ этимъ памятникомъ, находящимся влѣво отъ второй ротонды или малой мечети на кладбищѣ, нѣкогда была устроена красивая круглая бесѣдка, отъ которой остались въ настоящее время полуразрушенныя каменные колонны, обвитыя плющемъ. *Менгли-Герай II*, сынъ Хаджи-Селимъ-Герая принадлежалъ къ тому времени, когда Крымъ уже былъ близокъ къ своему паденію; когда ханы, быстро восходя на шаткій престолъ Гераевъ, еще быстрѣе были съ него низвергаемы или непостоянною политикою порты, или вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Въ первый разъ онъ былъ возведенъ на ханскій престолъ въ 1725 году. Наказаніе бунтовщиковъ, предводимыхъ Ширинъ-Беемъ, возбудило къ нему ненависть татаръ, и онъ долженъ былъ уступить престолъ Капланъ-Герая, послѣ пятилѣтняго управленія. Какъ несчастно было царствованіе Капланъ-Герая, уже было говорено при описаніи дворцовыхъ фонтановъ. («Позолоченный» фонтанъ). На его мѣсто вновь былъ возведенъ Менгли-Герай-Ханъ, выступившій противъ Русскихъ, находившихся подъ предводительствомъ Генералъ-Фельдмаршала Ласси. Менгли ожидалъ Русскихъ у Перекопа, котораго укрѣпленія были имъ исправлены. Но войска наши перешли Сивашъ у Арбатской стрѣлки, откуда ханъ не ожидалъ нападенія, по направленію къ Карасубазару, и заставили татаръ отступить. Дѣйствія Ласси, вслѣдствіе затруднительныхъ обстоятельствъ, ограничились тѣмъ, что онъ велѣлъ взорвать возобновленныя укрѣпленія Перекопа. Менгли-Герай-Ханъ покушался послѣ этого внести войну въ предѣлы Россіи, но смерть остановила исполненіе этого намѣренія.

Адиль-Ага (№ 29).

«Кто не смотритъ на могильный камень мой глазами разума, тотъ, пока не возвратится къ своему началу, не пойметъ моего положенія. Если спросятъ

о возрастѣ и имени сего мужа, то онъ уже дожилъ до 85 года, а имя его (Адиль-Ага) въ хронограммѣ: этотъ мужъ необходимъ былъ для дѣлъ хана. 1152 г.» (1739 г. по Р. Х.).

Исламъ-Бей (№ 30).

«Онъ (Богъ) Творецъ, вѣченъ! Покойный Исламъ-Бей, сынъ Хаджи-Али-Паши, убитый за вѣру! (Шегидъ на пути Божіи) внутри Крыма. Когда ударъ, нанесенный ему невѣрными, совершился, тогда соловей души его оставилъ тѣло его, уподоблявшееся розѣ. Молитва за упокой души его. 1150 г.» (1737 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Годъ смерти Исламъ-Бея совпадаетъ съ временемъ взятія Минихомъ Перекопа, въ которомъ турецкій гарнизонъ, сдавшійся на капитуляцію, былъ однакожъ частью истребленъ. Удалившіеся Турки находились подъ начальствомъ своихъ Пашей. Направившись къ Евпаторіи, войска Миниха во время слѣдованія къ этому городу имѣли нѣсколько не значительныхъ стычекъ съ Татарами, которымъ, вѣроятно, помогали турки и въ это время могъ быть убитъ и Исламъ-Бей. Таковъ смыслъ надписи.

Селяметъ-Бей (№ 31).

Онъ (Богъ) Творецъ вѣченъ! Покойный, убитый за вѣру (Шегидъ на пути Божіи) въ Ферхкерманскомъ сраженіи, Селяметъ-Бей, сынъ Хаджи-Али-Паши. (стихъ). Селяметъ-Бей палъ за вѣру. Молитесь за упокой его души и да осчастливить насъ Господь Богъ ходатайствомъ его предъ Нимъ. 1150 г.» (1737 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Надгробные памятники Исламъ-Бея и Селяметъ-Бея отличаются, сравнительно, бѣльшимъ изяществомъ и качествомъ мрамора, чѣмъ памятники надъ прахомъ Гераевъ. Это преимущество оказано имъ, вѣроятно, какъ

Шегидамъ, мученикамъ за вѣру, и въ то-же время сановникамъ турецкимъ. Гдѣ именно находился *Ферхкерманъ*, у котораго, въ битвѣ, палъ Селяметъ-Бей, мы не могли доискаться и полагаемъ, что сочинитель надписи сдѣлалъ ошибку, т. е. измѣнилъ какъ нибудь, даже безъ умысла, названіе.

Хаджи-Али-Паша (№ 32).

«Молитва за упокой души главнаго сановника дивана высокостепеннаго хана, усопшаго Хаджи-Али-Паши; да будетъ надъ нимъ милосердіе Божіе! Священнаго мѣсяца Зиль-Хидже (Сентября) 1146 г.» (1733 г. по Р. Х.).

Мурадъ-Бей (№ 33).

«Кто не смотритъ на могильный (надгробный) камень мой глазами разума, тотъ, пока не возвратится къ своему началу, не пойметъ моего положенія. Здѣсь погребенъ извѣстный помощникъ въ ханскомъ управленіи Мурадъ-Бей; по волѣ Божіей, на 85 году жизни, въ 1158 г.» (1745 г. по Р. Х.).

Зейнебъ-Султана-Ханымъ (№ 34).

«О разлука, разлука! Молю Бога, чтобы онъ наполнилъ могилу мою свѣтомъ и далъ бы мнѣ въ собесѣдники райскихъ юношей. Молитва за упокой Зейнебъ-Султанъ-Ханымъ, дочери Абдуль-Вели-Паши. 1204 г.» (1789 г. по Р. Х.).

Максудъ-Герай-Султанъ (№ 35).

«Такъ-какъ душа праведнаго Максудъ-Герай-Султана, оставившаго этотъ міръ изъ любви къ міру высшему, постоянно находила удовольствіе въ созерцаніи добра; то да будутъ гуріи собесѣдницами его, а высшій рай (фирдевсъ) жилищемъ. Дурри (имя поэта, сочинившаго эпитафію), услышавъ о

его кончинѣ, написалъ полную его хранилищу: да увидетъ въ рай Максудъ-Герай. Молитва за упокой его души. 1199 г.» (1697 г. по Р. Х.).

Адиль-Герай (№ 36).

«Высокопоставленный сынъ Селимъ-Герай-Хана, оставивъ этотъ суетный міръ, перешелъ въ жизнь вѣчную. Въ этомъ мірѣ Адиль-Герай былъ наместникомъ Крымской страны (Калгой-Султаномъ), въ будущей-же жизни да удостоится онъ трона. 1147 г.» (1734 г. по Р. Х.).

Хаджи-Мухаммедъ-Шахъ-Бей (№ 37).

«Онъ (Богъ) Творецъ, вѣченъ! Посѣщать могилу умершаго, значитъ взаимно молиться: сегодня за меня, а завтра за тебя. Молитва за упокой усопшаго Хаджи-Мухаммедъ-Шахъ Бея, сына Абдуль-Вели-Паши. 1220 г.» (1817 г. по Р. Х.).

Въ двухъ мавзолеяхъ или небольшихъ мечетяхъ, находящихся на томъ-же ханскомъ кладбищѣ, о которыхъ было упомянуто выше, только не многіе памятники или гробницы украшены надгробными надписями; на прочихъ только небольшіе ярлычки съ означеніемъ имени усопшаго и года кончины. Три памятника, превосходной, по времени, отдѣлки, украшены не менѣе замѣчательными, по содержанію и слогу, надписями. Эти памятники воздвигнуты надъ прахомъ: *Девлетъ-Герай-Султана*, *Мехмедъ-Герай-Хана* (Мухаммедъ-Герай-Хана) и *Кая-Ханымъ*, дочери Хаджи-Селимъ-Герая-Хана.

1. Девлетъ-Герай-Султанъ (№ 38).

На переднемъ столбѣ:

Молитва за упокой усопшаго Девлетъ-Герай-Султана-Гази, сына Мубарекъ-Герай-Султана, сына Девлетъ-Герай-Хана.»

На заднемъ столбѣ:

«Оставивъ этотъ суетный міръ, онъ переселился въ вѣчность. Люди съ душою, собравшись погоревать и поплакать объ немъ, написали его хранограмму: да будетъ надъ нимъ вѣчно милосердіе Божіе. Скончался въ началѣ мѣсяца Джумази-Эль-Эввеля (Апрѣля), 1041 г.» (1631 г. по Р. Х.).

2. Мухаммедъ-Герай-Ханъ (№ 39).

«Мухаммедъ-Герай-Ханъ, сынъ высокостепеннаго Селимъ-Хана. Это нѣжная краса вѣнца высокаго рода, спасая драгоцѣнную жизнь свою изъ тѣснаго дома временной жизни, перекочевалъ на обширный лугъ вѣчности. Алмазное это кольцо меридіана могущества, хранимое въ завидномъ тайникѣ, было драгоцѣнностью, которую неблагоприятная судьба еще въ новомъ быту зарыла въ землю. О Бахты (имя поэта), жаль, что вѣтеръ насчастія задулъ свѣчу жизни человѣка съ душою. 1100 г.» (1689 г. по Р. Х.).

Примѣчаніе. Мухаммедъ-Герай-Ханъ, братъ Исламъ-Герай-хана, вступилъ на престолъ послѣ брата своего, въ 1655 году. Другъ поляковъ, онъ былъ непримиримымъ врагомъ казаковъ и, какъ пишетъ Сестренцевичъ-Богушъ, заставилъ этихъ послѣднихъ признать надъ собою власть Польши¹⁵. Дружба съ поляками дѣлала Мухаммедъ-Герая естественнымъ врагомъ Россіи; но какъ всѣ Крымскіе Ханы, исключая Менгли-Герая I, не отличались постоянствомъ ни во враждѣ, ни въ дружбѣ, то и Мухаммедъ-Герай въ скоромъ времени сдѣлался союзникомъ русскихъ, потому, – какъ утверждаетъ тотъ-же авторъ, что Швеція, которой Мухаммедъ-Герай предложилъ свой союзъ, отказала ему въ денежномъ пособіи, и еще потому, будто-бы, что они (Татары) получили отъ царя

¹⁵ См. «Исторія о Тавріи» и пр. Спб. 1808 г. т. 2 стр. 317.

Алексѣя Михайловича предложеніе о ежегодномъ вспоможеніи деньгами, съ обѣщаніемъ выплатить недоимки за семь лѣтъ.

3. Кая-Ханымъ (№ 40).

«У Хаджи-Селимъ-Хана была невинная дочь. Судорожный страхъ поразилъ мою душу, когда я услышалъ о ея смерти. Такъ какъ тлѣнный міръ отъ вѣтхости клонился къ разрушенію; то Кая-Ханымъ, сознавая, что пороковъ міра сего ни кто не исправить и не можетъ продлить въ немъ свое существованіе ни на одинъ мигъ, удалилась въ вѣчность 1130 г.» (1718 г. по Р. Х.).

Этими надписями, какъ заслуживающими особеннаго вниманія съ одной стороны, и болѣе сохранившимися съ другой, оканчиваемъ обзоръ ханскаго кладбища.

Строенія на лѣво, по выходѣ изъ кладбища, заняты были, во времена хановъ, помѣщеніемъ отборной ханской стражи; они оканчиваются почти такою-же бесѣдкой (родъ павильона), какъ и надъ главными воротами. Изъ подъ этой послѣдней бесѣдки выходъ на небольшой дворикъ, а изъ этого послѣдняго къ мечети, построенной надъ гробницей *Дилляра-Бикечъ* (мнимой Маріи Потоцкой). Распространяться объ этомъ, послѣ сказаннаго уже прежде, считаемъ излишнимъ. Даже мнѣніе, что «Дилляра-Бикечъ» была Грузинка-Христіанка, должно быть отвергнуто. Это мнѣніе подкрѣпляютъ обыкновенно тѣмъ, что, если-бы Дилляра-Бикечъ была мусульманка, то отъ чего ей не быть погребену на общемъ ханскомъ кладбищѣ, а внѣ дворцовой ограды; но возлѣ мавзолея надъ ея прахомъ погребено много мусульманъ, въ томъ числѣ нѣсколько султановъ изъ фамиліи Гераевъ, памятники надъ прахомъ которыхъ въ 1845 году были довольно замѣтны. Входъ во внутрь мечети заложенъ на глухо и когда прекращено въ ней богослуженіе, положительно ни кто немогъ объяснить; но извѣстно, что внутри, на лѣвой стѣнѣ мечети, есть надпись, въ которой

упоминается имя «Дилляра», въ честь которой она построена, въ 1178 г.» (1764 г. по Р. Х.).

«Молитва за упокой души усопшей Дилляра-Бикечъ.»

«Ханскія бани,» находящіяся внѣ дворцовыхъ зданій, въ небольшомъ узкомъ переулкѣ, повыше водоема, что подлѣ Ханъ-Джами или дворцовой мечети, составляющія съ давняго времени частную собственность, заслуживаютъ вниманія только по надписи, сохранившейся надъ входомъ въ мужское отдѣленіе, которая, притомъ, одна можетъ служить доказательствомъ тому, что это были дѣйствительно ханскія бани. Вотъ ея переводъ:

«Эта баня построена по повелѣнію Султана Адиль-Сахиба-Герая, сына Менгли-Герая-Хана, въ 939 году.» (около 1513 – 15 года по Р. Х.).

Август 1863 г.

Симферополь.

Чернышев А. Дворцовый двор в Бахчисарае. Рисунок. 1861 г.

26.89/24 Черк
№ 25 8965

• СЕРКИ • КРЫМА

КАРТИНЫ
КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ИСТОРИИ И ПРИРОДЫ

Евгенія Маркова

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
съ 257 картинами и рисунками

8965

О О ИЗДАНИЕ О О
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

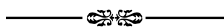
Евгений Львович Марков

1835-1903

Евгений Львович Марков – русский писатель-путешественник, литературный критик, этнограф, крымовец, потомок одного из трех дворянских родов Марковых, восходящих к началу XVII в. Он родился и вырос в родовом имении Патебник Щигровского уезда Курской губернии. Учился в Курской гимназии и Харьковском университете, где закончил курс, став кандидатом естественных наук. После двухлетнего заграничного путешествия, во время которого он слушал лекции в знаменитых европейских университетах, в 1859 г. Марков поступил учителем в Тулу. Благодаря статье Маркова о яснополянской школе Л. Толстого на него обратили внимание в Министерстве народного просвещения, и ему было предложено место в ученом комитете. В 1865 г. состоялось его назначение директором Симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму. В начале 1866 г. Марков приезжает в Крым.

«Очерки Крыма», в которых с такой любовью и в такой художественной форме изображена природа Крыма, его жизнь, история и памятники древности, навсегда связывают имя Е. Л. Маркова с Тавридой.

ОЧЕРКИ КРЫМА КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ

III. Столица Гиреевъ

Татарскій Невскій проспектъ, ханскій дворецъ,
мечеть и усыпальница.

Вотъ онъ и Бахчисарай! Признаюсь, никакъ его не ожидаешь: лежитъ себѣ, спрятавшись въ лощинкѣ, и ни гугу! Въ полверстѣ проѣдешь – проглядишь. Это совершенно по-татарски. Татары такіе большіе охотники селиться вровень съ землею, чтобы кончика уха не было видно издали. Всѣ ихъ аулы по балкамъ, по ущельямъ. И самые дома вдобавокъ такіе низенькіе, словно къ землѣ прилегли; а крыши будто сплющены. Можетъ, сноровка стараго степняка-грабителя, который повадился и самъ прятаться, и другихъ подкарауливать. Ему, пожалуй, неловко на юру, гдѣ нужно смотрѣть откровенно и прямо на Божій свѣтъ.

Бахчисарай будто въ яму насыпанъ. Издали дома куча на кучѣ, – только-что не кверху ногами. Одни сбѣгаютъ съ одной горы, другіе съ другой, а внизу самая ихъ гуща... Зато какъ живописно, какъ непохоже на то, чѣмъ бываетъ нашъ русскій городъ...

С Бахчисараемъ та же исторія, что съ Константинополемъ. Имъ любуются издали, но, въѣхавъ въ него разъ, навсегда теряютъ охоту въѣзжать въ него. Главная почтовая улица Бахчисарая, длиною версты двѣ, тянется вдоль по скату горы, параллельно ущелью. Она мощена, но несмотря на мостовую, колеса моей коляски уходятъ по ступицу и танцуютъ во всѣ стороны; меня перекидываетъ изъ угла въ уголъ, и всѣ снасти экипажа стонутъ. Не забудьте, что пекло печетъ, и вездѣ по дорогѣ пыль. Качанье

моей коляски тѣмъ опаснѣе, что направо она можетъ стукнуться о лавочку мясника, а налѣво раздавить бакалейную торговлю. Если я высуну въ обѣ стороны свои руки, то, навѣрное, могу обѣими ухватиться за крыши домовъ, окаймляющихъ улицу.

[...]

Познакомившись съ бахчисарайскою роскошью и бахчисарайскимъ комфортомъ, примешь за дворецъ и почтовую станцію, тѣмъ болѣе настоящій дворецъ, хотя бы и татарскій. Снаружи онъ плоховатъ и немного общаетъ; по восточному обычаю, онъ идетъ оградю кругомъ двора; наверху торчатъ башенками живописныя мавританскія трубы; стѣны расписаны еще снаружи. Но внутри двора много уже разнообразія и оригинальной красоты... Просторный, свѣтлый, совершенно зеленый дворъ, обрамленный различными павильонами дворца, цвѣтничками и кое-гдѣ миндальными деревьями, – самъ по себѣ уже большая красота, особенно для жителей сѣвера, все еще помнящихъ свой московскій мартъ, и особенно для путешественника, испытавшаго бахчисарайскія улицы. Благодаря любезности коменданта дворца, всеми уважаемаго, гостепріимнаго старожилы Бахчисарая, я могъ расположиться въ одномъ изъ отдѣленій дворца и осмотрѣть все интересное.

Конечно, это не Альгамбра, не Кордова; но вѣдь у насъ, въ Россіи, не встрѣтишь другой такой постройки восточнаго стиля. Это одинъ изъ немногихъ архитектурныхъ документовъ когда-то процвѣтавшей здѣсь восточной жизни. Въ немъ нѣтъ почти слѣдов того изящества, той утонченной роскоши и фантастичности, которыми восхищаютъ путешественниковъ мавританскіе памятники. Все въ немъ довольно бѣдно, просто и прозаично. Это – арабская поэзія, воплощенная въ татарской головѣ. Но все-таки идея постройки и главные приемы ея чисто-восточные. Все зданіе очень велико; покойчики и залы прилѣплены другъ къ другу неправильными группами, образуя непрерывно уступы, спуски, повороты. Никакъ не поймешь мысли распредѣленія въ этомъ безпорядочномъ нанизываньи комнатъ на комнаты.

Комнаты, за небольшимъ исключеніемъ, крайне тѣсны. Тѣсны и тѣнисты; ясно, что жгучее солнце руководило мыслью зодчаго.

Въ Крыму, впрочемъ, вообще всѣ постройки проникнуты мыслью о тѣни, о прохладномъ уголкѣ. Тѣнистость условливается, между прочимъ, исключительнымъ господствомъ цвѣтныхъ стеколъ въ небольшихъ окончикахъ дворца. Эти стекла представляютъ затѣйливые и яркіе узоры, въ своихъ мастерскихъ алебастровыхъ рамочкахъ; рѣдко попадаетъ простое окно: то пестрая розетка, то какая-нибудь непонятная фигура, и всѣ помѣщены очень высоко... Но специально прохладными и тѣнистыми пріютами должны были служить *рѣшетныя комнаты*. Это просто большіе балконы въ поворотахъ зданія, обнесенные вмѣсто стѣнъ мельчайшею и очень красивою рѣшеткою. Снаружи ничего не разглядишь за этою мелкою сѣтью, но изъ-за нея рѣшительно все видно, а уже продуваетъ за то, какъ нигдѣ.

Солдатъ-чичероне объяснилъ мнѣ, что отсюда «онъ чернъ свою обозрѣвалъ»; изъ его различныхъ толкованій вообще я замѣтилъ, что онъ составилъ себѣ твердое понятіе о какомъ-то *одномъ ханѣ*, котораго онъ называлъ Крымъ-Гирей-Ханомъ, и къ которому исключительно относилъ всѣ извѣстныя ему событія, между прочимъ и постройку дворца; говорилъ со мною этотъ солдатъ весьма обыкновеннымъ и идущимъ къ дѣлу тономъ, но только-что входилъ въ новую комнату, вдругъ разомъ вытягивался во фронтъ, сдергивалъ съ себя шапку и произносилъ какимъ-то торжественно-официальнымъ голосомъ: «*комната Марьи Потоцкой; государыня императрица изволила останавливаться въ такомъ-то году*», и потомъ, словно ни въ чемъ не бывало, опять продолжалъ какой-нибудь рассказъ, инымъ, уже естественнымъ своимъ голосомъ.

Видно было, что в этомъ фронтѣ и выкрикиваніи онѣ полагалъ особенное мастерство, которое его отличаетъ отъ непосвященныхъ или неопытныхъ путеводителей. Впрочемъ, онѣ обходился въ своихъ коментаріяхъ больше съ помощію Крымъ-Гирей-Хана да *Марьи Потоцкой*. Что ни спросишь –

все у него Крымъ-Гирей да Марья Потоцкая; деревянные башмаки для бань – Марьи Потоцкой, кровать – Марьи Потоцкой. Послѣ, я уже самъ разсмотрѣлъ, что кровать, по всей вѣроятности, сдѣлана въ Симферополѣ и не считаетъ своего возраста десятками лѣтъ.

Марія Потоцкая – это героиня *фонтана слезъ*. Фонтанъ этотъ, к несчастію, нисколько не въ состояніи поддержать своей поэтической славы... Во-первыхъ, этотъ фонтанъ не гдѣ-нибудь въ гаремѣ, не внутри дворца или сада, а просто въ огромныхъ, пустыхъ сѣнцахъ дворца, у самого главнаго входа. Какъ-то трудно вообразить себѣ мѣстомъ поэтическаго уединенія и мечтаній – сѣни около парадной лѣстницы. Да и самъ фонтанъ весьма некрасивъ: просто четырехугольный выступъ изъ стѣны, наподобіе печи или шкафа, и въ немъ съ фаса сдѣлана мраморная доска съ надписями, а подъ ней маленький бассейнчикъ... Сюда медленно падаетъ изъ отверстія доски та струя слезъ, которую воспѣлъ поэтъ... Въ сѣнцахъ сыро и непріятно, видны входы въ разные мрачные подвалы; вообще, многое въ нихъ настраиваетъ на насморкъ, но рѣшительно ничто не настраиваетъ на поэтическій тонъ.

Пестрота восточной живописи и архитектуры – пестрота, лучше всего выразившаяся въ узорѣ персидскаго ковра или турецкой шали, – очень пріятна глазу... Какой-то такой, самъ себя сглаживающій и уравнивающій колоритъ; дисгармонія, доведенная до гармоніи своего рода... У восточнаго жителя все проникнуто этою успокоительною пестротою... Потолки расписаны, стѣны расписаны, двери и окна расписаны, полы расписаны въ рогожкахъ и коврахъ, даже зеркала, столики, табуреты и диваны – и тѣ расписаны до послѣдняго уголка... Это и оригинально, и весело... Красныя съ позолотою и голубыя съ позолотою двери сливаются съ хитрыми арабесками стѣнъ и потолковъ... Очень красивы и характерны, хотя весьма неудобны къ употребленію, турецкіе табуреты и столики, обложенные перламутровою мозаикою; зеркальца въ какихъ-то стеклянныхъ, съ подкладки раскрашенныхъ, раззолоченныхъ рамкахъ, украшенныхъ полумѣсяцами и всякими фигурами...

Въ нѣкоторыхъ комнатахъ еще цѣлы стѣнные шкапчики, и въ нихъ стоитъ разная стеклянная и мѣдная посуда, довольно цѣнная... Эти шкапчики тоже разноцвѣтные, со всевозможными узорами... Комнатъ множество. Солдатъ смѣло обозначалъ ихъ – то спальнею Екатерины, то столовою императора Николая, то кабинетомъ своего неизмѣннаго Крымъ-Гирея; но я его, разумѣется, не слушалъ. Болѣе другихъ заняла меня комната судилища – огромная зала въ нижнемъ этажѣ – съ сидѣньями по стѣнамъ, съ весьма ярко-расписанными потолками, съ рѣшетною тайною комнатою для хана, помѣщенною въ видѣ хоръ. Изъ кабинета хана сюда ведетъ темный и тайный коридоръ. Предполагалось, что ханъ могъ присутствовать, незамѣченный судьями, и судьи должны были быть постоянно насторожѣ. Подобныя дѣтски-наивныя средства къ водворенію правосудія принимались когда-то и не такими безхитроострыми правителями, какъ татарскіе Гирей-Ханы; слава какихъ-нибудь Гарунъ-аль-Рашидовъ основывалась на изобрѣтеніи и упражненіи именно такихъ жалкихъ мѣрх личнаго надзора и личнаго вмѣшательства, потому что на государство еще не умѣли тогда смотрѣть иначе, какъ на большой хозяйскій домъ.

Дѣтскому понятію о правосудіи татарскихъ хановъ соотвѣтствуютъ и дѣтскіе ихъ вкусы въ выборѣ украшеній. Кабинетъ Менгли-Гирея, кажется, отличается особенно тщательнымъ и, по тогдашнему понятію, вѣрно, рѣдкимъ убранствомъ. Стѣны покрыты лѣпными изображеніями лимоновъ, винограда и разныхъ плодовъ; за стекломъ, въ верхней часты стѣны, помѣщены маленькіе цвѣтнички восковыхъ цвѣтовъ – чистые сады вавилонскіе. Теперь ребенокъ недолго-бы утѣшался на эти лѣплюшки. Около есть комната, изъ которой старые баловники-дѣти утѣшали себя созерцаніемъ красоты, обнаженной отъ всѣхъ стѣсняющихъ ее покрововъ... Подъ окнами этой комнаты, окруженной стѣнами, цвѣтетъ милый пустынный садикъ, съ вѣчно-зелеными кустами букса, нарцисами, розами, ирисами, миндалемъ и виноградною бесѣдкою... Тутъ посрединѣ бассейна и фонтанъ бѣлаго мрамора – мраморныя ступени и

скамейки, на которыхъ нѣжились въ лѣтніе жары, недоступныя ничьему постороннему взору, гуріи гарема... Эту статью, впрочемъ, ханы обдѣлывали далеко не съ такою ребяческою наивною, какъ дѣла народнаго правосудія. Гаремъ стоитъ сзади дворца въ такомъ уединенномъ и недоступномъ дворикѣ, среди такихъ высокихъ и глухихъ стѣнъ, что дѣйствительно нужно было много безумія и ловкости, чтобы рискнуть проникнуть въ этотъ заповѣдный уголокъ.

Солдату почему-то казалось, что у Крымъ-Гирея было *семьдесятъ семь женъ*, и что около стѣнъ было построено имъ *семьдесятъ семь нумеровъ*, а главная его жена (опять-таки *Марья Потоцкая*) жила въ сохранившемся до сихъ поръ павильонѣ посреди двора. На дворѣ есть нѣсколько прекрасныхъ абрикосовыхъ и миндальныхъ деревьевъ, можетъ быть, сверстниковъ не одного Гирея... Около гаремнаго дворца возвышается высокая деревянная башня, прозванная Соколиною. Увѣряютъ, что на эту башню дозволялось всходить одалискамъ – любоваться на соколиную охоту хановъ.

Больше всего остатковъ старинной живописи и старинной утвари сохранилось въ ханской мечети. Дворецъ такъ часто былъ разрушаемъ войною и пожарами, что почти ничего не осталось въ первоначальномъ видѣ. Въ 1836 году онъ сгорѣлъ почти до тла; наконецъ, въ севастопольскую войну онъ былъ обращенъ въ военный госпиталь, а это стоитъ и Миниха, и пожара вмѣстѣ. Его, конечно, старались реставрировать по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, и даже нарочно посылали знающихъ караимовъ въ Константинополь за пастишь старинной восточной мебелью и другою утварью для дворца; но, надо признаться, наши реставраторы совершенно не поняли духа восточной живописи, и своими отчетливыми, свѣжими и яркими узорами совершенно удалились отъ сливающейся и перепутывающейся пестроты восточнаго арабеска, въ которомъ трудно уловить отдѣльную черту, отдѣльную краску.

Персидскій коверъ – вотъ типъ восточной колористики и восточной узорности. На хорахъ ханской мечети уцѣлѣли остат-

ки настоящей татарской живописи; тамъ вообще больше старины, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ дворца. Даже цѣла весьма интересная изразцовая стѣна, чрезвычайно прочной работы. Признаться, я никогда до сего времени не видалъ внутренности мечети, и такъ-какъ крымскія мечети вообще отличаются крайнею тѣсною и бѣдностью, то мнѣ любопытно было взглянуть на этотъ, сравнительно блестящій, образчикъ татарскаго зодчества.

Общій характеръ внутренности мечети – простота и прозаичность – болѣе всего напоминаетъ лютеранскую церковь. Огромная, почти темная зала съ хорами, вся устланная старыми персидскими коврами, составляетъ мечеть. Съ потолка спускаются паникадила самой дѣвственной простоты: широкіе, деревянные трехугольники со стаканчиками и подсвѣчниками, весьма пыльные и некрасивые. Вдоль передней стѣны, увѣшанной хартіями, низенькія табуреточки съ закрытыми коранами и рядъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, разставленныхъ самымъ несимметричнымъ образомъ. Посрединѣ этой стѣны небольшой альковъ, и въ немъ какая-то загадочная святыня: три мѣдные шара съ занавѣсочками; трудно, впрочемъ, понять, что именно... Ясно только, что это центръ моленій. Самая красивая вещь въ мечети – это каѳедры изъ рѣзного орѣха, весьма высокія и крутыя, похожія на обыкновенныя лютеранскія или католическія. Путеводитель мой объяснилъ мнѣ, что «с этихъ лѣстницъ, ваше благородіе, *кураны читаютъ*». – Какіе кураны? – «А вотъ у нихъ по скамеечкамъ кураны понакладены, все равно, какъ у насъ евангеліе», объяснилъ солдат, – «Ты бывалъ, когда служатъ?» спросилъ я. – «Вота! у нихъ вѣдь часто служба; каждачасно, только не подолгу. Какія слова и понять можно: тоже это «господи-помилуй» и «аллилуйя», какъ у насъ. А больше всего кланяются.»

Закончили мы ханскою усыпальницею. Она рядомъ с мечетью, въ общей связи двора... Черезъ узенькую калиточку входишь въ весело цвѣтущій миндальный садикъ, съ жужжащими пчелами и густою зеленою травою... Среди этой травы стоитъ

нѣсколько высокихъ каменныхъ гробовъ съ каменными чалмами въ головахъ. Но это только придверники. Изъ садика вы входите въ сырую и пустую, круглую башню, засаженную гробами... Тутъ уже мрачно и гнило. Тутъ не однѣ чалмы, тутъ и каменные женскія шапочки надъ гробницами ханскихъ женъ... На каждомъ гробѣ неизбѣжный стихъ изъ Алкорана. На нѣкоторыхъ изсѣчены какія-нибудь сооруженья: на Менгли-Гиреѣ, напримѣръ, грозная тяжелая сабля. Гробницы стоятъ враздробь и вообще находятся безъ всякаго призора. Нѣкоторыя даже разбиты. А между тѣмъ, по остаткамъ разноцвѣтныхъ повязокъ на шапочкахъ и чалмахъ замѣтно, что еще не очень давно какая-нибудь вѣрная рука воздавала почестъ покойникамъ. Пообѣдалъ я у коменданта дворца г. Ш., гостепріимство котораго пользуется заслуженною репутаціею во всемъ Крыму. А между темъ, у воротъ уже стояли осѣдланныя лошади, и проводникъ-цыганъ, терпѣливо скорчившись на солнечномъ жару, ожидалъ моего выхода.

Смирнов Б. В. Дворцовый сад. 1906 г.

**М.А. Сосногорова,
Г.Э. Караулов, К.А. Вернер,
Н.А. Головкинский**

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО КРЫМУ**

Киев
Издательский дом «Стилос»
2010

КРУ БИКЗ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 103_50

Мария Александровна Сосногорова

1820-1891

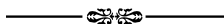
Мария Александровна Сосногорова – издатель, краевед. В 1830 г. вместе с родителями переехала в Крым. Во время частых поездок по Крыму прекрасно изучила полуостров.

Свою литературную деятельность она начала в «Одесском Вестнике», где достаточно долгое время публиковались ее статьи о крымских достопримечательностях. В 1869 г. в 194 и 196 номерах были напечатаны ее «Воспоминания» о Крымской кампании. Затем Сосногорова сотрудничала с «Русским Вестником», где в числе других вышла статья «Металлические памятники в Крыму».

В 1878 г. вместе с Григорием Эммануиловичем Карауловым издала «Путеводитель по Крыму», выдерживший пять изданий и пользовавшийся широкой популярностью как за полноту своего содержания, так и за массу интересных исторических сведений о крымских памятниках, которым издатели отвели большую часть путеводителя.

БАХЧЕСАРАЙ

*Местоположение города и его прошлое. – Гостиницы
и извозчики. – Главная улица и лавки. – Ханский дворец;
фонтаны; сады. – Ханская мечеть и кладбище. –
Экскурсии в окрестности*

Бахчесарай (44°56' северной широты, 51°33' восточной долготы), теперь заштатный город Симферопольского уезда, был столицей и местопребыванием крымских ханов с 1422 г. по 1783 г., то есть до присоединения Крыма к России. Он и теперь еще сохранил свой татарский, чисто восточный характер. Из 12 тысяч его жителей только одна шестая часть – христиане, остальные – по преимуществу магометане.

Глубокое ущелье, в котором лежит Бахчесарай, имеет в длину около 5 верст, а в ширину в самом широком месте – менее одной версты. Направление ущелья почти с запада на восток; с обеих сторон, особенно с северной, нависли желтовато-белые скалы мелового и нуммулитового известняка. Дома и сады расположены частью по крутым каменистым склонам, частью по наносной низменности речки Чурюк-Су, в переводе – *гнилая вода*. Над крышами домов и садами живописно возвышаются тонкие островерхие минареты многочисленных мечетей и старые итальянские тополя.

Название *Бахчесарай* значит *дворец садов*. Он был основан века четыре тому назад. Раньше столицей ханов был *Старый Крым*, или *Солхат*. Во времена ханов Бахчесарай был многолюден и богат; богат был и его дворец и украшен со всей прихотливой восточной роскошью. Во время войны с русскими он два раза горел, в первый раз в 1736 году, когда сгорела и иезуитская коллегия с библиотекой. Дворец три раза обновлялся: в 1787, 1837 и 1857 годах, но уже не мог быть восстановлен с прежним великолепием. Бахчесарай славится многочисленностью фонтанов и несколькими искусственными бассейнами.

Вода в фонтанах свежа, прозрачна и приятна на вкус. Некоторые писатели претендуют даже (как, например, де ла Мотрай), что вода в бахчесарайских фонтанах самая легкая «по всей Татарии-Турции». Всех фонтанов в городе и его предместьях 119; их питают 32 натуральных источника. Фонтаны содержатся хорошо, за исправностью их наблюдают особые попечители (из татарских мулл).

В Бахчесарае более тридцати мечетей, одна православная церковь, одна армянская и одна караимская синагога, две высшие татарские школы (медресе), почтово-телеграфная контора, аптека и прочие, обычные в каждом городе учреждения. К числу достопримечательностей следует отнести две восточные бани. [...]

При въезде в город со станции железной дороги или с шоссе стоят старинные каменные ворота в виде скромной триумфальной арки, существующие со времен ханов. На них обозначен «1787 год, 25 мая», в память въезда в ханскую столицу императрицы Екатерины II. От ворот начинается *главная* и, вместе с тем, единственная улица города; все остальные представляют только крайне неправильные проезды между дворцами и садами. Улица очень узка, дурно вымощена и неопрятна. По сторонам бесчисленное множество низеньких лавочек. Тут куют, пекут, жарят, шьют и продают всякую всячину. Для приезжего, не знающего восточных городов, эта улица должна казаться любопытной.

В бахчесарайских лавках есть большой выбор татарских вещей. Приезжие обыкновенно покупают здесь шитые золотом чадры (покрывала), туфли, сумки, пояса и т. д.

Ханский дворец находится на южной стороне речки; мост через последнюю ведет прямо в дворцовые ворота; за воротами обширный двор с газоном и деревьями. В глубине двора вход в квартиру бахчесарайского городничего, который заведует дворцом и дает разрешение на осмотр его. Дав разрешение, заведующий дворцом прикомандировывает к посетителям одного из служителей, который показывает достопримечательности.

При входе во дворец, над главными дверями, находятся две надписи, одна над другой. Вверху золотыми буквами в кругу написано: «Владелец этого дворца и повелитель сей страны султан всемилостивый, Менгли-Гирей-хан, сын Хаджи-Гирей-хана, да помилует Бог его и родителей его в обоих мирах». Нижняя надпись такого содержания: «Этот великолепный вход и эти величественные двери сооружены по повелению султана двух материков и хана двух морей, султана, сына султана Менгли-Гирей-хана, сына Хаджи-Гирей-хана. 909 г.» (1503 по Р. Х.)

К достопримечательностям дворца принадлежат некоторые ханские комнаты с цветными стеклами, диванами и камином в своеобразном восточном вкусе; зала совета, или судилища, с особыми, закрытыми хорами, с которых хан мог незаметно наблюдать за делопроизводством; ханская молельня, слывающая молельней Марии Потоцкой; фонтан Марии, или «фонтан слез», воспетый Пушкиным. В саду гарема, составляющем особое отделение сада, есть большой каменный бассейн, в который, как «в пучину вод», была опущена ревнивая Зарема, по стихам «Бахчесарайского фонтана». Этот бассейн питает многочисленные фонтаны, составляющие главную красу ханского дворца. Их считают 13. В запущенном саду гарема есть прекрасные старые кусты буксуса и много плюща.

При входе в *гаремный сад* есть беседка, построенная, как говорят, в правление Каплан-Гирей-хана, сына Селим-хана. Над дверьми беседки написано: «О, открывающий двери! Отвори нам наилучшую дверь».

Хотя в дворцовых садах нет редких растений, нет вообще никакой роскоши, но много зелени и уюта; эти отовсюду замкнутые зеленые дворiki с вечно журчащими фонтанами полны покоя и навевают воспоминания о давно минувшем.

Верхние сады, куда вела существующая и теперь лестница, увитая виноградом, были вырублены при взятии и разрушении Бахчесарая войсками фельдмаршала Миниха в 1736 году.

Кроме дворца и садов, можно посетить *ханскую мечеть*, при которой имеются вертящиеся дервиши: они делают быстрые

символические круги, произнося слово *Гуве!* (Он, то есть Бог, все движет). За особую плату (не менее рубля) мулла проводит на минарет мечети, откуда открывается прекрасный вид. Возле мечети находится *ханское кладбище*, куда ведет маленькая калитка (в ведении того же муллы).

Ханское кладбище сохранилось еще во всей своей восточной оригинальности. Оно окружено каменной оградой, из-за которой видны и снаружи два больших восьмиугольных *тюрбе* (мавзолея) с куполами. В этих *тюрбе* погребены некоторые крымские ханы, а вне их, на открытом воздухе, находятся мраморные гробницы членов ханского семейства и других почетных лиц. Из 114 надгробных надписей ханского кладбища старейшая относится к 1001 (1592) году. Надписи эти отличаются или краткостью и простотой, или же восточной напыщенностью и многословием. Мы приведем для примера две. На гробнице Калги-Сеадет-Гирея: «Ненавидная судьба зарыла в землю алмаз с нитки рода ханов Чингисовых. Много алмазов было у Сеадет-Гирея, наместника крымского. Ныне один из этих алмазов есть Бах-Гирей-Султан, правосудный и умный. Да украшается он счастьем, пока тот (Сеадет-Гирей) лежит в земле. Высокостепенный отец его отличался умом в роде Чингисовом. Да будет милосердие Божие над ним и всеми его предками! Праведные и в вечности царствуют! Раб Хамди (имя поэта) написал год его смерти: в такой счастии да восседает он на украшенном троне в раю. 1176 года» (1762 года по Р. Х.). На гробнице султанши Мелек: «Эта гробница есть ложе одной прекрасной особы, которой нежное тело судьба сравняла с землей. Молитва за упокой души усопшей Мелек-Султанши. 1142 года» (1729 г. по Р. Х.).

Вне ограды ханского дворца среди большого кладбища есть одно семиугольное *тюрбе*, построенное Крым-Гирем-Ханом над его любимой женой *Диларою-Бикеч*. Поэт Мицкевич в своих «Крымских сонетах» воспел погребенную здесь княжну Марию Потоцкую, будто увезенную из Подолии. Но, судя по подлинным надписям на *тюрбе*, следует заключить,

Богаевский К. Ф. Соколиная башня. 1930-е гг.

что Мария Потоцкая есть не более как поэтический вымысел Мицкевича, а за ним и Пушкина. Именно здесь две надписи; в одной сказано: «Да будет милосердие Божие над Диларою 1178 г.» (1764 г.); а в другой: «Молитву (прочти) за упокой души Дилары-Бикеч».

Окрестности Бахчесарая не менее заслуживают внимания путешественника, чем самый город и ханский дворец, даже можно сказать, что они более любопытны. Кроме оригинальности и высокого изящества пейзажа, они замечательны археологическими памятниками, не только интересными для специалиста, но неизбежно поражающими каждого путешественника.

Могилевский А. П. Портал Алевиза, 1936 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О КРЫМѢ.

САКСІЯ ГРЯЗИ.

Изданіе Кн. Е. Г.

Барисорайскому
Удѣлу и Музею

Изд. И. С. М.

Сержикова -

Градских.

Москва, 1936 г.

МОСКВА.

Типографія Общества распр. полезн. книгъ, Моховая, д. Торлецкой.

1881.

Елена Сергеевна Горчакова

1824-1897

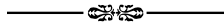
Елена Сергеевна Горчакова – педагог, поэтесса, автор путевых очерков. Получила домашнее образование. В 1865 г. стала надзирательницей в 3-й Московской женской гимназии на Ордынке.

В 1879 г. издала в Москве «Стихотворения» – небольшой сборник стихов патриотического содержания. В 1880-е гг. печаталась в журналах «Кормчий», «Воскресный день», «Московские церковные ведомости». Издала «Сочинения» Д. П. Горчакова с очерком его жизни, составленном по литературным источникам и семейным воспоминаниям.

Выпустила книгу путевых очерков «Воспоминания о Крыме», в которой, наряду с описаниями морских и горных пейзажей, мечетей и монастырей, развалин крепостей, изобразила подробности быта крымскотатарского и русского населения.

Выпустила серию очерков о монастырях: «Поездка в Новый Иерусалим», «Херсонесский монастырь в Крыму», «Серафимо-Дивеевский общежительный женский монастырь».

ВОСПОМИНАНІЯ О КРЫМѢ

Быть в Севастополѣ и не видать Бахчисарая, мнѣ казалось невозможнымъ. Еще въ Сакахъ мнѣ много говорили объ этой древней столицѣ Крымскихъ хановъ, сохранившей и теперь свой восточный характеръ. Да и стоило проѣхать по участку Лозово-Севастопольской желѣзной дороги между Севастополемъ и Бахчисараемъ. Именно отъ Севастополя до Бахчисарая встрѣчаются замѣчательныя сооруженія, нѣсколько віадуконъ и туннелей, высокія насыпи, легкіе, прелестные мосты. [...]

Внѣшній видъ Бахчисарая оригиналенъ. Весь городъ расположенъ по скатамъ двухъ большихъ горъ, на берегахъ довольно мутнаго ручья Чурюкъ Су (т. е. гнилая вода) въ длинномъ и узкомъ ущельѣ, гдѣ совершенно теряются въ густой зелени садовъ, и низенькіе дома, и сплюснутыя крыши, и сквозныя лавчонки, и воздушныя кофейни обвитыя плющемъ и виноградомъ, между которыми гордо возвышаются, какъ бѣлыя и зеленыя башни, тонкіе минареты татарскихъ мечетей и пирамидальныя тополи. [...]

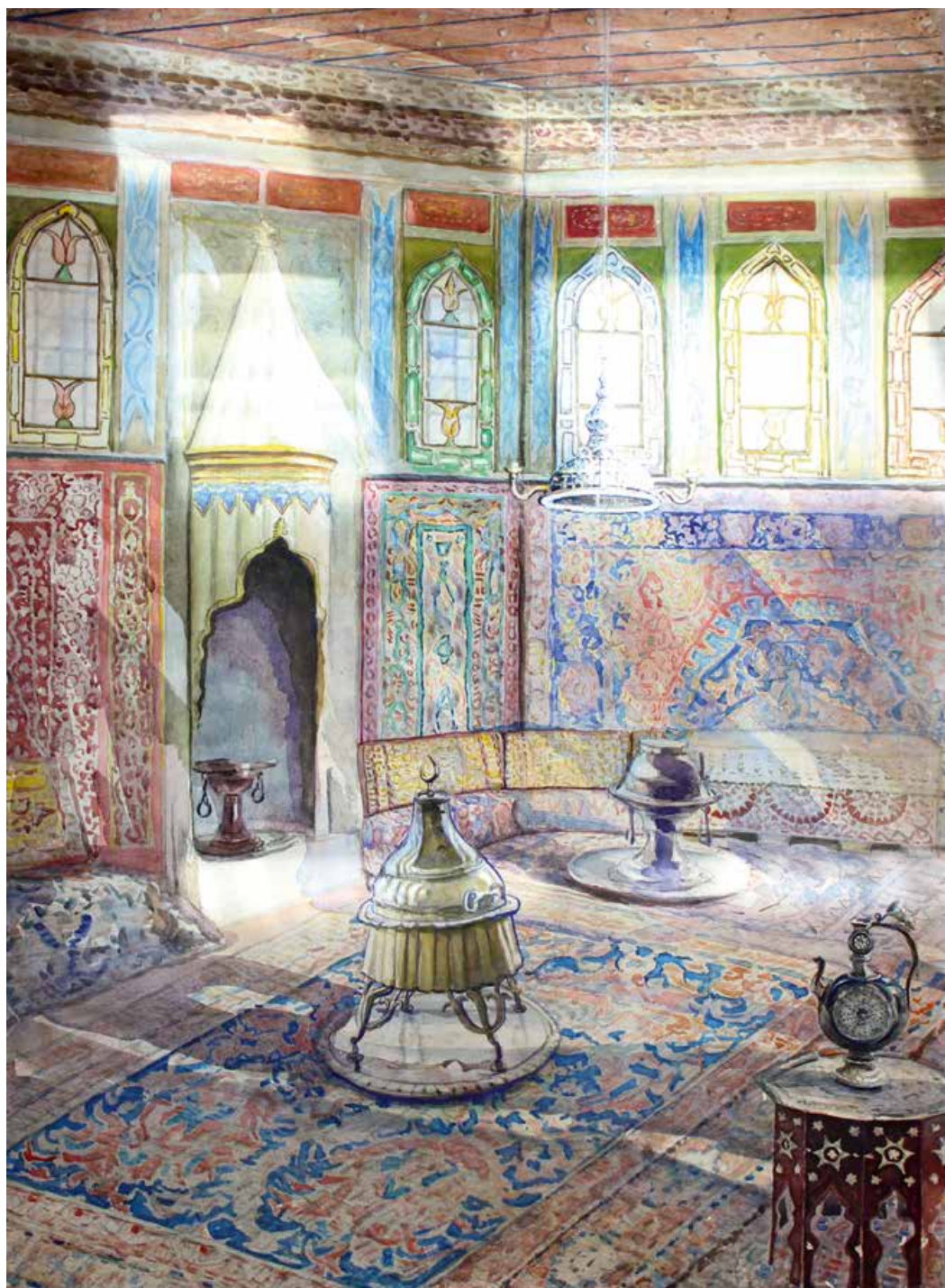
Мы подвигались такъ медленно, что я отчаявалась, когда нибудь доѣхать до ханскаго дворца. Наконецъ нашъ возница татаринъ остановилъ лошадей на мосту противъ самыхъ воротъ. Мостъ тяжелый, каменный черезъ тотъ же грязный Чурюкъ Су, который обыкновенно течетъ безобиднымъ ручьемъ посреди самой улицы въ срединѣ города, но при паденіи дождей въ горахъ превращается въ бурную рѣку.

Наружный видъ дворца обѣщаетъ немного. По восточному обычаю съ наружной стороны оконъ нѣтъ, а видна только одна сплошная стѣна съ башенками и высокими, мавританскими трубами. Стѣны снаружи пестро выкрашены яркими и темными красками; большія ворота, также раскрашены и обиты желѣзомъ. Общее впечатлѣніе довольно мрачное; но мы входимъ во

дворъ и все измѣняется. Это востокъ съ своей таинственной нѣгой, съ шопотомъ фонтановъ, съ изумрудной тѣнью вѣковыхъ каштановъ, тонкимъ ароматомъ выющихся розъ! Дворъ просторный, свѣтлый, зеленый, весь обрамленный огромными деревьями, фонтанами, башнями, полубашнями, цвѣтками, узорчатыми крыльцами, увитыми плющемъ и виноградомъ.

Конечно, за границей памятники процвѣтавшей нѣкогда восточной жизни изящнѣе и лучше Бахчисарайскаго дворца, но у насъ въ Россіи это единственный хорошо сохранившійся остатокъ той эпохи и хотя въ немъ мало изящества, мало слѣдовъ той роскоши и фантастичности, которыми отличаются мавританскіе памятники Альгамбры, или Кордовы, въ немъ все таки много оригинальности и пестрота живописи и архитектуры этого татарскаго дворца имѣютъ свою прелесть и свою поэзію; можетъ быть нѣсколько дикую, какъ и сами Гирей его создавшіе, но живо напоминающія и нравы и образъ жизни того времени. Зданіе дворца очень велико: балконы, крыльца прикрѣплены въ безпорядкѣ и образуютъ непрерывныя уступы, спуски, повороты. По главнымъ дорожкамъ, въ тѣни громаднхъ орѣховыхъ и каштановыхъ деревьевъ, поставлены скамейки; на нихъ сидятъ, лежатъ и даже спятъ татары; это сторожа и служители дворца.

Одинъ изъ нихъ, по моей просьбѣ, указываетъ мнѣ квартиру коменданта, завѣдывающаго дворцемъ и прибавляетъ, что онъ теперь въ городѣ на службѣ, но что супруга его дома. Я прошу его отнести ей мою карточку, онъ колеблется. Въ эту минуту сходитъ съ крыльца, мальчикъ лѣтъ 10-ти. Это сынъ полковника Ш.... милый мальчикъ, съ которымъ мы потомъ очень подружились. Онъ беретъ у меня карточку и рекомендательное письмо къ отцу и вскорѣ возвращается съ Г-жей Ш.... Я передаю ей поклонъ евпаторійской дамы, давшей мнѣ письмо къ ея мужу (полковникъ былъ долго исправникомъ въ Евпаторіи и оставилъ о себѣ хорошую память и много друзей) разговоръ завязывается, мой покровитель, милый Вася, указываетъ намъ на графскія комнаты, какъ наше помѣщеніе, и потомъ Г-жа Ш.... уводитъ меня къ себѣ отдохнуть и выпить кофе.

Яновский В. К. Гарем. 1940-е гг.

Вскорѣ возвращается полковникъ; онъ такой-же ласковый и гостепріимный, какъ его жена и ихъ радушный пріемъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Не зная, что они такъ любезно пригласятъ меня обѣдать, я заказала себѣ обѣдъ въ одной изъ кофеенъ, или, вѣрнѣе сказать, харчевенъ города. По рассказамъ цыгана носильщика, проводника и страшнаго болтуна, вынужденнаго наши вещи изъ коляски, это прекрасная гостинница, въ которой можно получить все, *чего душа желаетъ*. Этотъ цыганъ (я забыла его имя) извѣстенъ всѣмъ путешественникамъ; онъ очень надоедливъ, крайне назойливъ, но типиченъ съ своими черными бѣгающими глазами и зубами острыми и бѣлыми, какъ у молодаго волка. Ровно въ два часа онъ пришелъ за нами и повелъ насъ въ свою хваленую гостинницу, увѣряя, что это *тутъ, тутъ рядомъ, очень близко*. Но было такъ жарко, что разстояніе мнѣ показалось порядочнымъ; тѣмъ болѣе, что мы шли посреди пыльной улицы, избѣгая близости домовъ, подпертые столбиками, съ балконами висящими на палочкахъ, съ галлереями и пристройками, прилѣпленными кое-какъ къ нагнувшимся стѣнкамъ.

Наконецъ нашъ чичероне прикладываетъ руку ко лбу, потомъ къ сердцу (это – знакъ почтенія) и останавливается противъ бѣлой мазанки въ два этажа. На верхній этажъ ведетъ наружная лѣстница, съ изломанными перильцами и съ двумя, тремя дощечками, положенными кое гдѣ вмѣсто ступенекъ; внизу у самага входа очагъ, въ немъ кто-то жаритъ что-то; но лучше не вглядываться въ тайны татарской кухмистерской, а то пропадетъ навсегда вашъ аппетитъ.

Дрожа за цѣлость нашихъ ногъ, мы взбираемся по животрепещущей лѣстницѣ, стараясь ступать, какъ можно легче, чтобы не обрушиться вмѣстѣ съ ней, и входимъ въ низкую, довольно большую комнату. Посрединѣ накрытъ былъ столъ съ немовѣрно грязною скатертью, съ тарелками и стаканами еще грязнѣе. Я не могу рѣшиться сѣсть у большаго стола; сажусь у маленькаго, около окна; онъ кажется не такъ грязенъ. Хозяинъ встаетъ съ дивана въ углу комнаты, гдѣ онъ игралъ въ доми-

но, или въ кости съ другимъ, такимъ-же оборваннымъ молодымъ человѣкомъ, какъ онъ самъ. Они оба евреи и содержатъ харчевню и музыку, и тутъ-же на старыхъ фортепіано лежатъ двѣ скрипки, что-то въ родѣ флейты и старыя ноты. Воздухъ въ этой комнатѣ ужасенъ. Молодая женщина довольно красивая, но грязная, какъ и все ее окружающее, вноситъ тарелку куринаго супу, съ плавающимъ сверху жиромъ, перцемъ и лавровымъ листомъ. Я прошу чистую салфетку, но она сыра и пахнетъ лукомъ, или чеснокомъ, не знаю; насильно проглатываю двѣ, три ложки супу и прошу слѣдующаго блюда; является чахоточный цыпленокъ, изжаренный въ салѣ и опять тотъ же отвратительный запахъ. Я плачу за это удовольствіе 90 коп., благодарю за прекрасное угощеніе грязную хозяйку и спѣшу покинуть на всегда этотъ бахчисарайскій эрмитажъ. Лѣстница мнѣ кажется еще опаснѣе при спускѣ, чѣмъ при подъемѣ, но наконецъ мы благополучно спрыгиваемъ на землю и возвращаемся домой съ пустымъ желудкомъ и пустымъ кошелькомъ, потому что на дорогѣ нашъ не отвязчивый цыганъ увлекаетъ насъ въ татарскую лавку, гдѣ продаются серебряныя вещи, сафьяновыя туфли, кожаныя издѣлія, татарскія покрывала и полотенца.

Товаръ хорошъ и оригиналенъ, но лавка помѣщается въ верхнемъ этажѣ такого жалкаго домика, что того и гляди рухнетъ вмѣстѣ съ нами вся эта пристройка на курьихъ ножкахъ. Когда мы вернулись во дворецъ, одинъ изъ дворцовыхъ служителей, грекъ Педро совершенно обрусѣвшій, повелъ насъ осматривать дворецъ. Такъ какъ онъ это дѣлаетъ нѣсколько разъ въ теченіи дня, то совершенно твердо знаетъ свою роль, останавливается всякій разъ въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, рассказываетъ одни и тѣ же анекдоты, обращаетъ вниманіе на одни и тѣже предметы. У него громадная связка ключей, которыми онъ отмыкаетъ разныя отдѣленія дворца, рѣшетчатые комнаты, тайные переходы, внутренніе садики, дворики съ бассейнами и фонтанами. Въ дворцѣ 70 комнатъ и 18 фонтановъ. Я удивлялась какъ онъ не путается въ этомъ лабиринтѣ комнатъ, слѣдующихъ одна за другой безъ всякой мысли и плана. Вид-

но, что зодчій заботился лишь объ одномъ спасти обитателей дворца отъ жгучаго солнца и цѣль его была достигнута; тѣнь и прохлада царствуютъ всюду, особенно въ рѣшотчатыхъ комнатахъ, устроенныхъ въ поворотахъ зданія въ видѣ большихъ крытыхъ балконовъ, обнесенныхъ вмѣсто стѣнъ красивыми золоченными, или раскрашенными рѣшотками. Работа этихъ рѣшотокъ очень мелка и снаружи онѣ кажутся сплошной сѣтью, между тѣмъ какъ черезъ нихъ все видно. Эти крытые балконы устроены надъ двориками и садами гарема и служили ханамъ любимымъ пріютомъ и мѣстомъ наблюденія за невольницами и женами.

Комнатъ такое множество, что я могу вспомнить только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, а остальные слились въ какую-то безпорядочную массу полутемныхъ, болъшею частію очень тѣсныхъ покоевъ, съ небольшими узкими окнами, изъ цвѣтныхъ стеколъ затѣйливой формы и яркихъ цвѣтовъ. Комнаты низки, потолки расписаны, стѣны также, или обиты древними, тяжелыми тканями затканными, или вышитыми золотомъ и серебромъ, но очень ужъ полинявшими. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ потолки изъ красного, или черного дерева, выложеннаго клѣтками, которыя обрамлены золочеными рѣзными каемками. Двери и окна всюду расписаны яркими красками, серебромъ и золотомъ, арабесками, полумѣсяцами, фантастическими птицами, причудливыми, небывалыми растеніями и цвѣтами. Полы, зеркала, столики, табуреты, диваны также расписаны; есть столики и табуретки турецкіе выложенные перламутромъ; есть зеркала въ стеклянныхъ рамочкахъ очень оригинальныхъ, точно онѣ сдѣланы изъ фольги.

Вообще мебели мало и она разставлена чинно, по стѣнкамъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ, въ стѣнныхъ шкафчикахъ еще хранится стеклянная и мѣдная посуда того времени. Самыя любопытныя комнаты: ханская спальня, гдѣ показываютъ кровать, на которой отдыхала Екатерина II; вся мебель этой комнаты состоитъ изъ тахтъ, т. е. низенькихъ дивановъ съ подушками изъ розоваго атласа съ шитемъ гладью и золотомъ; все полиня-

ло и приходитъ въ ветхость; около кровати стоитъ пара туфель, изъ чернаго дерева съ перламутровой инкрустаціей, напоминающихъ своей формой французскія sabots. Столовая, приѣмная, посольская и комната для бритья также интересны; въ послѣдней до сихъ поръ, хранится парчевое покрывало, которымъ завѣшивалъ своего властителя ханскій цирюльникъ. Кабинетъ хана отличается особенно тщательнымъ убранствомъ: стѣны покрыты лѣпными изображеніями лимоновъ, гранатовъ, винограда и другихъ плодовъ; на верху за стеклами, подъ самымъ потолкомъ красуются восковыя цвѣты, съ листьями изъ разноцвѣтныхъ перьевъ; тахты и подушки на нихъ изъ голубой шелковой ткани, вышитыя гладью серебромъ и золотомъ; эту работу приписываютъ ханскимъ женамъ; видно, что въ этой комнатѣ собрано все, что въ это время считалось рѣдкимъ и драгоценнымъ.

Окна кабинета выходятъ въ садикъ, съ вѣчно зелеными кипарисами, съ абрикосовыми и миндальными деревьями, сверстниками послѣднихъ обитательницъ гарема. Въ немъ и теперь много цвѣтовъ, розы въ большомъ изобиліи; надъ большимъ бассейномъ, изъ котораго проведена вода во всѣ фонтаны дворца, тѣнистая, виноградная бесѣдка, кругомъ бассейна нарцисы, и большіе розовые цвѣты, похожіе на наши тюльпаны; высокія стѣны этого садика заросли густымъ плющемъ, онъ обвиваетъ и деревья и фонтанъ изъ бѣлаго мрамора, съ мраморными ступеньками и скамейками. Дорожки въ саду очень узки, такъ что ходить двумъ рядомъ не возможно, за садикомъ дворикъ гарема, окруженный высокими стѣнами, за которыми комнаты довольно просторныя, съ зеркаломъ и шкафикомъ для платья въ каждой; – это и есть комнаты гарема.

Тутъ же возвышается высокая деревянная башня называемая *Соколиною*. Нашъ чичерене рассказалъ намъ, что прежде она была еще гораздо выше и что сквозь ея густыя рѣшотки, жены хановъ любовались на соколиную охоту. Въ нижнемъ этажѣ дворца помѣщается большая зала; эта зала ханскаго судилища, съ стѣнами подъ мраморъ, съ сидѣньями вокругъ стѣнъ, съ рас-

писаннымъ потолокомъ, съ хрустальной люстрой и съ рѣшотчатой, тайной комнатою для хана въ видѣ хоръ. Въ эту комнату ведетъ изъ ханскаго кабинета потаенный, темный корридоръ, такъ что ханъ могъ присутствовать во время суда, никѣмъ не видимый. Рядомъ съ этой залой, комната, гдѣ сидѣли секретари и записывали рѣшенія судей; въ этой комнатѣ, вѣроятно, изготовлялись ханскія грамоты русскимъ князьямъ о сборѣ дани въ Россіи и призывы хановъ татарамъ къ набѣгамъ на Польшу, Русь и Литву. Также внизу, но съ противоположной стороны дворца, большая, круглая комната, или ротонда; это темница Маріи Потоцкой, въ которой она томилаcь почти годъ, пока ее тайно не извела зеліемъ ея соперница Феря любимая жена хана. Вотъ легенда, сохранившаяся до сихъ поръ въ татарскомъ народѣ какъ преданіе и такъ поэтично переданная намъ Пушкинымъ въ его «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». Вблизи комнаты, или, какъ ее называютъ теперь, молельни Маріи, у главнаго входа находится фонтанъ, поставленный тутъ Гиреемъ, чтобы при каждомъ выходѣ и входѣ во дворецъ, напоминать ему о смерти Маріи.

Онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, четырехугольнымъ выступомъ изъ стѣны; на мраморной доскѣ вырѣзана надпись, надъ ней зубчатые украшенія, луна и какъ будто крестъ; внизу бассейнъ, куда падаетъ медленно, по каплѣ, переходя поочередно по всѣмъ маленькимъ, мраморнымъ чашечкамъ, устроеннымъ выше бассейна, тонкая струя воды. Въ Крыму много фонтановъ такого же устройства и мѣрное, тихое паденіе воды по каплѣ, напоминаетъ паденіе слезъ. Этотъ фонтанъ называется: фонтанъ Маріи, или фонтанъ слезъ. Когда мы вышли изъ дворца, Петро повелъ насъ черезъ дворъ къ памятнику на могилѣ Маріи Потоцкой; онъ своею формой напоминаетъ наши часовни, надъ его дверями надпись по татарски, гласящая: прохожій, прочти первую главу Корана за душу здѣсь погребенной *Диляры Пикечъ* (имя данное ханомъ своей плѣнницѣ).

Отсюда очень хорошъ видъ на весь Бахчисарай и на возвышающіяся за нимъ горы и скалы. На лѣвой сторонѣ близъ входа въ ханскій дворъ стоитъ главная мечеть, построенная во

внутренней части двора, но оба ея минарета и паперть выходятъ на грязную улицу, вдоль рѣчки Чурюкъ-Су, такъ что можно въ нее войти, миновавъ ханскій дворъ, что и дѣлають жители Бахчисарая, посѣщающіе во время службы два раза въ нѣделю нѣкогда богатую и славную ханскую мечеть. Теперь она напоминаетъ лютеранскую церковь. Эта огромная, очень высокая, довольно темная зала съ хорами, вся устлана татарскими и персидскими ковриками. На потолкѣ вмѣсто паникадилъ висятъ широкіе деревянные трехъ-угольники съ стаканчиками и подсвѣчниками разныхъ формъ и размѣровъ. Вдоль передней стѣны, увѣшанной огромными пожелтѣвшими листьями съ изрѣченіями изъ Корана, стоятъ низенькіе табуретки, съ раскрытыми книгами и рядъ высокихъ простыхъ, мѣдныхъ подсвѣчниковъ, окружающихъ углубленіе въ самой срединѣ стѣны, гдѣ хранятся мѣдные шары за занавѣской; на правой сторонѣ возвышаются три высокія каѳедры изъ орховаго, рѣзнаго дерева, какъ обыкновенныя лютеранскія, или католическія каѳедры. На хоры внутренній входъ изъ дворца и довольно большая комната, въ которой ханъ молился во время службы въ мечети. Изъ этой комнаты большое окно выходитъ въ самую мечеть, такъ что все происходящее въ мечети хорошо видно и слышно.

Рядомъ съ ханской мечетью, ханское кладбище. Въ него входишь черезъ узкую калитку, заросшую со всѣхъ сторонъ высокой, густой травой. Подъ миндалевыми и абрикосовыми деревьями бѣлѣютъ нѣсколько каменныхъ гробницъ, разныхъ формъ и величинъ, но почти всѣ съ каменными чалмами; одна изъ гробницъ меня поразила красотой мраморной плиты ее покрывающей и тонкостію украшеній изъ мрамора, окаймлявшихъ весь мавзолей. Сколько мнѣ помнится это могила Крымъ Гирей хана, сына Дивлетъ Гирея. Изъ этого садика прямой ходъ въ ханскую усыпальницу, т. е. въ сырую и пустую, круглую башню, наполненную каменными гробницами, поставленными довольно симметрично рядами. Тутъ похоронены не одни ханы, но и любимыя ихъ жены, надъ гробницами которыхъ, вмѣсто

чалмы, высѣчены каменные женскія шапочки. На памятникѣ Менгли Гирея лежитъ огромный мечъ, на другихъ щиты и кривыя сабли. Въ этомъ помѣщеніи темно и пахнетъ гнилью и оно скорѣе походитъ на небрежно содержимую кладовую, чѣмъ на усыпальницу нѣкогда грозныхъ властителей Крыма. Смотря на это запустѣніе, на постепенное разрушеніе этихъ остатковъ другаго намъ чуждаго міра, невольно пришло мнѣ на мысль, что можетъ быть когда нибудь напомнить о себѣ такими же печальными, никому не нужными остатками, и нашъ цивилизованный міръ. Но я стараюсь прогнать эти не веселыя мысли, и направляюсь къ большому столу подѣ вѣковымъ каштаномъ. Вокругъ него собралось веселое общество – вся семья полковника и знакомые, пріѣхавшіе изъ Севастополя. Идетъ оживленная бесѣда; самоваръ шумитъ; я помѣщаюсь около привѣтливой хозяйки, забываю о печальной участи ханскихъ женъ и, не размышляя болѣе о превратностяхъ судьбы, предаюсь всецѣло составленію плановъ на слѣдующій день.

Могилевский А. П. Дворец хана. 1936 г.

Свищов Е.

Путешествие на Южный берег

Симферополь
1907

Евгений Иванович Свищов

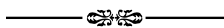
1874-1922

Евгений Иванович Свищов – крымский ученый-археолог, внесший значительный вклад в развитие учебных экскурсий по Крыму. Евгений Иванович родился в семье потомственного дворянина Таврической губернии. Учился в Симферопольской мужской гимназии. В 1895 г. он работал делопроизводителем Таврической губернской чертежной, а чуть позже был назначен на должность письмоводителя и бухгалтера Симферопольской мужской гимназии. Благодаря усилиям Свищова в январе 1908 г. открывается Симферопольская частная прогимназия, которая впоследствии играла заметную роль в культурной жизни Симферополя.

В 1912 г. Свищов оканчивает Императорский Московский археологический институт имени Императора Николая II, защищает диссертацию и получает степень ученого-археолога.

После установления в Крыму советской власти гимназия была преобразована в Третью семилетнюю трудовую школу. В связи с этим Свищов переезжает в Бахчисарай и устраивается на работу в Музей тюрко-татарской культуры. Однако через некоторое время умирает от последствий голода.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

ИЗЪ БАХЧИСАРАЯ ВЪ ЯЛТУ

По горнымъ тропамъ.

I

Бахчисарай. Сераль. Ханскія усыпальницы. Мечеть. Намазъ.

Въ 3 часа ночи поѣздъ остановился на ст. Бахчисарай. Собравъ свои вещи, мы направились пѣшкомъ въ городъ, расположенный верстахъ въ 2-хъ приблизительно отъ станціи.

Свѣтало. Свѣжій утренній вѣтерокъ ласково обвѣвалъ насъ, и, послѣ душной вагонной атмосферы, мы жадно вдыхали чистый, горный воздухъ.

Дорога вела въ узкое ущелье, замкнутое съ обѣихъ сторонъ высокими холмами. По правую сторону ея протекаетъ маленькая рѣчка-канавка, носящая татарское названіе *Чюрюкъ-су* (гнилая вода).

Пройдя съ версту, сдѣлали привалъ у каменной арки – памятника великолѣпнаго «шествія» въ Тавриду Имп. Екатерины II въ 1787 г.

Влѣво отъ нея обращаетъ на себя вниманіе фонтанъ, расплывчатый въ восточномъ вкусѣ и сооруженный жителями города – татарами въ память событія 17 октября 1888 года.

За аркой начинается собственно городъ.

Длинная, узкая (2 саж. съ небольшимъ) улица, единственная въ городѣ, ведетъ къ дворцу крымскихъ хановъ.

По обѣимъ сторонамъ ея тянутся туземныя постройки своеобразной архитектуры.

Когда мы входили въ городъ, жизнь въ немъ уже пробуждалась: взадъ и впередъ шныряли татарчата съ маленькими подносиками, на которыхъ красовались миниатюрныя чашечки съ душистымъ турецкимъ кофе; разносчики овечья-

го молока, съ длинными деревянными сосудами за спиною, выкрикивали «сьютъ, варъ, сьютъ!» («молоко, вотъ молоко!»); продавцы татарскихъ лепешекъ и колачей шумливо предлагали свой товаръ; открывались лавки и мастерскія; муллы, въ бѣлыхъ чалмахъ, закутанные въ длинные зеленые кафтаны, важной поступью направлялись въ мечети; моэззины съ высокихъ минаретовъ сзывали правовѣрныхъ на утренній намазъ (молитва).

Скоро показался знаменитый дворецъ крымскихъ хановъ – «ханъ-сарай». Передъ входомъ въ него, на мосту, переброшенномъ черезъ рѣчонку, стоитъ каменный столбъ, увѣнчанный двуглавымъ орломъ, – второй памятникъ посѣщенія Бахчисарая имп. Екатериною II.

Ворота сераля были еще заперты, и мы ограничились наружнымъ осмотромъ.

Арка надъ дворцовыми воротами украшена арабесками и надписью на татарскомъ языкѣ: «Владѣтель этого дворца и повелитель этой страны, султанъ всемилостивый Менгли-Гирей-ханъ, сынъ Хаджи Гирея. Да помилуетъ Богъ его и родителей его въ обоихъ мірахъ». Слева – большая ханская мечеть, съ двумя минаретами, которые, словно руки, простертыя для молитвы, стройно тянутся къ престолу Аллаха; справа – флигель для высокопоставленныхъ посѣтителей Бахчисарая, съ красивыми стрѣльчатыми окнами и трубами въ мавританскомъ стилѣ.

Въ ожиданіи открытія воротъ, отправились пить чай въ ближайшую кофейню.

Она помѣщалась въ небольшой низенькой квадратной комнатѣ, вдоль стѣнъ которой шли скамейки, обитыя красной матеріей, съ цвѣтными подушками. Прямо отъ входа – небольшая стойка съ разставленными на ней чашечками разной величины и стаканами, а позади ея – очагъ, на которомъ варятъ кофе. По стѣнамъ развѣшаны лубочныя картины, изображающія виды Стамбула и эпизоды изъ недавней греко-турецкой войны, и маленькое старинное зеркальце, съ перламутровой инкрустаціей.

Мы заказали себѣ кофе; но крѣпкое турецкое кара-каве (черное кофе), съ значительнымъ количествомъ гущи, пришлось не по вкусу и было замѣнено чаемъ.

Изъ кофейни отправились бродить по татарскимъ лавочкамъ, гдѣ каждый пріобрѣталъ себѣ «на память» какую-нибудь вещицу мѣстнаго издѣлія: глиняный раскрашенный кувшинчикъ, феску, красный кушакъ, татарскій ножъ, сафьяновую сумочку, съ красивою мишурной обшивкой, служащую для храненія молитвы изъ Корана, плетъ, длинный чубукъ (трубку) и т. п.

Наконецъ, заповѣдныя ворота раскрылись, и мы сдѣлали визитъ полицмейстеру, который любезно предоставилъ въ наше распоряженіе флигель для почетныхъ гостей.

Не теряя времени, приступили къ осмотру дворца, въ сопровожденіи ключника.

Сначала намъ были показаны комнаты, въ которыхъ останавливалась имп. Екатерина II, ханская уборная, съ одеждою послѣдняго хана Шагинъ-Гирея, при которомъ Таврида была присоединена къ Россіи (въ 1783 г.), покои Маріи Потоцкой.

Съ послѣдними связана извѣстная легенда о польской княжнѣ Маріи Потоцкой, полоненной, будто, ханомъ Керимъ-Гиреемъ и очаровавшей его настолько, что ради нея онъ забылъ любимую жену Зарему. Ревность побудила послѣднюю убить княжну; но и сама она погибла ужасной смертью: разгнѣванный Керимъ Гирей велѣлъ утопить ее въ одномъ изъ гаремныхъ бассейновъ.

Далѣе посѣтили «золотой» ханскій кабинетъ, залъ для пріема иноземныхъ пословъ и комнату, въ которой отдыхали ханскія жены.

Въ послѣдней устраивается музей древностей, относящихся къ эпохѣ владычества татаръ.

Отсюда прошли въ узкій коридорчикъ, помѣщающійся надъ заломъ верховнаго суда (дивана) – громадной мрачной комнатой, съ красиво расписаннымъ арабесками потолкомъ (недавно реставрированнымъ). Коридорчикъ замаскированъ густой проволочной сѣткой, сидя за которой, ханы наблюдали за отправленіемъ правосудія.

Спустившсь внизъ по ветхой деревянной лѣстницѣ, мы попали во внутренній дворъ, съ двумя фонтанами; одинъ изъ нихъ («Фонтанъ слезъ» воспетъ Пушкинымъ въ извѣстной поэмѣ: «Бахчисарайскій фонтанъ»).

Обозрѣніе дворца закончили лѣтними помѣщеніями хановъ, гаремнымъ садомъ, бассейнами, въ которыхъ купались прелестныя жены повелителей Тавриды, и такъ наз. «Соколиной» башней.

Представленія моихъ юныхъ спутниковъ о великолѣпномъ «ханъ-сараѣ», создавшіся подъ вліяніемъ знакомства съ поэтическими описаніями дворцовъ Гренады и Севильи и волшебныхъ замковъ сказокъ Шехеразады, испытали, какъ я замѣтилъ, серьезныя потрясенія, когда, вмѣсто залитыхъ золотомъ чертоговъ, украшенныхъ лучшими произведеніями арабской живописи и скульптуры, вмѣсто тончайшей мозаики и мягкихъ персидскихъ ковровъ, они увидѣли рядъ пыльных, тѣсныхъ, полутемныхъ комнатъ, съ грубо размалеванными стѣнами и потолками, убогіе, ситцемъ обитые диваны и старыя, изодранныя цыновки мѣстнаго издѣлія.

Однако, неблагоприятное впечатлѣніе, производимое внутренностью дворца, сглаживается внѣшнимъ видомъ его построекъ, сохранившихъ слѣды изящной и легкой архитектуры арабовъ, его прелестными садами, цвѣтниками, бассейнами, таинственными бесѣдками и нѣжно журчащими фонтанами...

На смѣну ключнику явился проводникъ-татаринъ, который повелъ насъ въ царскія усыпальницы.

Въ небольшомъ тѣнистомъ садикѣ разбросаны надмогильныя плиты и саркофаги, подъ которыми покоятся жены и родственники Гиреевъ.

Гробницы самихъ правителей Крыма помѣщаются въ двухъ каменныхъ мавзолеяхъ (тюрбѣ), увѣнчанныхъ полукруглыми куполами.

Чичероне передавалъ намъ содержаніе блещущихъ перлами восточнаго краснорѣчія эпитафій, вырѣзанныхъ на мраморѣ саркофаговъ.

Рядомъ с усыпальницами, ближе къ воротамъ, – ханская мечеть, съ двумя высокими минаретами по бокамъ, построенная Селяметъ-Гиреемъ въ 1153 г. геджры (1740 г. по христіанскому лѣтосчисленію).

Она представляетъ огромный залъ.

Два ряда колоннъ съ арками поддерживаютъ хоры (февканэ), обведенные деревянной баллюстрадой; часть ихъ (маафиль), отгороженная глухой стѣной и застекленная, предназначалась хану и членамъ его семьи.

Полъ мечети устланъ дорогими старинными персидскими коврами, прекрасно сохранившимися.

Въ передней стѣнѣ – михрабъ, ниша подъ балдахиномъ. По бокамъ ея, вдоль стѣны, – ряды ставниковъ, съ зелеными восковыми свѣчами, возжигаемыми только во время «разы», и низенькихъ подставокъ для Кур'Ана.

Справа, по той же стѣнѣ, – рѣзная лѣстница – каѳедра (мэм-бэръ), съ ступенями, покрытыми краснымъ сукномъ, и перилами съ обѣихъ сторонъ, оканчивающаяся площадкой, съ коническимъ шатромъ, съ которой по пятницамъ хатипъ произноситъ или, вѣрнѣе, вычитываетъ изъ особой книги (хутбэ) проповѣди.

Слѣва – огромное рѣзное кресло (корси или курсю), откуда хатипъ или имамъ въ большіе праздники обращается къ народу съ приличествующимъ случаю поученіемъ.

Съ потолка спускаются двѣ огромныхъ, грубой работы, звѣздообразныхъ деревянныхъ люстры, съ стеклянными лампадами и овальными вызолоченными подвѣсками, украшенными черными кистями; четыре такихъ же люстры, поменьше, свѣшиваются съ хоровъ.

Посѣщеніе нами мечети совпало какъ-разъ съ началомъ очередного намаза (богослуженіе совершается пять разъ въ день).

Моэззинъ охотно разрѣшилъ намъ остаться въ мечети, взявъ, однако, съ насъ слово не разговаривать во время службы.

Мы вошли на хоры и простояли весь намазъ.

Татары, совершивъ у фонтана, рядомъ съ мечетью, установленный Кур'Аномъ абтесъ (омовение) и оставивъ обувь въ при-

творѣ, чинно входили, неслышно ступая по мягкимъ коврамъ, и садились, поджавъ подъ себя ноги.

Появился имамъ и, ставъ предъ михрабомъ, прочелъ краткую молитву, послѣ которой всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и стойными шеренгами стали позади него. Читается еще молитва, заканчивающаяся громкимъ возгласомъ: «Алла экбэръ!» Правовѣрные преклоняютъ колѣна и повергаютъ лицо на землю, оставаясь въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ. Опять молитва – и всѣ расходятся по мѣстамъ, а имамъ поворачивается лицомъ къ народу. Затѣмъ слѣдуетъ пѣніе моэззиномъ и кайюмомъ стиховъ изъ Кур'Ана и заключительная молитва имама.

Намазъ длится минутъ двадцать.

Молятся татары усердно, не позволяя себѣ ни разу повернуть голову во время службы.

По окончаніи богослуженія, мы, въ сопровожденіи моэззина, взбирались на минареты, съ которыхъ любовались городомъ, утопающимъ въ зелени садовъ.

Смирнов Б. В. Главные ворота Ханского дворца. 1905 г.

Д.В. НИКОЛЬСКИЙ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ

5. 10. 1941

ИЗДАНИЕ
КРЫМОХРИСА
СЫМФЕРОПОЛЬ
1924

28. *But what can I do?*

Петр Васильевич Никольский

1891-194?

Петр Васильевич Никольский – крымовец, член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, Российского общества по изучению Крыма.

Никольский окончил духовное училище и духовную семинарию, а в 1914 г. стал выпускником Варшавского университета (историческое отделение).

В 1915 г. Петр Васильевич становится действительным членом ТУАК. В дальнейшем вся его жизнь и творчество неразрывно связаны с этой организацией.

Никольский уделял большое внимание вопросам изучения истории и краеведческой работе в школе. В 1923 г. он публикует очерк историко-археологической экскурсии «Симферополь и его окрестности», а чуть позже издается очерк о Бахчисарае. Работа имела большой успех и вскоре вышло второе, дополненное ее издание «Бахчисарай и его окрестности».

БАХЧИСАРАЙ. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ

Живописное, покрытое лесом и садами ущелье, примыкавшее к древней крепости Кырк-Ер (ныне Чуфут-Кале) – с одной стороны, а с другой – сливавшееся с привычной, родной степью, привлекло их внимание, и здесь возникает с начала XVI века постоянная резиденция ханов.

Нынешний дворец их построен в половине XVIII века на месте старого дворца, уничтоженного пожаром при взятии Бахчисарая русскими в 1736 г., но в самом расположении дворцовых построек он в значительной мере повторяет своего предшественника. Сравним нынешний вид дворца с планом его 1798 г. и со следующим описанием Манштейна, видевшего ещё старый дворец до его уничтожения: «Во двор ханского дворца ведёт каменный мост, перекинутый через небольшой ручей, который омывает дворец. Берега ручья выложены камнем. Дворцовый двор, довольно обширный, представляет собою квадрат, обставленный строениями... По правой стороне его находится старый дворец хана, в котором он жил... Строения эти окружены садами и фонтанами свежей чистейшей воды, проведёнными из горных источников, и хотя постройка их не отличается ни правильностью, ни роскошью, однако нравится своею опрятностью и изяществом. По левой стороне двора есть строения, из которых в среднем жили невольники хана... Пройдя дальше, выйдешь к конюшням хана, каменному строению длиною пятнадцать саженей... Большая ханская баня примыкает к ханскому дворцу...»

Это сравнение даёт нам возможность сделать вывод, позволяющий угадывать во владельцах дворца не столько государей-правителей, сколько государей-собственников. Во всём

явственно проступают черты частного быта. Ни одного здания чисто государственного нельзя указать среди помещений дворца, наоборот, даже самый дворец – местопребывание ханов – скрыт от посторонних глаз за целым рядом хозяйственных построек. Его окружают кухни, бани, амбары, конюшни, помещения для дворни, даже лавки...

Значительное число ханских придворных, всякого рода должностных лиц не могло, конечно, поместиться во дворце, чему свидетели те домики с характерными трубами, которые разбросаны в разных местах Бахчисарая. Владельцы этих домов принадлежали по большей части к числу ханских служилых людей «капу-кулов», его личных вассалов...

Нам необходимо присмотреться повнимательней к ханскому дворцу: жилище властителей государства должно так или иначе отразить и характер их власти, и общие условия государственного быта. Лучшим местом, откуда виден весь дворец, является осыпь ущелья напротив дворцовых ворот или минарет ханской мечети. Отсюда, с вышины, ясно видно, что крыша главного корпуса состоит из отдельных частей, расположенных одна выше другой. В распределении их нельзя уловить никакой системы и порядка, зато выходящие далеко за стены выносы их краёв придают дворцу очень живописный вид...

Материал, из которого почти целиком построен дворец – тот же самый калыб, который мы видели в других постройках Бахчисарая...

Лёгкие хрупкие контуры дворца подчёркивают массивность здания мечети. Её квадратная невысокая, четырёхскатная крыша, с выходящими далеко за стены краями придаёт ей мощный, несколько приземистый вид, и это впечатление заметно усиливают крыши двух открытых, со стрельчатыми арками, галерей, расположенных вдоль боков её. Два минарета у северных концов этих галерей уходят в небо стройными белыми колоннами, они недавнего, сравнительно, происхождения, но покоятся на старых, покрытых мохом основаниях.

Пройдём внутрь мечети. Над дверями главного входа с левой стороны надпись: «Хаджи-Селим-хан, – да помилует Бог сего праведного мужа! – был лучшим из ханов. Сколько ни расцветало роз в родном его цветнике, все они в свою очередь украшали властительный дом. Когда новая роза этого цветника, т.е. Селямет-Герай, сделался крымским ханом, тогда, по милости Божией, пришла на мысль следующая хронограмма: «Селямет-Герай построил эту великолепную мечеть 1153 г.». Спустя два года мечеть эта подверглась ремонту, о чём свидетельствует другая надпись: «Да будет благословенна починка Высокого Крым-Герай-хана». Итак, эта мечеть построена, по нашему летосчислению, в 1740 г. и, несомненно, в её больших размерах и отделке должен был, отчасти, сказаться тот религиозный и патриотический подъём, который охватил край после разгрома Бахчисарая в 1736 г., когда «проклятые москowsы, подобно злым духам, вошли в чистое, девственное тело Крыма».

Несмотря на то, что здание построено в два света, внутри его стоит полумрак, эффект которого достигается цветным застеклением окон, тёмной окраской резного потолка и хор. В этом слабом освещении скрадываются все линии: колонны, поддерживающие потолок, кажутся легче и стройнее, а вся внутренность мечети – просторнее. В правом находится высокая кафедра, изящно выточенная из орехового дерева, с ажурной резьбой и инкрустациями. Над нею выше видна застеклённая галерея ханской ложи. Вход в неё ведёт из дворцового двора по лёгкой деревянной лестнице. В первом отделении ложи стены покрыты фаянсовой облицовкой, украшенной арабско-персидским орнаментом – лиловато-синими изящными разводами по белому полю. Необходимо здесь обратить внимание и на внешние окна ложи: они очень невысоки и позволяют увидеть весь сложный характер застекления двумя рамами, одной с цветными, а другой, внешней, с простыми стёклами. Подойдём ко внутреннему окну галереи: большой покрытый коврами квадрат пола тонет глубоко внизу в полумраке мечети, и впечатление простора и

величины здания ещё более усиливается. Представим теперь на минуту эту мечеть, наполненную молящимися. Правильными, как шеренги солдат, рядами они выстраиваются против михраба – священной ниши, обращённой к Мекке, заполняя собою всё помещение. Оттуда – от михраба – раздаётся одинокий голос, в переливах которого чувствуется определённый ритм, целый ряд заученных приёмов. И, повинуясь голосу и движениям тела имама, вся масса людей совершает ряд однообразных привычных движений: воздевает руки кверху, падает на колени, касаясь лбом пола, кланяется в пояс и т. п. Это подчинение, приведение к единству внешних выражений молитвенного настроения отразилось в зрительном образе то огромное влияние, какое религия и духовенство играли в далёком прошлом. [...]

Впечатление мощности здания мечети заметно ослабевает, если смотреть на неё со стороны двора. Приподнятая над землёй боковая галерейка, разбивая своей покатой крышей стену на две части, мешает здесь увидеть её высоту; яркая размалёвка стен, украшения наличников нижних окон и резная деревянная лесенка, ведущая в ханскую ложу, придают ей нарядный, радостный вид, вполне гармонирующий с общим обликом дворца. Пересечём двор и остановимся на минутку около фонтана, обратившись лицом к левому крылу дворца.

Шум звонко падающих в бассейн струй воды, связанный в нашем сознании, ещё со времён чтения детских сказок, с представлениями о восточной неге и роскоши, переплетается в одно целое со зрительным восприятием наполовину спрятавшегося в зелени деревьев павильона Крым-Герая. Он представляется сквозным от обилия окон, радостным и весёлым от ярких красок стенных орнаментов, игрушечно-красивым под широкой шапкой выступающей вперёд крыши. Это сложное ощущение напоминает нам о том, сколько красивого и своеобразного погребено в прошлом дворца.

Пройдём теперь в зал Дивана, расположенный налево от главного входа во дворец. Помещение этого высшего государственного учреждения включено в сеть дворцовых покоев –

характерная черта старины, когда личность властителя и понятие государства мыслились слитно и нераздельно. Над дверью знакомое имя: «Двери Дивана (сооружены) Селямет-Герай-ханом, сыном Гаджи-Селим-Герай-хана 1156 (1742) г.».

Самые стены этой, одной из немногих, каменной кладки, палат дворца, по всей вероятности, древней помеченной даты и пережили пожар дворца в 1736 г. Пропорция размеров залы в настоящее время несколько нарушена: пол находится выше своего прежнего положения, вследствие чего нижние окна совсем ушли к земле и кажутся скорей дверями. Потемневшие от времени известковые плиты заменили старые мраморы, уничтожен и фонтан – необходимая принадлежность нижних комнат дворца; только окна верхнего ряда, старинные, алебастровые, с разноцветными стёклами, да роспись высокого лепной формы потолка, напоминающая своими узорами, багрянцем и золотом окраски роскошный восточный ковёр, сохраняют отчасти колорит прошлого.

Когда-то в этом зале, на мягких подушках, расположенных вдоль стен, сживали представители родовой аристократии ханства и высшие духовные и светские чины, сохраняя непоколебимую уверенность, что «не ханами важнейшие дела делаются, но ими, ближними людьми, великими беями и мурзами», как высказался перед русским послом бей Яшлавский. Среди всей этой знати восседал и хан – не на троне, а также на мягких подушках: «на гюрнуше, как у татар называется ханский диван, – значит в уставах династии оттоманской, – для хана стелют особую полость и две обыкновенные подушки, а по сторонам – большие из штофной материи». Позднее появились кресла – больших размеров для хана и меньших для членов совета, задрапированные тонким оранжевым сукном с вышитыми на внутренней спинке золотыми полумесяцами, они сохранялись до 1860 года. В этом собрании обсуждались дипломатические предложения соседних государств, намечались планы военных набегов, государственных и административных мероприятий. В то же время Диван был

высшим судебным органом государства, являясь одновременно и сословным судом по делам крымской знати. Ведению его подлежали преступления государственного характера и дела по смертоубийству.

По лестнице, ведущей во второй этаж, можно пройти в другой зал – он носит название «посольского». Вероятно, он принадлежал к числу немногих показных палат дворца, служил местом торжественных церемоний, на которых хан выступал в качестве представителя всего государства. Этот зал представляет собою картину почти полного запустения. Два несимметрично расположенных в угловой его части цветных старинных окна наряду с другими, современными – в грубых деревянных рамах, дают яркое понятие о том, сколько уничтожено и переделано в этой части дворца. Только одно это помещение во втором этаже по своим размерам и назначению может соответствовать той палате старого сгоревшего дворца, подробное описание которой сохранил для нас современник: «Широкая лестница ведёт в верхний этаж, прямо в большую залу с мраморным полом, прикрытым чистыми циновками; потолок этой залы расписан голубым цветом с золотом, со столярными мозаичными украшениями... Стены её вместо ковров выложены разноцветным фарфором. Самая зала освещалась окнами в два ряда.

В верхнем – стёкла были разноцветные зеркальные, в виде больших четырёхугольников. Нижние окна снабжены двойными ставнями, из которых внутренние были лёгкими решётчатыми, пропускавшими прохладу в залу».

Оставим в стороне декоративные части Зала – мраморы, резные орнаменты, фаянсовую облицовку стен. Всё это могло быть растащено, уничтожено, попорчено: несомненным останется одно, что настоящий зал не повторил своими размерами старого – об этом говорит только один ряд окон его...

Посольский зал и помещение Дивана своим нынешним видом ясно говорят о тех переменах, какие произвёл во дворце целый ряд неудачных переделок. Но не только от неумелой руки

реставраторов бледнели подлинные тени прошлого.

Время прибавило к этому наслоения новых воспоминаний и чуждых легенд. Несколько комнат дворца связаны с именем императрицы Екатерины II, другие – с поэтическим образом Марии Потоцкой.

Только один уголок сохранил старое имя и, несмотря на позднейшую отделку, способность передать типичные черты дворцовых построек прошлого. – Это золотой кабинет Крым-Герая.

Постараемся преодолеть чувство разочарования, готовое возникнуть при виде яркой и далеко не стильной росписи оконных простенков, деревянного крашеного пола и скромной драпировки стенных диванов: эта небольшая комнатка, несмотря на бедность обстановки, на свежесть красок потолка и стен, не потеряла главной своей прелести – способности пробудить в душе ощущение глубокого уюта, замкнутости и отрешённости от внешнего мира. Творческий замысел строителя здесь ярко и полно воплотил эту характерную черту жилищ восточных, некогда кочевых народов; в ней отразилась, быть может, тоскующая душа степняка, чувствовавшего себя затерянным среди бесконечной, безбрежной равнины. Эту особенность золотого кабинета можно почувствовать вполне, только пройдя вглубь комнаты и повернувшись лицом ко входу: секрет её – в контрасте тёмной задней стены, состоящей сплошь из размалёванных деревянных шкафиков, – с тремя наружными стенами, почти прозрачными от обилия окон, через цветные стёкла которых и густые железные решётки льётся приятный матовый свет. Пол центральной части комнаты приподнят над уровнем входа, как бы навстречу этому свету, а маленькая входная дверь под арочным сводом почти не приметна на фоне стены, затенённая перегораживающей комнату решеткой. Взглянем на минутку через окно на небольшой квадратик сада, огибающего павильон. У стены его за зелёными старыми буксусами белеет мраморный фонтан с большим водоёмом, над которым раскинула свою широкую шапку увитая зеленью решётчатая галерейка.

Когда-то сквозь листву зелени просвечивали золотом её частые переплёты, в водоёме плавали рыбы, вокруг был разбит цветник. «Здесь на восьми клумбах, – пишет один из ранних путешественников, – росли розы, клуберозы, ронункулы и лилии». Этот маленький цветник, как бы прильнувший к высокой стене гарема, замкнутой линией своей ограды ещё более подчёркивает уют золотого кабинета, придаёт ему характер очаровательной интимности.

И неудивительно, что восторженный поэт начертил именно здесь свою оду, посвящённую обновлённому дворцу:

«Смотри! Этот увеселительный дворец, созданный великим умом хана, оправдывает мою хвалебную песнь.

Это здание его радушием, подобно солнечному сиянию, озаарило Бахчисарай.

Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурий, что красавицы сообщили ему прелесть, что он нитка морского жемчуга, неслыханный алмаз. Смотри! вот предмет, достойный золотого пера...

Вокруг дворца свежие лилии, розы, гиацинты. Сад, разумно расположенный, говорит как бы языком: новая мысль эта расцвела в цветнике души (Крым-Герая). Любовник розы, соловей, пал бы к праху ног сада, если бы его увидел.

Итак, если привлекательное место это мы назовём, как и должно, рудником радости, то каждое на него воззрение будет волнующимся морем наслаждения.

Раб придворного праха, будучи как бы тенью знатности в правление Крым-Герая, – да будет двор правосудия его открыт и счастлив, – любя его душевно и сознавая в себе дар попугая, так воспел увеселительный его дворец».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берг Н. В. Бахчисарай: Отрывок из походных заметок // Библиотека для чтения. – 1857. – Кн. 2, отд. 2. – 30 с.
- Горчакова Е. С. Воспоминания о Крыме. Сакские грязи. – М.: 1881. – 182 с.
- Домбровский Ф. М. Дворец крымских ханов в Бахчисарае. // Новороссийский календарь на 1849 год / Ришельевский лицей – Одесса, 1848. – 413 с.
- Манштейн К. Г. Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное по приказу графа Миниха капитаном Манштейном // Отечественные записки, М.: 1824. Ч. 19. № 51. С. 76–83.
- Марков Е. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы – 3-е изд. – СПб.; М.: Изд-е Т-ва М. О. Вольф, 1902. – 520 с.; 4 с.; ил.
- Мармон Де О. Ф. Путешествия маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет» / Пер. с франц., изданный Кс. Полевым – М.: 1840. Т. 1. С. 186–266.
- Монпере де Д. Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. – Париж, 1843. Т. 5, 6. – С.: Бизнес-информ, 2009. – 328 с., цв. вкл.
- Монтадон Ш. Г. Путеводитель путешественника по Крыму – К.: ИД «Стилос», 2011. – 416 с.
- Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией. // ИТУАК Симферополь, 1909. № 43.
- Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. – СПб, 1823. – 337 с.
- Никольский П. В. Бахчисарай: Культурно-исторические экскурсии. – Симферополь: Издание Крымохриса, 1924. – 62 с., ил.
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1, вторым тиснением. – СПб: Императорская Академия наук, 1809. – 657 с. + 116 с прибавл., + 25 л. вкл. ил.
- Пассек В. Отрывки из путешествия по Крыму. // Н. С. Всеволожский. Путешествие... – М., 1839. – 67 с. : ил.
- Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: И. И. Мурзакевич, А. Н. Демидов (к 200-летию юбилею Н. В. Гоголя). – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 328 с.:ил.
- Свиньин П. П. Картины России и быт разноплеменных ее народов, из путешествий П. П. Свиньина / П. П. Свиньин. – 1839. Ч. 1. СПб.: Типография Н. Греча, 1839. – XVI, 388 с. : ил., портр.

Свищов Е. И. Полуденная Таврида: Путевые заметки. – Симферополь, 1907. – 128 с.

Сегюр Де Л. Ф. Записки [...] о пребывании в России в царствование Екатерины II (1785–1789): Пер. с фр. с прим. – СПб, 1865. – 389 с.

Сементовский Н. М. Путешественник (Южный берег Крыма) – СПб., 1847. – 148 с.

Сосногорова М. А., Караулов Г. Э. Путеводитель по Крыму / М. А. Сосногорова, Г. Э. Караулов, К. А. Вернер, Н. А. Головкинский. – К.: ИД «Стилос», 2010. – 416 с.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году... – М., 1800. – 238 с.

Челеби Эвлия. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествие по Крыму (1641–1667 гг.). – С.:Таврия, 1996. – 240 с.: ил.

Шишкина О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году : В 2 Ч. – СПб., 1848. – Ч.1 –288 с., ил.; Ч. 2. – 303 с., ил.

Broniewski M. Tartariae Descriptio. Opis Tatarii. – Łódź: 2011. 116 s.

Gabriel marquis de Castelnau.Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie : statistique des provinces qui la composent : fondation d'Odessa, ses progrès, son état actuel, détails sur son commerce : voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce. – Paris, 1820.

Литературно-художественное издание

Летопись Ханского дворца Живые страницы

По материалам научной библиотеки
Бахчисарайского музея-заповедника

12+

Тех. редактор Г. В. Сытник
Корректоры: Э. Г. Воронова, И. В. Камышанова

Подписано в печать 23.08.2019. Формат 70х100/16. Объем 16,75 п. л. Гарнитура Minion.
Печать офсетная. Бумага мелованная 105 г/м². Тираж 300 экз. Заказ № 61292

Издательство «КОНСТАНТА»

308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»

308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12.

Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru